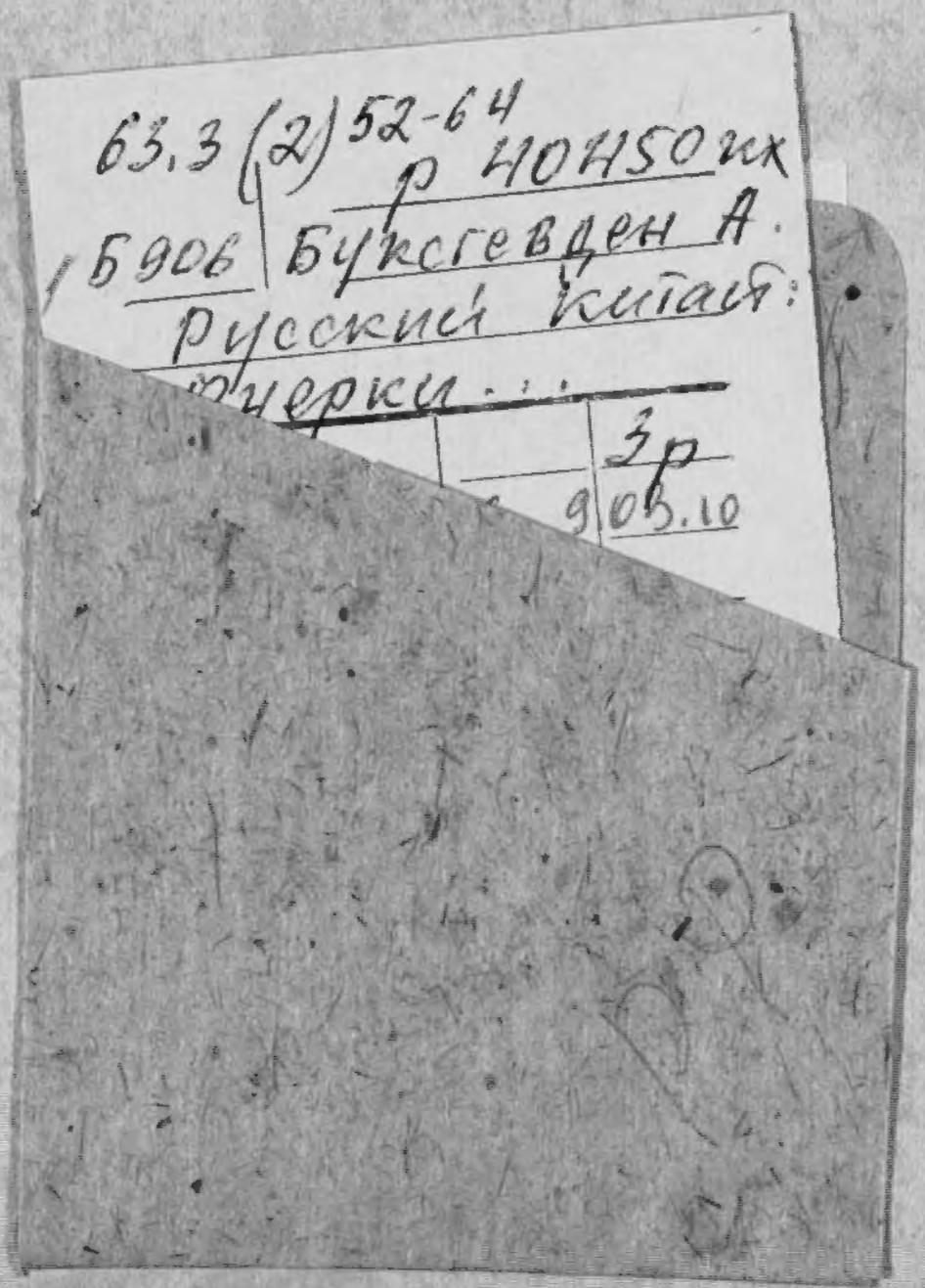
Р140450К
63.3(2)52
Б90Б

. Я БЫТЬ
ОЗЖЕ
РОКА



Библиотечная книга — священная социалистическая собственность

„Лица, виновные в похищении книг, умышленной их порче или преступно-халатном обращении с книгами, привлекаются к уголовной ответственности и независимо от этого обязаны возместить причиненный ими библиотеке материальный ущерб".

(Из постановления СНК РСФСР от 14 сентября 1934 года—„Об ответственности за сохранность библиотечного фонда").

★

ВЕ03084 з. 2426 тир.10000

1511.

63.3(2)52-64+
9(С)16+9(И)31
Б906
95
Б-90

БАРОНЪ А. БУКСГЕВДЕНЪ.

РУССКІЙ КИТАЙ.

63
40450кл
36403 р
1224

ОЧЕРКИ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИХЪ СНОШЕНІЙ РОССІИ СЪ КИТАЕМЪ,

I. ПЕКИНСКІЙ ДОГОВОРЪ.

1860 г.

Амурская обл…
г. Благов…

БИБЛИОТЕКА
КЛУБА СОЮЗА СОВРАБОТНИКОВ
Г. БЛАГОВЕЩЕНСК

Портъ-Артуръ.
Изданіе книжнаго склада „Новый Край“.
1902 г.

+63.3(3Кит) 04

Дозволено цензурою 6 Февраля 1902 г.
Портъ-Артуръ. Типографія газеты „Новый Край“.

Посвящается Генералъ-Адъютанту

Графу

Николаю Павловичу Игнатьеву.

ОТЪ АВТОРА.

Почти одновременно съ началомъ китайскихъ событій 1900 года мнѣ посчастливилось достать обширный матеріалъ, (имѣющійся также и въ Министер. Иностран. дѣлъ), позволившій мнѣ издать настоящее описаніе.

Вполнѣ сознавая, что исторія Пекинскаго договора, занимающаго столь блестящую страницу нашей дипломатической дѣятельности, достойна болѣе опытнаго пера, чѣмъ мое, я тѣмъ не менѣе взялся за работу, разсчитывая на то, что своевременное опубликованіе ея и интересъ сообщаемыхъ фактовъ, мало кому извѣстныхъ, искупятъ ея недостатки.

Къ несчастью, изданіе заняло больше времени, чѣмъ то можно было ожидать и наиболѣе благопріятный моментъ, когда весь міръ такъ напряженно слѣдилъ за всѣмъ, что происходило на крайнемъ востокѣ—уже пропущенъ. Главнѣйшею причиною столь нежелательнаго замедленія, послужили неблагопріятныя условія, при которыхъ приходилось работать плавая на судахъ эскадры Тихаго океана, въ такое горячее время, когда происходившія вокругъ событія отражались замѣтнымъ осложненіемъ и на служебныхъ обязанностяхъ.

Ссылаясь на это обстоятельство, я позволяю себѣ надѣяться, что благосклонный читатель приметъ его во вниманіе и проститъ тѣ ошибки, которыя явились результатомъ невыгодныхъ условій работы.

Лейтенантъ Бар. А. Букслевденъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Первая часть очерковъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Китаемъ, охватитъ наиболѣе интересный для русской дипломатіи періодъ 59—60 г. г., заключившійся Пекинскимъ договоромъ. За тѣмъ, по мѣрѣ пополненія матеріала, очерки эти предполагается завершить описаніемъ и слѣдующихъ событій 1900 и 1901 годовъ.

Всеобщее напряженіе, съ которымъ міръ слѣдитъ за тѣмъ, что происходитъ въ Китаѣ, даетъ намъ поводъ надѣяться, что выпускаемая нынѣ въ свѣтъ первая часть очерковъ удостоится вниманія публики.

Издатель.

Портъ-Артуръ.
20 Января 1902 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

1) Заключеніе гр. Путятинымъ Тяньцзинскаго договора 58 года.
2) Назначеніе генерала Игнатьева въ Китай организовать военное дѣло 59 году.
3) Отказъ Китая принять предложенное Россіей оружіе; перемѣна въ положеніи Игнатьева.
4) Въѣздъ въ Пекинъ, начало переговоровъ, отреченіе китайцевъ отъ Айгунскаго договора.
5) Пораженіе англичанъ въ Таку; неудача американскаго посланника Уарда.
6) Прекращеніе переговоровъ на 3 мѣсяца; тягостное положеніе русскаго представителя.
7) Утвержденіе Министр. Иностр. дѣлъ Игнатьева въ званіи посланника. Приходъ «Джигита» въ Бейтанъ.
8) Отказъ Китайскаго правительства выпустить Игнатьева изъ Пекина. Насильственный его отъѣздъ.

ЧАСТЬ II.

1) Прибытіе въ Шанхай. Знакомство съ послами. Холодный пріемъ. Циркулярное объясненіе Игнатьева цѣли своей миссіи.

2) Уходъ на «Свѣтланѣ» въ Японію и Пе-чи-ли. Приходъ англійской и французской эскадры въ Бей-танъ. Фальшивое положеніе Уарда.
3) Высадка десанта союзниковъ. Недоразумѣніе съ салютомъ русскому флагу.
4) Бомбардировка и взятіе фортовъ Таку. Начало переговоровъ союзниковъ съ китайцами.
5) Занятіе Тяньцзина. Переходъ Игнатьева на клиперѣ «Разбойникъ» по рѣкѣ Пейхо въ Тяньцзинъ.
6) Задача Игнатьева: добиться довѣрія враждующихъ сторонъ и занять положеніе посредника между ними.
7) Разрывъ переговоровъ.

ЧАСТЬ III.

1) Выступленіе союзниковъ въ Тунъ-чжоу.
2) Столкновеніе союзниковъ съ войсками Сэнъ-Вана, взятіе въ плѣнъ англійскихъ и французскихъ офицеровъ и драгомановъ.
3) Сраженіе при На-ли-цяо: назначеніе новаго уполномоченнаго князя Гуна. Дурныя отношенія между союзниками. Бѣгство богдыхана изъ столицы.
4) Рѣшеніе бомбардировать Пекинъ. Выдача китайцами живыхъ вмѣстѣ съ тѣлами замученныхъ плѣнныхъ. Новый ультиматумъ союзниковъ.
5) Взятіе и грабежъ Хай-дейскаго дворца; архивъ и русскія бумаги въ рукахъ англичанъ: опасное положеніе Игнатьева.
6) Желаніе барона Гро видѣть Игнатьева посредникомъ; отъѣздъ изъ Тунъ-чжоу и въѣздъ въ Пекинъ.
7) Просьба китайцевъ о посредничествѣ. Согласіе Иг-

натьева. Бомбардировка Пекина отмѣняется. Ультиматумъ союзниковъ китайцамъ и отвѣтъ на него, составленный Игнатьевымъ.

8) Начало мирныхъ переговоровъ. Заключеніе мирныхъ трактатовъ союзниковъ съ китайцами.

9) Переговоры Игнатьева о русско-китайскихъ дѣлахъ, неожиданный пріѣздъ Брюса; выступленіе арміи, отъѣздъ пословъ.

10) Заключеніе Пекинскаго договора 2 Ноября 60 г. Присоединеніе къ Россіи Амурскаго и Уссурійскаго края.

I.

Чтобы создать себѣ новые рынки, добиться торговыхъ льготъ и вообще усилить свое вліяніе на Востокѣ, Англія задумала зимою 56—57 г. снарядить совмѣстно съ Франціей, союзъ съ которой ослабъ послѣ Крымской кампаніи и требовалъ поддержки, серьезную экспедицію въ Китай.

Узнавъ объ этомъ черезъ морского агента въ Лондонѣ, графа Путятина. Великій Князь Константинъ Николаевичъ, усмотрѣлъ въ намѣреніяхъ Англіи поползновенія на наши интересы въ Тихомъ океанѣ и настоялъ на назначеніи того же Путятина посланникомъ и полномочнымъ министромъ къ Китайскому императору съ тѣмъ, чтобы вытребовать у Маньчжурскаго правительства тѣ же права и преимущества, какія будутъ даны другимъ державамъ, и, заодно, покончить пограничные вопросы на Амурѣ и въ Киргизской степи.

Путятинъ выѣхалъ въ Китай сухимъ путемъ и благополучно добрался до Кяхты, гдѣ неожиданно встрѣтилъ препятствіе къ дальнѣйшему пути въ лицѣ амбаней (правителей Восточнаго Китая), наотрѣзъ отказавшихся пропустить его въ столицу, безъ разрѣшенія высшихъ властей. Тогда онъ написалъ энергичную жалобу въ Пекинскій трибуналъ внѣшнихъ сношеній, обвиняя китайскихъ сановниковъ въ нарушеніи Кяхтинскаго договора 1728 г., (разрѣшающаго

дипломатическія спошенія между обѣими державами), причемъ сбъявилъ, что будетъ ожидать разрѣшенія трибунала только до 15-го мая, послѣ чего, во всякомъ случаѣ, выѣдетъ черезъ Амуръ и Маньчжурію кратчайшимъ путемъ въ Пекинъ. Въ случаѣ же, если Китайское правительство не доставитъ ему своевременно нужныхъ для передвиженія черезъ степи средствъ, онъ сядетъ на пароходъ и прибудетъ въ Печелійскій заливъ не позже 1 іюля.

Не дождавшись отвѣта и убѣдившись въ невозможности продолжать путешествіе сухимъ путемъ, Путятинъ пересѣлъ на пароходъ „Америка“, спустился на немъ по Амуру и къ означенному времени прибылъ въ заливъ Пе-че-ли.

Тотчасъ была возобновлена попытка завязать письменныя сношенія съ Пекинскимъ трибуналомъ, но она не имѣла никакого успѣха. На сдѣланное Путятинымъ заявленіе, что онъ прибылъ для выясненія нѣкоторыхъ пограничныхъ вопросовъ, а также съ цѣлью предотвратить отъ Маньчжурскаго правительства опасность, угрожающую ему со стороны Англіи и Франціи, трибуналъ дерзко отвѣтилъ, что считаетъ какіе то бы ни было переговоры съ русскимъ посланникомъ по пограничнымъ вопросамъ излишними, пріѣздъ же его въ Пекинъ (чего добивался Путятинъ) невозможнымъ. Отвѣтъ свой китайцы дополнили замѣчаніемъ, что всѣ письменныя сношенія должны вестись исключительно черезъ Кяхту и что впредь никакія бумаги не будутъ приниматься отъ посланника въ Печелійскомъ заливѣ.

Такимъ образомъ, послѣ неудачнаго посольства

графа Головкина, *) отправленнаго въ Пекинъ въ 1805 г., Маньчжурское правительство вторично оскорбляло Россію своимъ отказомъ принять ея посланника. Потерявъ почти годъ въ безплодныхъ попыткахъ завязать самостоятельные переговоры съ центральною властью въ Пекинѣ, Путятинъ присоединился, наконецъ, къ посланникамъ Англіи, Франціи и Америки, вмѣстѣ съ которыми онъ переѣхалъ въ Тянь-Цзинъ. Здѣсь, благодаря согласнымъ усиліямъ представителей 4-хъ державъ, упорство маньчжуръ было поколеблено и Китаемъ заключенъ съ каждымъ изъ этихъ государствъ отдѣльный договоръ.

Представители Россіи и Америки, будучи самыми умѣренными въ своихъ требованіяхъ, значительно содѣйствовали мирному разрѣшенію возбужденныхъ вопросовъ, благодаря чему Тянь-Цзинскій договоръ, подписанный Путятинымъ, былъ уже черезъ три дня утвержденъ богдыханомъ. Сообщая объ этомъ секретнымъ образомъ, китайскіе уполномоченные довели до свѣдѣнія посланника, что, одновременно съ тѣмъ, между графомъ Муравьевымъ и главнокомандующимъ Хилуиндзянскимъ округомъ И-ша-ненъ, опредѣлена новая Русско-Китайская граница, проведенная по Амуру. Согласно Тянь-Цзинскому договору, Россія была сравнена съ прочими державами во всѣхъ правахъ и преимуществахъ морской торговли, дипломатическихъ сношеніяхъ и миссіонерской дѣятельности.

При всей кажущей справедливости такого рѣшенія вопроса, договоръ оказался на дѣлѣ гораздо вы-

---

*) Посольство Головкина кончилось неудачей, благодаря тому, что посолъ, прибывъ въ Ургу, никакъ не могъ добиться, чтобы ея правители сдѣлали ему визитъ первыми.

годнѣе для иностранцевъ, чѣмъ для насъ. Не имѣя торговаго флота, Россія не могла извлечь фактическихъ выгодъ изъ дарованныхъ договоромъ правъ, которыми въ сильной степени воспользовались англичане, французы и американцы. Сибиряки громко жаловались, что нашъ уполномоченный, заключая договоръ, слишкомъ увлекся солидарностью европейскихъ интересовъ и совершенно упустилъ изъ виду, что огромное протяженіе нашей сухопутной съ Китаемъ границы обязывало его предъявить требованія совсѣмъ особыя.

Главными защитниками сухопутныхъ интересовъ Россіи, забытыхъ въ Тянь-Цзинѣ, были графъ Муравьевъ и, въ особенности, Кяхтинскій градоначальникъ. Въ подробности разбирая договоръ въ поданной имъ въ августѣ 58 г. запискѣ, онъ доказывалъ, что необходимо прибавить къ нему, до его ратификаціи, нѣсколько дополнительныхъ статей, которыя закрѣпили бы за Россіей права сухопутной торговли, дарованныя ей еще прежними договорами и о которыхъ совершенно умалчивалъ послѣдній. Вопросъ этотъ имѣлъ столь важное значеніе для Сибири, что многіе заговорили даже о необходимости двинуть русскія войска въ Монголію и Маньчжурію, чтобы поддержать наши требованія силой.

Между тѣмъ Путятинъ, вполнѣ удовлетворенный результатами Тянь-Цзинскихъ переговоровъ, разработалъ дальнѣйшую программу дѣйствій. Поглощенный цѣлью утвердить въ Пекинѣ вліяніе Россіи, онъ рѣшилъ достичь этого усиленіемъ Китая русскимъ оружіемъ, направленнымъ противъ Англіи и Франціи. Не довольствуясь словесными предложеніями услугъ, онъ письменно сообщилъ китайскимъ уполномочен-

нымъ Гуй-Ляну и Хуа-Шану, что въ будущемъ году по приказу Государя Императора будутъ доставлены къ устью рѣки Пейхо въ распоряженіе Китайскаго правительства 50 пушекъ и 10000 нарѣзныхъ ружей новѣйшаго образца, при достаточномъ количествѣ инструкторовъ для обученія китайскихъ войскъ.

Одновременно съ этимъ онъ извѣстилъ, что Русское правительство предполагаетъ произвести ратификацію только что заключеннаго имъ, Путятинымъ, договора въ февралѣ 59 г., къ каковому времени и прибудетъ вновь назначенный съ этой цѣлью русскій посланникъ. Совѣтуя Китайскому правительству принять всѣ мѣры для ускоренія его пріѣзда черезъ Монголію и Маньчжурію, Путятинъ обѣщалъ, что русскій посланникъ дастъ важныя указанія, какъ избавиться отъ будущихъ чрезмѣрныхъ требованій англичанъ и французовъ, если онъ прибудетъ въ Пекинъ ранѣе другихъ представителей.

Дружественныя предложенія Путятина далеко не встрѣтили того сочувствія, какое можно было ожидать. Въ присланномъ необычайно быстро отвѣтѣ, китайскіе сановники *похвалили* посланника за *хорошую* мысль прислать оружіе и инструкторовъ и выразили свое *согласіе* на принятіе того и другого. Что же касается пріѣзда посланника въ Пекинъ, то они не только не обѣщали содѣйствовать ускоренію его путешествія, но, наоборотъ, высказали желаніе, чтобы посланникъ прибылъ въ столицу не раньше, какъ черезъ годъ, чтобы отнюдь не предупредить своимъ пріѣздомъ иностранцевъ, склонныхъ послѣдовать столь дурному примѣру и тоже ускорить свое прибытіе.

Не смотря на все неприличіе и грубость подобнаго отвѣта, Путятинъ не отказался отъ своей первоначальной мысли. Будучи еще на пути въ Россію, онъ писалъ изъ Парижа Великому Князю Константину Николаевичу о необходимости отстранить англичанъ и французовъ отъ руководящей роли въ дѣлахъ Востока, роли по праву принадлежащей Россіи и выставлялъ снабженіе Китая русскимъ оружіемъ, какъ одну изъ самыхъ раціональныхъ для того мѣръ. Вернувшись въ Петербургъ, онъ представилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ записку, въ которой были развиты его соображенія относительно будущихъ сношеній Россіи съ Китаемъ. Находя невозможнымъ для нашего посланника достичь въ Пекинѣ чего либо существеннаго въ присутствіи иностранныхъ представителей, Путятинъ настаивалъ на скорѣйшемъ его отъѣздѣ въ Китай, съ тѣмъ, чтобы произвести ратификацію и покончить, хотя бы съ самымъ важнымъ для Россіи пограничнымъ вопросомъ, до пріѣзда туда иностранцевъ. Перечисляя мѣры, которыя намъ слѣдовало по его мнѣнію принять, онъ доказывалъ, что необходимо: 1) купить для Манѣчжурскаго правительства обѣщанное имъ уже оружіе; 2) откомандировать въ Китай 5 офицеровъ, инструкторовъ, для преобразованія китайскихъ войскъ и въ 3) послать въ Тихій океанъ военныя суда малаго углубленія для дѣйствія во внутреннихъ водахъ Китая. Въ числѣ инструкторовъ Путятинъ предлагалъ послать лицо съ особыми полномочіями, которое могло бы сноситься непосредственно съ министрами и государственнымъ совѣтомъ въ качествѣ посредника между Русскимъ и Китайскимъ правительствами.

Всѣ эти предложенія были разсмотрѣны и одобрены особымъ комитетомъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя Императора.

II.

Для выигрыша времени рѣшили не посылать изъ Петербурга новаго посланника, а, перименовавъ въ это званіе пристава духовной миссіи въ Пекинѣ Перовскаго, (который принималъ участіе въ переговорахъ Муравьева на Амурѣ) поручить ему ратификацію Тянь-Цзинскаго договора. Для организаціи же инструкторскаго дѣла по настоянію Путятина и представленію директора Азіатскаго департамента Ковалевскаго, былъ назначенъ полковникъ флигель-адъютантъ Игнатьевъ, который ожидался въ скоромъ времени изъ Бухары, куда онъ былъ посланъ годъ тому назадъ начальникомъ особой военной экспедиціи.

Игнатьевъ вернулся въ Петербургъ на Рождество (58 г.) При первомъ же представленіи Государю Императору, Его Величество произвелъ его въ генералъ-маіоры съ зачисленіемъ въ свиту и сообщилъ о его назначеніи въ Китай на *трудное и щекотливое дѣло*.

Сборы экспедиціи заняли больше времени, чѣмъ можно было ожидать. Имѣя въ виду сложность предпринимаемой задачи организаціи всѣхъ военныхъ силъ Китая, рѣшили командировать съ Игнатьевымъ офицеровъ всѣхъ родовъ оружія. Обученіе китайской пѣхоты было поручено Семеновскаго полка штабсъ-капитану Зейфертъ; устройство инженерной части—поручику лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона Зейме; артиллерійской—гвардіи конной артиллеріи капитану Баллюзекъ; стрѣлковой—поручику Лишину; производ-

ство же топографическихъ работъ—топографу Шимковичу.

Экспедиціи нужно было спѣшить ввиду приближавшейся распутицы, дѣлающей путешествіе по Сибири совершенно невозможнымъ, а также и потому, что генералу Игнатьеву было крайне необходимо повидаться съ генераломъ-губернаторомъ восточной Сибири графомъ Муравьевымъ, который зимой еще объявилъ, что останется въ Иркутскѣ только до апрѣля.

6-го марта Игнатьевъ выѣхавъ изъ Петербурга черезъ Москву, Владиміръ, Пермь, Колывань, и не смотря на самую отвратительную дорогу, поспѣлъ въ Иркутскъ уже къ 4-му апрѣля, благодаря чему засталъ еще Муравьева въ его резиденціи.

Семидневнымъ пребываніемъ въ Иркутскѣ Игнатьевъ воспользовался, чтобы осмотрѣться и познакомиться, по возможности, съ положеніемъ дѣлъ въ Сибири и Китаѣ; затѣмъ онъ выбылъ вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ въ Кяхту, гдѣ неожиданно встрѣтился съ тѣмъ же препятствіемъ, съ которымъ столкнулся Путятинъ два года тому назадъ.

Вернувшійся изъ Урги пограничный комиссаръ Карповъ, ѣздившій туда по порученію генералъ губернатора, привезъ извѣстіе, что Монгольскій амбань отказывается пропустить русскаго посланника въ столицу, а потому приходилось ожидать въ Кяхтѣ разрѣшенія Пекинскаго правительства на дальнѣйшее путешествіе. 30-го апрѣля прибылъ, наконецъ, ожидавшійся съ такимъ нетерпѣніемъ посланецъ Перовскаго—адъютантъ генералъ-губернатора—Хитрово, который привезъ и повезъ далѣе въ Петербургъ ратификацію Тянь-Цзинскаго договора. Оказалось, что Перов-

скій съ трудомъ добился ея послѣ переговоровъ, длившихся нѣсколько мѣсяцевъ, чѣмъ и ограничилась его миссія. Китайцы не только не согласились ратифицировать договоръ Айгунскій и заключить дополнительный трактатъ, предложенный Перовскимъ, но простерли свою дерзость до того, что отказались отъ какихъ бы то ни было переговоровъ, не имѣющихъ отношенія къ Тянь-Цзинскому договору. Когда же они замѣтили, что русскій уполномоченный ставитъ свои требованія въ связи съ присылкой русскаго оружія и прибытіемъ инструкторовъ, то формально отказались отъ того и другого, и выразили при этомъ свое удивленіе по поводу неожиданнаго и совершенно безполезнаго, по ихъ мнѣнію, прибытія новаго русскаго посланника.

Обстоятельства эти имѣли огромное значеніе для экспедиціи Игнатьева, терявшей, благодаря такому повороту дѣла, свою главную цѣль—организацію военнаго дѣла въ Китаѣ. Послѣ заявленія, сдѣланнаго китайскими сановниками Перовскому, пріѣздъ русскихъ инструкторовъ и ввозъ оружія дѣлались совершенно немыслимыми и Игнатьевъ взялъ на свою отвѣтственность отмѣну данныхъ ему инструкцій. Транспортъ, состоящій изъ 380 подводъ, нагруженный орудіями и ружьями (Ижевскихъ заводовъ) и доходившій уже до Верхнеудинска, былъ остановленъ. Ѣхавшіе изъ Петербурга офицеры (кромѣ Баллюзека, оставшагося при Игнатьевѣ) предоставлены въ распоряженіе генералъ-губернатора. Орудія, которыми предполагалось вооружить форта Таку, были отправлены въ Новгородскую гавань и впослѣдствіи въ Николаевскъ, а огнестрѣльное ручное оружіе передано сибирскимъ баталіонамъ, имѣвшимъ до того времени одни гладко-

ствольныя, разстрѣлянныя и большею частью кремневыя ружья. 500 тысячъ рублей, выданные Игнатьеву для устройства военной части Китая, были внесены на храненіе въ Иркутское казначейство.

Всѣ эти распоряженія были впослѣдствіи совершенно одобрены и утверждены Государемъ Императоромъ.

III.

Внезапнымъ отказомъ китайцевъ отъ оружія совершенно измѣнялась намѣченная министерствомъ иностранныхъ дѣлъ задача. Экспедиція дипломатическаго характера, имѣвшая своей главною цѣлью организацію инструкторскаго дѣла, обращалась теперь въ исключительно дипломатическую миссію; положеніе же Игнатьева, не получившаго никакого дипломатическаго званія, дѣлалось весьма неопредѣленнымъ. Чтобы выйти изъ него, онъ немедленно запросилъ министерство иностранныхъ дѣлъ: какой оффиціальный титулъ будетъ приказано ему принять теперь.

Выжидательное положеніе кончилось скорѣе, чѣмъ можно было думать. 15-го мая прискакалъ къ Кяхтинскому градоначальнику гонецъ съ письмомъ отъ Ургинскихъ правителей, извѣстившихъ о согласіи богдыхана пропустить русскаго посланника въ столицу. Причина этой поспѣшности выяснилась позднѣе. Упорные по природѣ китайцы, съ трудомъ отступая отъ разъ установленнаго порядка, не поняли и не пожелали признать законнымъ переименованіе Перовскаго, простого начальника духовной миссіи (какими были Любимовъ, Ковалевскій и др.), въ *высокое* званіе посланника, а потому богдыханъ, когда узналъ о

прибытіи въ Кяхту *настоящаго* посланника, сдѣлалъ немедленное распоряженіе о пропускѣ его въ столицу.

Отъѣздъ изъ Кяхты былъ назначенъ на 24-е мая. Кромѣ Баллюзека, взятаго Игнатьевымъ въ качествѣ адъютанта, съ нимъ ѣхали секретарь—надворный совѣтникъ Вольфъ, переводчикъ китайскаго языка—статскій совѣтникъ Татариновъ и монгольскаго—хорунжій Вамбуевъ; конвой состоялъ изъ 5 казаковъ.

Зная какое огромное значеніе имѣетъ въ глазахъ восточныхъ народовъ всякое внѣшнее проявленіе блеска, было сдѣлано все, чтобы обставить проводы отъѣзжавшихъ самымъ торжественнымъ образомъ. Послѣ напутственнаго молебна, отслуженнаго въ соборѣ, уполномоченный вышелъ при большомъ стеченіи народа на площадь, гдѣ былъ встрѣченъ выстроенными мѣстными войсками, представленными ему исправлявшимъ должность генералъ-губернатора генераломъ Корсаковымъ. Поздоровавшись съ частями, Игнатьевъ отпустилъ ихъ по дорогѣ къ границѣ, куда пошелъ самъ пѣшкомъ, въ сопровожденіи властей, купечества, дамъ и почти всего народонаселенія Троицкосавска и Кяхты. На нейтральной полосѣ, между Кяхтой и Маймачиномъ, духовенство произнесло краткое молитвословіе, послѣ чего Игнатьевъ, попрощался окончательно со всѣми, поблагодарилъ войска сѣлъ въ коляску вмѣстѣ съ градоначальникомъ и, сопровождаемый конвоемъ въ 300 казаковъ, поѣхалъ на первую монгольскую станцію.

Все это было сдѣлано ради тѣхъ монголъ и китайцевъ, которые были въ то время въ Кяхтѣ и Маймачинѣ. Изъ разсказовъ этихъ свидѣтелей жители

Пекина должны были получить представленіе о силѣ, могуществѣ и положеніи русскаго представителя.

IV.

Предстоялъ долгій и тяжелый путь. Прежде всего являлся вопросъ о способѣ передвиженія къ Пекину. До тѣхъ поръ путешественники ѣздили всегда караваннымъ способомъ, но ѣхавшее этотъ разъ посольство нашло его слишкомъ медленнымъ и рѣшило испробовать китайскія двухколесныя повозки. Опять оказался удачнымъ и по удобству и, главное, по быстротѣ. Къ дышлу повозокъ припрягались всадники или всадницы, которые везли напрямикъ, безъ оглядки и большею частью вскачь.

Такимъ образомъ путешественники прибыли въ Ургу 27-го мая. Здѣсь пробыли два дня, чтобы переждать отставшихъ и, вообще, упорядочить передвиженіе. Остальную часть Монголіи и Гобійской степи проѣхали въ 11 дней, съ вторичной двухдневной остановой въ Калганѣ.

Съ момента вступленія изъ Монголіи въ собственный Китай, отношеніе мѣстныхъ властей и чиновниковъ рѣзко измѣнилось къ русскому посольству. Нигдѣ не было сдѣлано оффиціальной встрѣчи и все вниманіе Китайскаго правительства ограничилось присылкой двухъ чиновниковъ для сопровожденія путешественниковъ до Пекина, что дѣлалось, согласно изстари заведенному обычаю, не только для смѣнявшихся приставовъ духовной миссіи, но даже для простыхъ курьеровъ.

Подобное отношеніе властей къ посольству, при-

нудило уполномоченнаго позаботиться самому, чтобъ путешествіе изъ Калгана до Пекина, а главное въѣздъ въ столицу были состоялись соотвѣтствующей обстановкѣ.

Въ понедѣльникъ, 15-го іюня, посольство прибыло на русское кладбище, находящееся внѣ стѣнъ города, и было встрѣчено всѣми духовными и свѣтскими членами миссіи, кромѣ Перовскаго и отца Гурія. При въѣздѣ въ городъ и дальнѣйшемъ слѣдованіи въ южное подворье, Игнатьева несли въ парадныхъ носилкахъ, высланныхъ наканунѣ Перовскимъ; носилки окружала свита верхами и конвойные казаки. На присланное китайскими чиновниками предостереженіе, что народонаселеніе столицы никогда не видало иностранцевъ въ подобныхъ носилкахъ и что шествіе русскаго посланника можетъ произвести замѣшательство въ городскихъ воротахъ, разумѣется, не обратили никакого вниманія и прекрасно сдѣлали; посольство торжественно и благополучно прослѣдовало черезъ весь городъ при полномъ спокойствіи и удивленіи народонаселенія.

Южное подворье произвело на вновь прибывшихъ скверное впечатлѣніе. Помѣщеніе было тѣсно, грязно и неприглядно, обстановки не было никакой, не имѣлось ни посуды, ни столоваго бѣлья, ни серебра и недостатокъ чувствовался даже въ необходимомъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, вопросъ о прибытіи иностранныхъ представителей въ Пекинъ былъ рѣшенъ положительно, а потому надо было подумать о будущемъ пріемѣ пословъ въ южномъ подворьѣ, которое должно было служить постояннымъ помѣщеніемъ для русскаго посланника. Не мало труда надо было положить, что-

бы привести подворье въ приличный видъ, многое пришлось выписывать даже изъ Кяхты.

Пріѣздъ новаго посольства въ Пекинъ произвелъ мало впечатлѣнія на правительство богдыхана. Все вниманіе его ограничилось тѣмъ, что китайскіе сановники, которые вели переговоры съ Перовскимъ, главнокомандующій трибуналомъ внѣшнихъ сношеній Су-Шунь и президентъ уголовной палаты Жуй-Чанъ прислали двухъ чиновниковъ для поздравленія вновь прибывшаго съ пріѣздомъ. На слѣдующій же день Игнатьевъ оффиціально увѣдомилъ верховный государственный совѣтъ, что онъ прибылъ для замѣны Перовскаго, съ цѣлью обсужденія вопросовъ по разнымъ дѣламъ, относящимся до пользы обоихъ государствъ.

V.

Перовскій уѣхалъ 18-го, а 19-го явились въ Русское посольство китайскіе чиновники, сообщившіе, что тѣ же Су-Шунь и Жунь-Чанъ вновь назначены для веденія переговоровъ съ русскимъ уполномоченнымъ. Чтобы лишить китайцевъ возможности отречься впослѣдствіи отъ будущихъ сношеній, нужно было придать имъ оффиціальный характеръ и Игнатьевъ настоялъ на томъ, чтобы увѣдомленіе это было сдѣлано письменно, исполненіемъ чего и было положено основаніе переговорамъ.

Положеніе, въ которомъ уполномоченный засталъ русскія дѣла въ Пекинѣ, давало мало надежды на благополучный исходъ ихъ. Предписавъ Перовскому произвести ратификацію Тянь-Цзинскаго договора, министерство иностранныхъ дѣлъ поручило ему вмѣстѣ съ тѣмъ добиться утвержденія нашей границы,

выхлопотать уступку морского прибрежья, потребовать нѣкоторыхъ правъ для нашей торговли и проч. Ни одно изъ сдѣланныхъ нашимъ представителемъ предложеній не было принято. Всѣ представленные Перовскимъ, въ защиту своихъ требованій, доводы были сначала опровергнуты Су-Шунемъ и Жуй-Чаномъ словесно, а затѣмъ государственный совѣтъ прислалъ одну за другой три оффиціальныя ноты, въ которыхъ, одобряя и подтверждая все сказанное уже Су-Шунемъ, онъ прямо отказывался отъ Айгунскаго договора, заключеннаго, какъ писалъ совѣтъ, неправильно.

Чтобы усилить впечатлѣніе этого дерзкаго заявленія, Китайское правительство издало указъ богдыхана о разжалованіи главнокомандующаго И-шаня и его помощника Цзи Ли-Минья (участвовавшихъ въ Айгунскихъ переговорахъ) съ лишеніемъ чиновъ и званій *за недозволенные переговоры съ русскими.*

Послѣднія дѣйствія наши на Амурѣ и несвоевременно начатые въ Пекинѣ переговоры вызвали со стороны китайцевъ недовѣріе къ Россіи, на которую пало подозрѣніе въ желаніи захватить территорію Небесной имперіи. Невозможность поддерживать сношенія съ иностранными представителями и съ нашими судами, плавающими у береговъ Китая, отсутствіе всякаго способа получать какія либо свѣдѣнія и извѣстія, кромѣ печатавшихся въ Пекинской газетѣ, наконецъ формальный отказъ китайцевъ вступить съ нами въ переговоры о разграниченіи,—дѣлало политическое положеніе Русской миссіи въ Пекинѣ очень тяжелымъ.

„Если наше вліяніе (писалъ по этому поводу Игнатьевъ) когда либо и чувствовалось въ Пекинѣ,

то теперь оно болѣе не существуетъ и на русскихъ здѣсь обращаютъ меньше вниманія, нежели въ средней Азіи. Еще при Ковалевскомъ можно было зачастую видѣть въ нашемъ подворьѣ мѣстныхъ жителей, теперь же, къ намъ никогда не заглянетъ ни одинъ порядочный китаецъ, точно также, какъ ни одинъ русскій никого не посѣщаетъ въ городѣ. При всемъ своемъ природномъ корыстолюбіи, китайцы отказываются даже продавать въ лавкахъ русскимъ покупателямъ и мы принуждены дѣлать всѣ покупки черезъ китайскихъ слугъ. Ни агентовъ, ни шпіоновъ мы не имѣемъ и знаемъ только то, что извѣстно всей публикѣ изъ газетъ".

При обсужденіи вопроса о совѣщаніяхъ русскаго уполномоченнаго съ китайскими сановниками, чиновники попытались было назначить мѣстомъ *будущихъ свиданій* трибуналъ внѣшнихъ сношеній, на что имъ было однако замѣчено, что уполномоченный Великаго Русскаго Императора не можетъ допустить по отношенію къ себѣ тѣхъ порядковъ, которые примѣняются къ посольствамъ всякихъ мелкихъ государствъ, въ родѣ Кореи, и что онъ не желаетъ совѣщаться иначе, какъ у себя въ южномъ подворьѣ. Требованіе это было исполнено и первое свиданіе между уполномоченными произошло въ подворьѣ 28-го іюня.

Изъ обоихъ китайскихъ сановниковъ, назначенныхъ для переговоровъ, Су-Шунь имѣлъ несомнѣнно первенствующее значеніе: какъ родственникъ императора, онъ пользовался огромнымъ, почти неограниченнымъ вліяніемъ на дѣла и, какъ глава воинствующей партіи, онъ былъ враждебно настроенъ противъ

Амурская областная библиотека

всѣхъ иностранцевъ вообще, а противъ Россіи, въ особенности, за ея притязанія на маньчжурскую территорію. Избалованный подобострастіемъ окружающихъ, онъ держалъ себя крайне непринужденно, а иногда позволялъ себѣ даже говорить дерзко до неприличія. Жуй-Чанъ, наоборотъ, былъ молчаливый, угрюмый дѣлецъ, не смѣвшій ни въ чемъ противорѣчить Су-Шуню, котораго онъ, видимо, боялся.

Китайскіе уполномоченные начали съ того, что самымъ безцеремоннымъ образомъ сообщили Игнатьеву объ удивленіи, съ которымъ богдыханъ принялъ извѣстіе о прибытіи новаго русскаго посланника. „Вѣроятно", говорили они, „посланникъ, по недоразумѣнію, не получилъ еще извѣстія отъ Пербовскаго, что ратификація Тянь-Цзинскаго договора произведена, что вопросъ объ оружіи и инструкторахъ рѣшенъ отрицательно, и что на всѣ новыя предложенія Россіи, даны самые положительные и ясные отвѣты. Въ Пекинѣ нѣтъ болѣе нерѣшенныхъ русскихъ дѣлъ и потому", заключили уполномоченные, „богдыханъ полагаетъ, что пріѣхавшій посланникъ вернется вскорѣ обратно, въ свое отечество".

Столь странное заявленіе, переданное въ рѣзкой и грубой формѣ, выяснило сразу то вызывающее положеніе, которое желало занять относительно русскаго уполномоченнаго китайское правительство, въ лицѣ своего представителя Су-Шуня. Возразить на сказанныя слова такъ, чтобы, отстраняя возможность разрыва съ Китаемъ, соблюсти достоинство Россіи—было не легко.

Съ возможнымъ спокойствіемъ, Игнатьевъ отвѣтилъ, что объ оружіи и инструкторахъ, конечно, рѣчи быть не можетъ. „Какъ только получено было письмо Перовскаго“, говорилъ онъ, „и мы убѣдились“, что китайцы не цѣнятъ искренняго къ нимъ участія и благорасположенія Россіи, мы тотчасъ-же отмѣнили поѣздку инструкторовъ и отправили оружіе обратно; въ Пекинъ же я прибылъ для того, заключилъ посланникъ, „чтобы окончить всѣ Русско-Китайскіе вопросы, подлежащіе рѣшенію на основаніи Тянь-Цзинскаго, Айгунскаго и прочихъ договоровъ“.

Объясняя отказъ отъ оружія, какъ временную, но необходимую мѣру, вынужденную недоразумѣніями, возникшими между маньчжурскимъ правительствомъ и Англіей, Су-Шунь соглашался на опредѣленіе восточной границы между Россіей и Китаемъ, но находилъ невозможнымъ, ввиду незнакомства съ мѣстными условіями, трактовать объ этомъ вопросѣ въ Пекинѣ. Предлагая поручить Гиринскому генералъ-губернатору рѣшить это дѣло на мѣстѣ, китайскіе уполномоченные сочли нужнымъ добавить, что „во всякомъ случаѣ, наше правительство никогда не допуститъ Россію до какихъ либо территоріальныхъ захватовъ въ Маньчжуріи, ради которой мы готовы хоть воевать; что же касается маньчжурскихъ портовъ, которыхъ намъ вѣроятно придется лишиться впослѣдствіи, то мы не видимъ причины, по которой мы должны уступить ихъ Россіи, а не какой либо другой державѣ—напримѣръ Англіи“.

Отрекаясь вполнѣ отъ Айгунскаго договора, они говорили что онъ недѣйствителенъ потому, что И-

Шань (заключавшій его) не имѣлъ ни полномочій, ни узаконенной печати, *) ни права уступить Россіи лѣвый берегъ Амура, почему богдыханъ строго взыскалъ какъ съ него, такъ и съ его помощника, за ихъ самовольныя и предательскія дѣйствія. На это Игнатьевъ возразилъ, что ему нѣтъ никакого дѣла до того, доволенъ ли богдыханъ своими подчиненными или нѣтъ, но что Россія, свято блюдя, наравнѣ съ прочими образованными народами, нерушимость договоровъ, не можетъ отказаться отъ договора Айгунскаго. Если же богдыханъ, отрекется отъ него и ссылаясь на самовольный поступокъ И-Шаня сочтетъ его подпись недѣйствительной, то ему придется признать таковыми не только подписи министра Гуй-Іяна и Хуа-Шана, также заключавшихъ этотъ договоръ, но и свой собственный указъ, которымъ китайскіе уполномоченные объявили Путятину о благополучномъ окончаніи пограничныхъ переговоровъ съ графомъ Муравьевымъ.

Оспаривая само существованіе этого указа. **) китайцы неоднократно требовали его предъявленія и вмѣстѣ съ тѣмъ просили, чтобы имъ показали тексты Айгунскаго, Кяхтинскаго и Нерчинскаго договоровъ, на которые часто ссылался русскій уполномоченный но къ несчастію всѣ эти бумаги остались въ мини-

*) Въ Китаѣ, для заключенія всякаго международнаго акта вырѣзывается особая печать, надпись которой оговариваетъ, на кто уполномочено лицо, прилагающее ее къ документу. Безъ такой печати подпись считается недѣйствительной.

**) Есть основаніе предполагать, что указъ былъ выданъ Путятину безъ вѣдома богдыхана, для ускоренія отъѣзда европейцевъ изъ Тянь-Цзина.

стерствѣ иностранныхъ дѣлъ, которое не снабдило ими Игнатьева при отъѣздѣ его изъ Петербурга.

Видимо незнакомые съ текстами старыхъ трактовъ китайцы доказывали, что договоры: Кяхтинскій и Нерчинскій потеряли свою силу, во первыхъ вслѣдствіе своей давности и во вторыхъ потому, что ихъ вполнѣ замѣнилъ Тянь-Цзинскій договоръ.

Передъ окончаніемъ конференціи, длившейся $2^1/_2$ часа, Игнатьевъ заставилъ китайскихъ уполномоченныхъ обѣщать, что всякое его заявленіе и предложеніе будетъ немедленно доведено до свѣдѣнія богдыхана. Для того же, чтобы измѣнить характеръ будущихъ совѣщаній и принудить Су-Шуня умѣрить свой тонъ, онъ объяснилъ ему, что при веденіи переговоровъ съ такой великой державой, какъ Россія, всякіе воинственныя выходки неумѣстны и неприличны. „Граница съ Китаемъ на протяженіи 7000 верстъ" говорилъ уполномоченный, „Россіи легче, чѣмъ всякой иной морской державѣ нанести Китаю сильный и чувствительный ударъ, когда угодно и куда угодно".

Относительно дальнѣйшихъ переговоровъ было рѣшено, что всѣ подготовительныя совѣщанія, будутъ вестись въ русскомъ подворьѣ между довѣренными чиновниками Су-Шунемъ и нашими драгоманами Татариновымъ и отцемъ Гуріемъ, сами же уполномоченные Су и Жуй будутъ пріѣзжать въ подворье лишь въ особо-важныхъ случаяхъ и не иначе, какъ по приглашенію русскаго уполномоченнаго.

Это первое совѣщаніе съ китайцами обнаружило

всю неудовлетворительность отношеній, установившихся между обоими государствами. Оно вполнѣ убѣдило Игнатьева, что китайцы насъ не уважаютъ, не боятся и считаютъ за коварныхъ, безпокойныхъ и несмѣлыхъ сосѣдей: мнѣніе, которое они составили себѣ о насъ, благодаря дѣйствіямъ, совершенно съ нашей стороны неправильнымъ.

Безпрестанно увѣряя ихъ въ неизмѣнности нашей двухвѣковой дружбы и ничѣмъ не подтверждая этихъ увѣреній, мы требовали съ ихъ стороны важныхъ и крупныхъ уступокъ въ нашу пользу, угрожали имъ въ случаѣ неисполненія нашихъ требованій войной, но вмѣстѣ съ тѣмъ не прибѣгали къ помощи пушекъ, какъ то непремѣнно сдѣлали бы англичане, а ограничивались пустозвонными фразами, никакой цѣны не имѣющими.

Чтобы заставить китайцевъ уважать насъ и бояться, надо было прежде всего показать твердость въ своихъ дѣйствіяхъ.

Обстоятельства позволяли принять одно изъ слѣдующихъ двухъ рѣшеній: или намъ слѣдовало оказать Китаю такую услугу, которая убѣдила бы сначала Пекинское правительство въ несомнѣнной дружбѣ Россіи и затѣмъ уже предъявлять свои требованія въ видѣ вознагражденія за нее или же, перенеся разграничительный вопросъ изъ Пекина на границу, произвести въ нѣкоторыхъ пунктахъ ея, главнымъ образомъ со стороны Маньчжуріи, рядъ серьезныхъ демонстрацій, не останавливаясь въ крайнемъ случаѣ даже передъ

открытіемъ военныхъ дѣйствій, чтобы силой добиться требуемаго.

Одной изъ главныхъ причинъ необычайной заносчивости китайскихъ уполномоченныхъ, служила побѣда при Дагу (Таку), одержанная китайцами надъ англичанами за нѣсколько дней до прибытія русскаго представителя въ Пекинъ. Обстоятельства дѣла извѣстны. Англійскій посланникъ Брюсъ прибывъ съ эскадрой въ Печилійскій заливъ, для ратификаціи Тянь-Цзинскаго договора, потребовалъ, съ обычной британской надменностью, чтобъ одно изъ его судовъ было пропущено въ Тянь-Цзинъ.

Китайцы, намѣревавшіеся мирно принять посольство, отвѣтили, что они не могутъ пропустить англійскія суда въ рѣку Пейхо, по которой построены батареи и предупредили, что будутъ стрѣлять по тѣмъ изъ судовъ, которыя не послушаютъ предостереженія и всетаки войдутъ въ рѣку.

Англичане не обратили на слова китайцевъ никакого вниманія, за что и были наказаны. Попытка проложить себѣ путь силой кончилась полной неудачей: изъ 13 атаковавшихъ прибрежные форта судовъ, 2 были взорваны, одно потоплено, 3 получили подводныя пробоины, но были спасены, всѣ же прочія получили весьма серьезныя повреждения. Высаженный на берегъ десантъ въ 1200 человѣкъ пострадалъ еще болѣе: англичане потеряли 8 офицеровъ убитыми и 27 ранеными, въ томъ числѣ тяжело раненъ адмиралъ Гонъ и 430 солдатъ выведенныхъ изъ строя.

Китайскій предводитель Сэнъ-Ванъ былъ награжденъ богдыханомъ за эту великую побѣду соболей

шубой и бобровой шапкой. Англичане же получили хорошій урокъ.

Хотя китайцы и не приняли предложеннаго Россіей оружія, отъ котораго потери англичанъ были бы еще значительнѣе, въ Англіи всѣ были увѣрены, что русскіе управляли китайской обороной, а въ Шанхайской газетѣ появилась даже статья, подтверждавшая, что англичане видѣли русскихъ на батареяхъ, слышали возгласы на русскомъ языкѣ и что многіе англичане были ранены пулями отъ русскихъ штуцеровъ.

На другой день послѣ конференціи Игнатьевъ переслалъ китайскимъ уполномоченнымъ проектъ дополнительныхъ, къ прежнимъ трактатамъ, статей, приложивъ къ нимъ записку съ подробнымъ разъясненіемъ каждаго пункта. Принимая въ соображеніе обычную привычку китайцевъ упорно торговаться, Игнатьевъ выставилъ въ проектѣ, максимальныя требованія съ расчетомъ выказать при веденіи переговоровъ умѣренность, уступая второстепенное, но отстаивая существенное. Главнѣйшіе пункты проекта касались: 1) восточнаго и западнаго разграниченія 2) открытія сухопутной торговли внутри Китая. 3) учрежденія новыхъ консульствъ въ Монголіи, Маньчжуріи и Кашгарѣ 4) урегулированія непосредственныхъ сношеній между нашими и китайскими пограничными властями, 5) выдачи бѣглыхъ и проч.

Изъ того же факта, что маньчжуры не оказали никакого матеріальнаго противодѣйствія казачьимъ постамъ, занявшимъ берега Амура и Уссури, генералъ-губернаторъ графъ Муравьевъ вывелъ заключеніе,

что китайское правительство полагаетъ Амурское дѣло покончennымъ: нежеланіе же его заключить съ Россіей пограничный трактатъ онъ объяснилъ ихъ боязнью, огласить передъ собственными подданными невыгодную для Китая сдѣлку. Подобная точка зрѣнія, предоставлявшая нашимъ мѣстнымъ властямъ полнѣйшую свободу дѣйствій на чужой территоріи, была очень удобна для нихъ, но, не соотвѣтствуя международному праву, не годилась въ сношеніяхъ дипломатическихъ, въ особенности съ Европейскими державами, которыя столько времени тщетно добивались проникнуть внутрь страны.

Министерство иностранныхъ дѣлъ, предвидя затрудненія, которыя должны были возникнуть при нашемъ требованіи ратификовать Айгунскій договоръ согласилось съ мнѣніемъ графа Муравьева, что простой обмѣнъ обоюдно-утвержденныхъ пограничныхъ картъ вполнѣ замѣнитъ ратификацію, придавъ дѣлу разграниченія достаточную законность.

Имѣя въ виду эту задачу, Муравьевъ еще зимой просилъ Айгунскаго амбаня выслать тотчасъ по вскрытіи льда, на устье рѣки Уссури маньчжурскихъ комиссаровъ, для опредѣленія, совмѣстно съ нашими чиновниками, пограничной линіи. Съ нашей стороны былъ отправленъ съ этой цѣлью оберъ-квартирмейстеръ генералъ-губернатора полковникъ Будоговскій, который, выѣхавъ на Уссури 4-го апрѣля и добравшись 12 мая до озера Хинкая, пошелъ далѣе сухимъ путемъ, взявъ направленіе къ морю. Только 16 іюня онъ дошелъ до устья рѣки Тюмень-Ула, откуда начинаются уже владѣнія Кореи. Полный лишеній путь

(за неимѣніемъ дорогъ приходилось зачастую идти цѣпиною, прорубая себѣ тропинку среди деревьевъ) былъ сдѣланъ напрасно: нигдѣ не нашли ни комиссаровъ, ни чиновниковъ. Черезъ нѣсколько дней прибылъ въ бухту Посьетъ самъ Муравьевъ, заранѣе предупредившій Айгунскихъ амбаней о днѣ своего прибытія, но и его здѣсь никто не встрѣтилъ. Безуспѣшно прождавъ въ бухтѣ 6 дней и убѣдясь, что китайскія власти отстраняются отъ разграниченія, Муравьевъ снялся съ якоря и поднялъ на пароходѣ „Америка“ далѣе въ Печилійскій заливъ. Прибывъ туда 2-го іюля (совершенно инкогнито) генералъ-губернаторъ немедленно высадилъ состоявшаго при немъ князя Даденкильяни, *) Будоговскаго и переводчика Шишмарева на берегъ и отправилъ ихъ въ Пекинъ для представленія Игнатьеву карты новой пограничной черты, которую онъ желалъ провести въ Уссурійскомъ краѣ.

При разставаніи въ Кяхтѣ съ Игнатьевымъ, Муравьевъ условился съ нимъ, что какъ только онъ прибудетъ въ Пе-чи-ли, Игнатьевъ немедленно вышлетъ къ нему его адъютанта полковника Мартынова, проживавшаго съ этой цѣлью въ Пекинѣ, чтобы сообщить объ общемъ положеніи дѣлъ.

Исполненіе обѣщаннаго встрѣтило однако большія затрудненія. Китайское правительство ни зачто не желало допустить, чтобы русскіе сообщались бы изъ

---

*) Братъ Имеретинскаго князя Даденкильяни, убившаго кн. Гагарина, былъ сосланъ, какъ сообщникъ убійцы, въ восточную Сибирь, гдѣ Муравьевъ взялъ его себѣ адъютантомъ или ординарцемъ. Онъ былъ огромнаго роста, красавецъ и имѣлъ весьма внушительную наружность.

столицы со своими судами, стоявшими въ Печилійскомъ заливѣ. Пропустить русскихъ къ берегу значило по ихъ мнѣнію создать очень неудобный прецедентъ для иностранцевъ, которые непремѣнно воспользовались бы имъ чтобы установить правильное сообщеніе со столицей, что въ свою очередь, неизбѣжно повлекло бы за собой учрежденіе въ Пекинѣ постояннаго европейскаго представителя, котораго такъ тщательно избѣгали китайцы. Катастрофа при Таку служила доказательствомъ того, какъ ревниво оберегалась ими неприкосновенность сообщеній съ моремъ.

Вторая конференція между уполномоченными состоялась наканунѣ прибытія посланцевъ Муравьева. Она началась со спора по поводу отправленія Мартынова къ морю, черезъ Бейтанъ, длилась 5 часовъ и кончилась почти ничѣмъ. Совершенно не обращая вниманія на доводы, представленные русскимъ уполномоченнымъ, Су-Шунь слышать не желалъ про уступку р. Уссури и проведеніе границы между этой рѣкой и Тюмень-Улой и говорилъ, что занятіе восточной границы русскими войсками почтется богдыханомъ за нарушеніе дружбы между имперіями.

Изъ всѣхъ возбужденныхъ вопросовъ, имѣло успѣхъ лишь предложеніе объ уступкѣ маньчжурскихъ портовъ и то лишь благодаря оригинальной точкѣ зрѣнія Су-Шуня, полагавшаго, что прибрежные порта, находящіеся въ рукахъ китайцевъ, въ сильной степени облегчаютъ иностранцамъ доступъ внутрь страны.

Въ концѣ совѣщанія Игнатьевъ подтвердилъ сказанное уже на первой конференціи, что участокъ земли уступленный намъ на основаніи Айгунскаго дого-

вора фактически вошелъ въ составъ Русской имперіи. а потому уже занятъ нашими войсками (что въ дѣйствительности и было сдѣлано по распоряженію Муравьева).

Не довольствуясь устнымъ отказомъ, китайскіе сановники прислали 3 дня спустя черезъ трибуналъ внѣшнихъ сношеній бумагу, категорически отвергавшую буквально всѣ предъявленныя Игнатьевымъ требованія. Обстоятельству этому не придали однако большаго значенія и 17-го іюня князь Дадешкильяни былъ отправленъ обратно черезъ Бейтанъ къ Печилійскому заливу, куда и прибылъ благополучно, не смотря на затрудненія, которыя дѣлали ему на пути китайскіе власти. Въ кавказской папахѣ, съ огромнымъ кинжаломъ, онъ наводилъ на китайцевъ ужасъ своимъ воинственнымъ видомъ и энергичными жестами. Не говоря ни слова ни по китайски, ни по монгольски, онъ ѣхалъ безостановочно, взявъ изъ Пекина прямое направленіе на востокъ, добывая себѣ и лошадей и продовольствіе, обращая въ бѣгство жителей тѣхъ домовъ, въ которые онъ входилъ.

Добравшись до береговъ Печилійскаго залива, онъ сѣлъ на поджидавшее его русское судно и отправился на немъ въ Токіо, куда ушелъ тѣмъ временемъ Муравьевъ.

Одновременно съ этимъ, полковникъ Мартыновъ былъ посланъ черезъ Монголію въ Сибирь и точно также напугалъ мѣстныхъ властей своимъ рѣзкимъ обращеніемъ съ чиновниками, замедлявшими его путешествіе. Недѣли двѣ спустя, трибуналъ обратился къ Игнатьеву съ просьбой, „Впредь не посылать та-

кихъ дикихъ людей, причиняющихъ безпокойство мѣстнымъ жителямъ". На что имъ было отвѣчено, что если китайскіе чиновники, вмѣсто того чтобы ставить препятствія, будутъ исполнять наши требованія, то посылаемые курьеры, такъ напугавшіе китайскихъ чиновниковъ, не будутъ имѣть повода проявлять свойственную имъ энергію.

VI.

Обстоятельства продолжали осложняться въ Пекинѣ. Несчастное пораженіе англичанъ при Таку убѣдило китайское правительство въ возможности сопротивленія Европѣ. Оно рѣшило начать съ уничтоженія Тяньцзинскихъ договоровъ. Когда на первой еще конференціи, Игнатьевъ сталъ убѣждать Су-Шуня не ссориться по крайней мѣрѣ съ Франціей и Америкой, китайскій сановникъ гордо отвѣтилъ: «Когда наше правительство пожелало мирно принять иностранныя посольства въ Пекинѣ для ратификаціи договоровъ, англичане силою вошли въ Пейхо и начали воевать. Сэнъ-Ванъ одержалъ надъ ними великую побѣду, разбилъ нѣсколько судовъ и взялъ много плѣнныхъ. Европейцы первые нарушили миръ и потому богдыханъ намѣренъ отказаться отъ всѣхъ трактатовъ, заключенныхъ въ прошломъ году въ Тяньцзинѣ, за исключеніемъ русскаго, который уже ратифицированъ.

Заносчивость китайскаго правительства ярко выразилась въ его отношеніяхъ къ американскому посланнику Уарду (Ward), который поддался на его приглашеніе и отправился послѣ разрыва съ Англіей и Франціей въ Тяньцзинъ. Въѣхавъ въ Пекинъ въ закрытой китайской повозкѣ, самымъ неподобающимъ для посланника образомъ, онъ помѣстился въ отведен-

ломъ ему домѣ, гдѣ, совершенно для себя неожиданно, очутился подъ стражей.

Загородивъ переулокъ, въ которомъ находился этотъ домъ баррикадами, китайцы вывели изъ сосѣднихъ зданій всѣхъ жителей, окружили посольство внутреннимъ и внѣшнимъ карауломъ и даже запретили американцамъ покупать съѣстные припасы, которые посылались имъ даромъ.

Однимъ словомъ, обращались съ ними такъ, какъ въ былое время поступлено съ посольствомъ Саввы Владиславовича Рагузинскаго и другими, но съ несравненно меньшимъ почетомъ при въѣздѣ въ столицу.

Подобное отношеніе китайцевъ къ американцамъ было тѣмъ болѣе странно, что параллельно съ этимъ русское посольство, всѣ чины миссіи и даже нижніе чины и прислуга пользовались полной свободой и всюду ходили по городу безпрепятственно.

Требованіе Уарда дать ему аудіенцію у богдыхана было отвергнуто. Китайцы обѣщались допустить его во дворецъ лишь при условіи, что американскій посланникъ подчинится принятому при китайскомъ дворѣ, но унизительному для иностранцевъ, церемоніалу, съ колѣнопреклоненіями, земными поклонами и пр., на что Уардъ конечно не могъ согласиться.

Руководствуясь имѣемой инструкціей министерства иностранныхъ дѣлъ, Игнатьевъ попытался войти съ американцами въ сношеніе, посылать къ нимъ переводчиковъ и Даденкильяни, съ предложеніемъ пересылать въ Печилійскій заливъ бумаги американ-

скаго посольства, но китайцы никого въ домъ не пустили; мало того, трибуналъ внѣшнихъ сношеній распростеръ свою дерзость до того, что прислалъ русскимъ формальное запрещеніе ходить и сообщаться съ американскимъ посольствомъ ввиду того, что оно находится подъ стражей. Игнатьевъ не преминулъ воспользоваться полученіемъ столь неприличной бумаги трибунала, чтобы написать на него энергичную жалобу въ государственный совѣтъ: цѣль этой жалобы была двоякая: во первыхъ, онъ желалъ прекратить безпрестанныя обращенія къ нему учрежденія, завѣдующаго въ сущности лишь васальными областями Китая и его данниками и войти въ непосредственныя сношенія съ высшимъ присутственнымъ мѣстомъ въ имперіи государственнымъ совѣтомъ: а во вторыхъ, чтобы предотвратить всякую попытку китайцевъ поступить при случаѣ съ русскими такъ, какъ было поступлено съ американцами.

Протестуя въ сильныхъ выраженіяхъ передъ китайскимъ правительствомъ противъ подобнаго обращенія съ иностранными представителями, русскій уполномоченный заявилъ, что онъ, лично, заранѣе отказывается отъ чести быть представленнымъ богдыхану если только китайскій повелитель не согласится принять его, русскаго представителя, при такой же обстановкѣ, при какой онъ представлялся въ Петербургѣ Государю Императору, т. е. приметъ его стоя и подастъ ему руку для пожатія.

Не добившись аудіенціи, въ которой Уарду было окончательно отказано, онъ выѣхалъ изъ столицы послѣ простого обмѣна съ Гуо-Ляномъ ратификаціи Тянь-

цзинскаго договора, что легко можно было сдѣлать въ Бейтанѣ или Тяньцзинѣ, не ѣздя въ столицу и не подвергая себя излишнему униженію. Неудача американскаго посланника послужила предостереженіемъ для Европейскихъ представителей, которые отложили, благодаря случившемуся, свой пріѣздъ въ Пекинъ, что имѣло значеніе для русскихъ интересовъ.

Не обращая никакого вниманія на нежеланіе китайцевъ признавать Айгунскій договоръ, Муравьевъ настойчиво приводилъ его въ исполненіе.

Въ концѣ августа онъ писалъ Игнатьеву: „Съ первыхъ чиселъ октября буду ждать въ Благовѣщенскѣ вашихъ извѣстій, сообразно съ которыми сдѣлаю на Амурѣ должныя распоряженія. Если пространство отъ сліянія Сунгучая съ Уссури до Тюмень Ула останется неразграниченнымъ, я не сочту это за бѣду и буду весьма счастливъ, если, по крайней мѣрѣ наша приморская граница будетъ утверждена до Кореи, а граница по рѣкѣ Уссури до впаденія въ нее Сунгучая, c'est tous ce qu 'il nous faut pour les étrangers et avec la Chine nous nous arrangerons en temps et lieu sans inquiéter le ministere. Всѣхъ чиновниковъ и китайскіе караулы я теперь же велю прогнать съ праваго берега Уссури на лѣвый, упорствующихъ же, велю взять и доставить въ г. Айгунь силой“.

Видимо Муравьевъ былъ очень озабоченъ благополучнымъ разрѣшеніемъ связаннаго съ его именемъ Амурско-Уссурійскаго вопроса, оставленіе котораго въ неопредѣленномъ положеніи на долгое время, могло нанести ущербъ достоинству Россіи и существеннымъ

интересамъ ея на крайнемъ востокѣ. Муравьевъ также, какъ и министерство иностранныхъ дѣлъ опасался болѣе всего вмѣшательства англичанъ въ наши дѣла и допускалъ даже возможность захвата ими приморскихъ портовъ, которые мы желали закрѣпить за нами. Вмѣстѣ съ тѣмъ Муравьевъ полагалъ, что одного согласія китайскаго правительства на обладаніе нами этими портами вполнѣ достаточно и не безпокоился о точномъ проведеніи границъ, находя, что прежній способъ постепеннаго захвата окажется возможнымъ и впослѣдствіи.

Убѣдившись въ невозможности провести айгунскій договоръ въ полной его силѣ, Муравьевъ, чтобы спасти свое дѣтище, предлагаетъ поставить утвержденіе намѣченной имъ границы исключительно въ зависимость отъ ратификованнаго богдыханомъ Тяньцзинскаго договора натяжкою на 9-ю статью:

„Неопредѣленныя части границъ между Китаемъ и Россіей будутъ безъ отлагательства изслѣдованы на мѣстахъ довѣренными лицами отъ обоихъ правительствъ и заключенное ими условіе о граничной чертѣ составитъ дополнительную статью къ настоящему трактату. По назначеніи границъ сдѣлано будетъ подробное описаніе и карты смежныхъ пространствъ, которыя и послужатъ обоимъ правительствамъ на будущее время безспорными документами о границахъ".

„Донося Муравьеву о безуспѣшности своихъ переговоровъ съ китайцами, Игнатьевъ совѣтовалъ не обращать вниманія на нежеланіе ихъ признать наше право на приморскую область и доказывалъ необходи-

Благовѣщенскій

мость занять безотлагательно, до появленія англійскихъ судовъ, всѣ главнѣйшіе пункты Маньчжурскаго побережья военными постами, водрузивъ на нихъ русскіе флаги. Въ отвѣтъ на это Муравьевъ писалъ изъ Благовѣщенска въ началѣ ноября:

„На пути сюда я сдѣлалъ слѣдующія административныя распоряженія.

Въ Хабаровкѣ я предписалъ не пускать ни одного китайскаго чиновника внизъ по Амуру за Хабаровку; найденный мною на правомъ берегу близъ устья р. Уссури маньчжурскій постъ приказалъ переправить на другую сторону, разрѣшивъ воспользоваться, въ случаѣ сопротивленія, нашими солдатами и лодками. Убѣдившись, что жителямъ лѣваго берега Уссури неизвѣстно содержаніе Айгунскаго договора, я послалъ къ нимъ сотню казаковъ для его объявленія. Чиновниковъ Айгуна я предупредилъ, что тотъ изъ нихъ, кто будетъ замѣченъ въ неисполненіи статей Айгунскаго договора будетъ немедленно высланъ изъ города Всѣми этими мѣрами я доказываю маньчжурамъ, что въ строгости исполняю заключенный съ Китаемъ договоръ и требую отъ нихъ того же... „Къ сожалѣнію", продолжалъ Муравьевъ, „мы не можемъ смягчить участь, которую готовятъ Китаю Англія и Франція. Пекинъ будетъ взятъ и китайцы несомнѣнно побиты, но тѣмъ не менѣе мы можемъ оказать имъ услугу послѣ паденія столицы, если съумѣемъ своевременно вмѣшаться въ переговоры съ союзниками и при томъ, конечно, условіи, что маньчжуры перестанутъ отклонять наши требованія".

VII.

Пока дѣла оставались въ Пекинѣ все въ томъ же

положеніи. Присланная Муравьевымъ карта новой границы ни въ чемъ не убѣдила китайскихъ сановниковъ и привезшій ее полковникъ Будоговскій, проживъ въ Пекинѣ даромъ цѣлыхъ два мѣсяца, долженъ былъ выѣхать въ началѣ сентября обратно черезъ Монголію въ Иркутскъ.

Полученный отказъ на сдѣланныя китайскому правительству предложенія мало смутилъ Игнатьева. Прождавъ нѣсколько дней, онъ вновь обратился къ Су и Жуй съ просьбой, прочесть со вниманіемъ все, что было уже писано ранѣе по поводу дѣлъ Россіи, приложивъ къ письму подробную записку, въ которой по пунктамъ опровергался присланный китайцами отвѣтъ.

Ставя Айгунскій договоръ съ Нерчинскимъ, отъ котораго китайцы не смѣли отказываться, Игнатьевъ писалъ: „Изучая исторію Нерчинскаго договора, не трудно убѣдиться, что незнакомство договорившихся сторонъ съ мѣстностью помѣшало точному опредѣленію восточной границы между Россіей и Китаемъ. Видя, что Хинганскій хребетъ идетъ отъ рѣки Горбицы на востокъ, уполномоченные постановили, что граница пойдетъ вдоль этого хребта до берега моря. Но послѣднимъ изслѣдованіямъ оказалось однако, что Хинганскій хребетъ, направляясь первоначально отъ рѣки Горбицы дѣйствительно на востокъ, развѣтвляется затѣмъ на два отрога, изъ которыхъ одинъ идетъ на сѣверъ къ Охотскому морю, а другой, главнѣйшій, поворачиваетъ на югъ, пересѣкаетъ р. Амуръ выше соединенія ея съ р. Сунгари и направляется по Сеньсинской области. Выяснившееся обстоятельство это вынудило произвести новое, болѣе точное разграни-

ченіе, которое и было утверждено въ прошломъ году въ Айгунѣ особымъ договоромъ, служащимъ такимъ образомъ лишь дополненіемъ къ договору Нерчинскому.

Считая Хинганскій хребетъ границей между обоими государствами, оставалось провести пограничную черту между началомъ его развѣтвленія и берегомъ моря. Если бы границею былъ признанъ главнѣйшій ея отрогъ- южный (что было бы вполнѣ справедливо) то этимъ Китай лишился бы большой части Сень-Синской и Гиринской областей, на которыя Россія вовсе претендовать не желаетъ. Съ другой стороны, она не можетъ уступить желанію китайцевъ провести границу вдоль другого отрога, проходящаго значительно сѣвернѣе Амура. Требованія Россіи совершенно справедливы и законны, она настаиваетъ на исполненіи указа Богдыхана, даннаго Путятину въ 58 г., согласно которому намъ уступленъ правый берегъ Уссури, а граница проведена вдоль этой рѣки Амура. Плаваніе по обѣимъ этимъ рѣкамъ, какъ и по Сунгари открыто для русскихъ судовъ, мѣстность же между Уссури и моремъ оставлена временно, до окончательнаго разграниченія, въ общемъ владѣніи.

Переходя затѣмъ къ вопросу о прибрежныхъ портахъ, Игнатьевъ писалъ: „Въ настоящее время Китаю грозитъ большая опасность со стороны англичанъ, задумавшихъ большую экспедицію черезъ Таку въ Пекинъ. Дальность разстоянія до Европы мѣшаетъ имъ привести сразу необходимое для похода количество войскъ, а потому имъ нужны порта для постепеннаго сосредоточенія своихъ силъ. Завладѣвъ прибрежными пунктами, въ чемъ врядъ ли встрѣтятся

какіе либо затрудненія. англичане постоянно будутъ безпокоить жителей своими нападеніями на прибрежье Печилійскаго залива, Тянь-Цзинъ и даже Пекинъ.

Неизбѣжная опасность эта, вполнѣ сознаваемая китайскимъ правительствомъ, можетъ быть отстранена лишь въ томъ случаѣ, если китайцы передадутъ эти порты русскимъ, для ихъ укрѣпленія и защиты.

Насколько это будетъ выгодно для Китая — понятно сановникамъ Су и Жуй, которые сами называютъ эту мысль прекрасной.

Что касается правъ Россіи на сухопутную торговлю, то объ этомъ не было никакой надобности упоминать въ Тянь-Цзинскомъ договорѣ ввиду того, что Нерчинскій и Кяхтинскій договоры опредѣлили уже эти права совершенно точно".

„На всѣ предложенныя мною 6 дополнительныхъ статей", заключилъ Игнатьевъ, „я далъ самыя подробныя и точныя разъясненія. Почтенные же сановники Су и Жуй прислали на нихъ отвѣтъ, заключающій въ себѣ исключительно общія мѣста, 1000 разъ повторяющіяся, ничего не значущія и ничего не доказывающія".

Стараясь оправдать свои дѣйствія, китайскіе сановники не постыдились объяснить происшедшія между обоими государствами недоразумѣнія ошибкой писцовъ, переписывавшихъ указъ, посланный богдыханомъ Путятину.

„Правительство наше, отнюдь не имѣя въ мысляхъ", писали они, „уступать Россіи рѣку Уссури на вѣчныя времена, разрѣшило лишь временное пользо-

ваніе нѣкоторыми участками китайской земли.

„Данное Вамъ Нерчинскимъ и Кяхтинскимъ договорами право на сухопутную торговлю потеряло свою силу вслѣдствіе того, что русскіе купцы, торговавшіе до сихъ поръ только въ Или, Кяхтѣ и Тарбагатаѣ никогда не пользовались даннымъ имъ разрѣшеніемъ торговать и въ иныхъ мѣстахъ, а также и потому, что Тянь-Цзинскій договоръ, замѣнивній всѣ прежніе трактаты, ничего про торговлю не упоминаетъ.

„Послѣдній договоръ этотъ", продолжали китайцы, „имѣетъ цѣлью укрѣпить прежнюю дружбу, ради которой оба государства должны, по справедливости, исполнить въ точности новыя постановленія, ничего не прибавляя и не убавляя отъ нихъ. Ваше же высокое государство, едва успѣло кончить его ратификацію, какъ уже хлопочетъ о прибавленіи къ нему статей, совершенно не идущихъ къ дѣлу, а почтенный сановникъ произноситъ при этомъ легкомысленныя слова: „не избѣжать безпорядковъ и захватовъ на границѣ". Пусть это случится, и наше правительство немедленно сообщитъ всѣмъ державамъ, что Россія, забывъ про нашу дружбу, вдругъ пожелала захватить наши земли и несмотря на то, что мы только что сдѣлали ей большія уступки. *)

Вы упорно стоите на своемъ и не желаете понять,

*) Министерство иностранныхъ дѣлъ болѣе всего опасалось подобнаго оборота вещей, который обнаружилъ бы, что Айгунскій договоръ не принятъ еще богдыханомъ и что могло дать поводъ морскимъ державамъ вмѣшаться въ вопросъ о присоединеніи къ Россіи Маньчжурскихъ портовъ. Угроза китайцевъ еще разъ убѣдила Игнатьева въ необходимости скрыть отъ глазъ иностранцевъ дѣло разграниченія нашего съ Китаемъ и окончить его до водворенія въ Пекинѣ.

что наше государство рѣшительно не можетъ уступить вашимъ требованіямъ, которыя совершенно не согласуются съ нашими интересами."

„Въ настоящее время" заключили китайцы свое посланіе, „мы приказали генералъ-губернатору пограничной области ожидать Васъ, почтенный сановникъ, на мѣстѣ, для совмѣстнаго съ Вами изслѣдованія дѣла и постановленія окончательнаго рѣшенія. Поэтому Вы должны немедленно отправиться туда и не заставлять ожидать себя долго". Трудно было придумать болѣе нахальный и неприличный способъ выпроваживать посланника изъ Пекина.

На одной изъ послѣднихъ конференцій съ китайцами выяснилось, между прочимъ, что главной причиной происшедшихъ при заключеніи Айгунскаго договора недоразумѣній, было наше незнакомство съ мѣстностью. Предъявляя свои требованія, мы считали Сунгари притокомъ Амура, китайцы же, какъ оказалось впослѣдствіи, называютъ такъ нижнюю часть самаго Амура Для разъясненія этого вопроса, Игнатьевъ потребовалъ себѣ копію того указа, которымъ Путятинъ былъ извѣщенъ о заключеніи Айгунскаго договора, но осторожные китайцы отклонили это требованіе, заявивъ что документъ этотъ находится у государственнаго совѣта, который они стѣсняются безпокоить просьбами объ его выдачѣ. На слѣдующемъ засѣданіи произошло между уполномоченными весьма бурное объясненіе. Надменный Су-Шунь всегда, державшій себя слишкомъ свободно, позволилъ себѣ швырнуть предъявленный ему текстъ Айгунскаго договора на столъ съ рѣзкимъ замѣчаніемъ, что эта бумага ни-

какого значенія не имѣетъ. Игнатьевъ немедленно всталъ съ своего мѣста и громогласно объявилъ, что такъ какъ Су-Шунь совершенно не умѣетъ себя вести и до того забывается, что позволяетъ себѣ обходиться непочтительно съ международными актами въ присутствіи русскаго уполномоченнаго, онъ прекращаетъ конференцію и тутъ же добавилъ, что онъ обратится въ верховный совѣтъ съ просьбой о назначеніи другихъ уполномоченныхъ, которые умѣли бы вести себя прилично. *)

На другой же день въ Верховный Совѣтъ была послана формальная жалоба на обоихъ уполномоченныхъ. Су-Шуню выговаривались всѣ его многочисленныя вины, Жуй-Чанъ же, всецѣло находившійся подъ его вліяніемъ, обвинялся въ недостаткѣ самостоятельности. Заявя государственному совѣту о совершенной безполезности веденія переговоровъ съ такими уполномоченными, какъ Су и Жуй, Игнатьевъ просилъ о замѣнѣ ихъ другими сановниками.

Отвѣтъ на жалобу былъ присланъ совѣтомъ черезъ 4 дня. Горячо защищая обвиняемыхъ, и выказывая полную увѣренность въ правильности ихъ дѣйствій, государственный совѣтъ писалъ: „Довѣренные сановники нашего государства рѣшительно не могли въ сношеніяхъ съ вами поступать некрепко и намъ достоверно извѣстно, что въ личныхъ переговорахъ съ вами, они употребляли слова основательныя и прямыя? Какъ же можно говорить, что они выражались неприлично? Гиринскому и Хэй-лунь-цзянскому гене-

*) Для китайскаго мандарина нѣтъ большаго оскорбленія какъ обвиненіе его въ незнаніи приличій.

ралъ-губернаторамъ давно уже поручено нами ожидать васъ, почтенный сановникъ, на мѣстѣ, чтобы покончить разграничительный вопросъ съ должной аккуратностью. Но вы до сихъ поръ еще не отправились туда, чѣмъ показываете неуваженіе Ваше къ трактатамъ. Согласно Тянь-Цзинскому договору, вашему государству сдѣланы большія уступки: мы разрѣшили вамъ торговать въ 7 прибрежныхъ портахъ, повелѣли уступить подъ жилье приамурскую землю, Маріинскъ и пустынныя близъ моря мѣста, разрѣшили ходить по Сунь-хуо-цзяну (Сунгари) отъ устья Черной рѣки (Хей-хо) на востокъ къ морю. Но мы рѣшительно не можемъ отдать вамъ земли по рѣкамъ Уссури и Суй-Фынь. Хэй-лунь-цзянскій главнокомандующій рѣшилъ это дѣло не такъ, какъ слѣдуетъ, а „глупо“ и великій нашъ государь отрѣшилъ его за это отъ должности и предалъ суду. Неужели же вамъ объ этомъ ничего не извѣстно? Вы, почтенный сановникъ, непремѣнно желаете, что бы всякое предложеніе ваше было принято нами и ставите это условіемъ взаимнаго согласія, но основательно ли это? По нашему мнѣнію Вы сдѣлаете гораздо лучше, если немедленно прикажете тому чиновнику вашего государства, которому Вы поручите дѣло разграниченія, выѣхать на Амуръ для совѣщаній съ нашими довѣренными лицами и не замедлите общаго для обоихъ государствъ дѣла“. Несмотря на рѣзкій и непріятный характеръ этого письма, изъ него можно было усмотрѣть, что принесенная на китайскихъ чиновниковъ жалоба, все же возъимѣла нѣкоторое дѣйствіе.

Совѣтъ пересталъ отрицать самое существованіе заключеннаго между Муравьевымъ и И-шанемъ дого-

вора, какъ онъ дѣлалъ это прежде и выставлялъ лишь „глупыя“ дѣйствія китайскаго уполномоченнаго причиной, по которой онъ не былъ признанъ правительствомъ.

Совѣтъ впервые признавалъ наше право занимать „пустынныя мѣста“ близъ моря, что имѣло для насъ существенное значеніе ввиду того, что все прибрежье отъ устья Амура до Владивостока было пустынно. Вмѣсто прежняго заявленія, что всякое разсужденіе о новомъ разграниченіи совершенно излишне, совѣтъ увѣдомлялъ, что два генералъ-губернатора получили приказаніе ожидать русскаго уполномоченнаго на границѣ, а въ концѣ сообщенія совѣтъ даже и не настаивалъ на томъ, чтобы Игнатьевъ отправлялся самъ на Амуръ и Уссури и предлагалъ лишь распорядиться о высылкѣ туда довѣреннаго лица.

6-го октября прибыли въ подворье китайскіе чиновники съ просьбой назначить день для слѣдующихъ переговоровъ. Въ этомъ обстоятельствѣ также можно было усмотрѣть нѣкоторую перемѣну къ лучшему: въ первые мѣсяца своего пребыванія въ Пекинѣ, русскому уполномоченному приходилось самому добиваться каждаго свиданія, на которыхъ китайцы, не стѣсняясь, показывали, что они тяготятся конференціями и считаютъ ихъ излишними. Теперь положеніе Игнатьева въ Пекинѣ видимо укрѣпилось, но дѣла отъ этого все таки не выигрывали нисколько.

Въ назначенный день и часъ Су и Жуй явились въ подворье. Оба были крайне учтивы, старались оправдать себя увѣреніями, что они дѣйствуютъ не-

ключительно съ вѣдома и согласія богдыхана, которому они постоянно докладываютъ о ходѣ переговоровъ и упрекали Игнатьева за то, что онъ обижаетъ ихъ незаслуженными будто бы жалобами въ государственный совѣтъ.

Въ теченіе сентября Игнатьевъ обращался въ совѣтъ еще 2 раза съ жалобами на упорство китайскихъ уполномоченныхъ, но безуспѣшно. Когда же онъ заявилъ о своемъ намѣреніи отправить чиновниковъ въ Айгунь для окончательнаго рѣшенія пограничнаго вопроса, то совѣтъ, не терявшій надежды избавиться отъ докучливаго посланника, отвѣтилъ, что считаетъ это въ настоящее время излишнимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердилъ, что мѣстному цзянь-цзюню приказано дожидаться пріѣзда на Амуръ самого уполномоченнаго, дабы устроить это дѣло какъ можно лучше и скорѣе.

Послѣ этого сношенія прекратились на цѣлыхъ 3 мѣсяца.

VIII.

Трудно представить себѣ положеніе болѣе тяжелое чѣмъ то, въ которомъ очутился русскій уполномоченный въ Пекинѣ. Огромное разстояніе до Петербурга, не позволявшее получать отвѣты на посылаемыя донесенія ранѣе 5—6 мѣсяцевъ, вынуждало его дѣйствовать на свой страхъ и отвѣтственность; не имѣя никакихъ матеріальныхъ средствъ, ни откуда не видя поддержки, почти безъ помощниковъ, ему приходилось проводить дѣло огромной важности и бороться съ упорствомъ китайцевъ, отлично понимавшихъ замыслы Россіи и прекрасно видѣвшихъ ея слабость.

Общая тягость положенія усугублялась обстоятельствами, требовавшими, чтобы дѣла были окончены во что бы то ни стало до пріѣзда иностранцевъ, которыми даже китайцы пугали Игнатьева.

Единственнымъ облегченіемъ въ этомъ безвыходномъ положеніи служила обширная библіотека іезуитовъ, *) оставленная ими нашей духовной миссіи послѣ изгнанія ихъ изъ Пекина. Игнатьевъ широко пользовался ею за все свое пребываніе въ китайской столицѣ для изученія быта китайцевъ и миссіонерской дѣятельности. Впослѣдствіи, почерпнутыя въ ней свѣдѣнія, значительно облегчили ему одержать ту побѣду надъ иностранцами и китайцами, которой завершилось его пребываніе въ Кяхтѣ.

Не меньшую пользу принесли произведенныя за это же время Шимковичемъ топографическія работы, какъ напримѣръ, съемка плана города Пекина. **)

Въ началѣ декабря Игнатьевъ рѣшилъ возобновить свои письменныя сношенія съ китайцами. Въ посланной имъ къ верховному совѣту нотѣ, онъ слѣдующимъ образомъ объяснилъ свой образъ дѣйствій: „Согласившись лѣтомъ на предложеніе китайскаго правительства перенести переговоры изъ столицы на границу", писалъ онъ, „я ждалъ впродолженіи цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ, что гиринскій генералъ-губернаторъ пріѣдетъ съ гр. Муравьевымъ къ какому нибудь благо-

*) Библіотека эта была возвращена римско католическому духовенству и французскому посольству тогда, послѣ заключенія мира и вступленія французовъ въ Пекинъ.

**) Неимѣніе плана города Пекина въ послѣднюю кампанію повлекло за собой очень важныя послѣдствія.

получному рѣшенію, но ожиданія мои были тщетны. Основываясь на данныхъ мнѣ Высочайшихъ инструкціяхъ, я требую поэтому возобновленія прерванныхъ здѣсь переговоровъ".

„Не покидая надежды избавиться отъ враждебно настроеннаго къ нему Су-Шуня, Игнатьевъ, ссылаясь на важность дѣлъ, требовавшихъ обсужденія, просилъ о назначеніи въ число уполномоченныхъ кого нибудь изъ министровъ, на что совѣтъ однако не согласился.

„Каждый изъ нашихъ министровъ" писалъ онъ, „имѣетъ свое, особое спеціальное и очень обширное дѣло, которое не позволяетъ имъ заниматься чѣмъ либо постороннимъ. Су и Жуй были назначены для переговоровъ еще при Перовскомъ и въ настоящій моментъ они совершенно готовы продолжать прерванныя совѣщанія".

Несмотря на отказъ, китайское правительство все же сочло нужнымъ привлечь къ переговорамъ еще третьяго сановника Хуа-ша-на, принимавшаго участіе въ Тянь-Цзинскихъ переговорахъ 58 г., но назначеніе это, вызвавшее совершенно неожиданныя и весьма печальныя послѣдствія, не могло состояться. Узнавши, что разгнѣванный богдыханъ предполагаетъ поручить ему, какъ одному изъ виновниковъ происшедшихъ недоразумѣній, распутать дѣла, вступивъ въ сношеніе съ иностранцами, и не видя никакого исхода изъ своего труднаго положенія, онъ рѣшилъ лишить себя жизни.

Вернувшись послѣ доклада изъ дворца домой, онъ собралъ свою семью, простился со всѣми и принялъ, какъ говорятъ, самородокъ золота. Черезъ три минуты его не стало. Смерть эта произвела прекрасное впе-

чатлѣніе на китайцевъ. Богдыханъ громко хвалилъ умершаго за его доблестный, будто бы, поступокъ и патріотизмъ, за что повелѣлъ даже похоронить на казенный счетъ.

Новое совѣщаніе состоялось все съ тѣми же Су-Шуемъ и Жуй-чаномъ. Су былъ изысканно вѣжливъ, привѣтливъ и сдержанъ. Онъ торжественно передалъ отъ совѣта бумагу, въ которой ничего однако не было сказано новаго—кромѣ разъясненія причинъ, не позволявшихъ провести границу по р Уссури до морскихъ портовъ. „Гнѣвомъ народа трудно управлять", писалось въ бумагѣ, „и мы опасаемся, что жители тѣхъ мѣстъ будутъ недовольны нашимъ рѣшеніемъ, возникнутъ споры, которые нарушатъ дружбу обоихъ государствъ". Переходя къ вопросу объ Айгунскомъ договорѣ, китайцы писали: „намъ доподлинно стало извѣстно, что вашъ уполномоченный графъ Муравьевъ, страхомъ принудилъ И-Шаня подписать этотъ договоръ. Вынужденный исполнить его требованіе, сановникъ нашъ сдѣлалъ это съ задней мыслью, что подпись его, безъ установленной печати, которой онъ не прикладывалъ, не будетъ имѣть цѣны и этимъ онъ надѣялся оправдать себя передъ богдыханомъ".

Впослѣдствіи стало извѣстнымъ, что китайскіе сановники собираясь передъ послѣдней конференціей на совѣтъ, на которомъ постановили рѣшеніе, внесли одобренное императоромъ: „Не доводя Игнатьева до разрыва и, не допуская Россію до соединенія съ Европейскими державами, отнюдь не соглашаться ни на одно изъ ея требованій". Привыкшіе къ системѣ затягиванія дѣлъ китайцы продолжали отписываться

отъ Игнатьева впродолженіи февраля. марта и апрѣля. Они терпѣливо выжидали обстоятельствъ, чтобы безошибочно рѣшить вопросъ, слѣдуетъ ли имъ быть за одно или противъ Россіи.

Въ томъ случаѣ, если борьба съ Англіей и Франціей оказалась для Китая безуспѣшной, рѣшено было уступить нѣкоторымъ требованіямъ Россіи, но за это просить ея содѣйствія противъ морскихъ державъ. Въ противномъ же случаѣ, если въ Тянь-Цзинѣ состоится примиреніе съ Англіей и Франціей, пожаловаться этимъ державамъ на захваты и ненасытность Россіи.

Неблагопріятное положеніе дѣлъ убѣждало Игнатьева все больше и больше въ совершенной невозможности добиться отъ китайцевъ чего либо и необходимость покинуть Пекинъ дѣлалось для него очевидной. Предстоявшій скорый пріѣздъ иностранныхъ пословъ, ставившій его въ весьма фальшивое положеніе, окончательно заставилъ его остановиться на слѣдующемъ рѣшеніи: дождаться Высочайшихъ инструкцій и извѣстія о прибытіи русскаго судна (о присылкѣ котораго въ Печилійскій заливъ онъ хлопоталъ уже давно), чтобы выѣхать изъ Пекина и пересѣсть на это судно.

Постепенно подготовляя китайцевъ къ мысли о своемъ отъѣздѣ, онъ въ февралѣ еще предупредилъ ихъ о приходѣ русскихъ судовъ весною въ Печилійскій заливъ и просилъ облегчить ему сообщеніе съ ними, но китайцы тогда же отклонили его просьбу. „Во 2-й статьѣ Тянь-Цзинскаго трактата" писали они по этому поводу, „сказано, что русскій посланникъ

можетъ сообщаться съ столицею во всякое время только черезъ Кяхту; черезъ Бейтанъ же, согласно заключенному Перовскимъ съ Су Шунемъ и Жуй-чаномъ условію только тогда, когда тамъ все спокойно; въ настоящее же время, почтенный сановникъ самъ хорошо знаетъ, что въ Бейтанѣ приняты военныя мѣры, а кромѣ того намъ слѣдуетъ опасаться, что военныя суда другихъ державъ, воюющихъ съ нами, употребятъ хитрость и воспользуются флагомъ вашего государства, чтобы придти и подсмотрѣть (т. е. сдѣлать рекогносцировку), а потому мы затрудняемся пропустить васъ къ морю и дать вамъ знать о приходѣ вашихъ судовъ; если же съ вашей стороны будетъ поступлено въ противность сему, то не говорите впослѣдствіи, что непріятности произошли отъ насъ".

Китайцамъ было, конечно, невыгодно выпускать изъ столицы Игнатьева, который въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій съ иностранцами, могъ служить имъ важнымъ заложникомъ, а кромѣ того они опасались, что русскій уполномоченный, озлобившись на нихъ за неудачные переговоры, перейдетъ на сторону Англіи и Франціи и, благодаря своему хорошему знанію Пекина, „укажетъ имъ путь".

Въ той же бумагѣ китайцы писали: „Два мѣсяца тому назадъ множество людей вашего государства самовольно вышло на берегъ Уссури, гдѣ произвели большіе безпорядки; полагая что сановнику вашему Муравьеву ничего о томъ еще неизвѣстно, мы считаемъ своею обязанностью просить васъ извѣстить его объ этомъ, дабы онъ привелъ все это въ порядокъ и не дозволялъ вашимъ людямъ самовольно выходить

на берегъ и производить безпокойство". Совѣтъ прекрасно понималъ, что безпорядки эти были послѣдствіемъ военныхъ распоряженій генералъ-губернатора, но для соблюденія достоинства Китая онъ дѣлалъ видъ, что считаетъ ихъ причиной самовольныхъ дѣйствій „бездомныхъ русскихъ бродягъ".

Въ концѣ марта Игнатьевъ отвѣтилъ на это совѣту, что мѣстные начальники запрошены уже имъ по поводу происшедшихъ безпорядковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ переслать въ Шанхай приложенный къ бумагѣ оффиціальный конвертъ (адресованный командиру перьаго русскаго судна, которое придетъ въ этотъ портъ); кромѣ того Игнатьевъ просилъ сдѣлать распоряженіе о пропускѣ русскаго чиновника въ Бейтанъ, гдѣ онъ желалъ его оставить для быстрѣйшаго полученія свѣдѣній о приходящихъ на рейдъ судахъ.

Отвѣтъ китайцевъ былъ, какъ всегда, отрицательный. Умалчивая про намѣреніе русскаго посланника изслѣдовать происшедшіе на Уссури безпорядки, они, на основаніи все тѣхъ же выставленныхъ раньше мотивовъ, отказали въ обоихъ его требованіяхъ и вернули адресованный въ Шанхай конвертъ обратно. Приходилось дѣйствовать инымъ путемъ.

Пользуясь хорошими отношеніями, установившимися съ католическими миссіонерами, Игнатьевъ поручилъ одному изъ нихъ доставить этотъ пакетъ надежнымъ образомъ въ Шанхай, что и было исполнено. Пакетъ былъ вручен американскому консулу Гарду, для передачи его согласно адресу.

Обращаясь къ командиру русскаго судна, ожи-

давшагося въ Шанхаѣ, Игнатьевъ объяснилъ ему положеніе вещей въ Пекинѣ и просилъ идти со своимъ судномъ, какъ можно скорѣе, въ Печилійскій заливъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщалъ всѣ необходимыя для командира судна свѣдѣнія, указывалъ на мѣры, принятыя китайцами для обороны береговъ, на трудности сообщенія съ Пекиномъ, на способы какъ ихъ избѣгнуть.

Получивъ черезъ нѣкоторое время извѣстіе, что письмо доставлено въ Шанхай въ надежныя руки, Игнатьевъ обратился въ совѣтъ съ новымъ заявленіемъ: „Несмотря на нежеланіе китайскихъ сановниковъ“, писалъ онъ, „русскія суда, согласно волѣ моего Государя Императора, прибудутъ въ непродолжительномъ времени въ Печилійскій заливъ. Чтобы избѣжать недоразумѣній, которыя легко могутъ возникнуть при этомъ между командирами судовъ и береговыми жителями, въ Бейтанъ будетъ посланъ офицеръ вмѣстѣ съ однимъ изъ чиновъ духовной миссіи съ цѣлью остановить русскія суда въ безопасномъ отъ береговыхъ укрѣпленій мѣстѣ. Для облегченія этой задачи я предлагаю откомандировать вмѣстѣ съ посылаемыми лицами какого нибудь китайскаго чиновника“... „Сановники должны бы давно понять,“ писалъ онъ далѣе, „что согласіе между государствами возможно лишь при точномъ исполненіи законныхъ требованій другъ друга, а между тѣмъ мнимое доброе расположеніе китайскаго правительства выражается въ постоянномъ отказѣ и препятствіяхъ, которыя оно ставитъ каждому нашему предложенію.

Совершенно непонятно, почему оно противится, напримѣръ, проѣзду нашихъ людей къ морю теперь,

когда еще въ прошломъ году посланные Муравьевымъ 3 чиновника безпрепятственно проѣхали отъ Бейтана въ Пекинъ, откуда также, свободно, проѣхалъ къ морю князь Дадешкильяни."

Никакіе доводы не дѣйствовали, однако, на китайскихъ сановниковъ, которые перестали даже соблюдать наружныя формы вѣжливости и позволяли себѣ употреблять выраженія въ родѣ того, что: „О намѣреніи почтеннаго сановника посылать людей въ Бейтанъ разсуждать нечего."

Игнатьевъ постепенно убѣждался, что безъ энергическихъ и даже насильственныхъ мѣръ ему не обойтись.

Положеніе его становилось между тѣмъ съ каждымъ днемъ все тяжелѣе. Съ минуты на минуту ожидалъ онъ важныхъ для него инструкцій, которыя министерство иностранныхъ дѣлъ медлило высылать изъ Петербурга. Неполученіе же отвѣта на посланное письмо въ Шанхай, буквально, связывало его по рукамъ.

Прошелъ апрѣль; начался май и наконецъ 7-го только числа разомъ пришли всѣ ожидавшіяся съ такимъ нетерпѣніемъ извѣстія. Министерство иностранныхъ дѣлъ прислало отвѣтъ на всѣ предложенные Игнатьевымъ вопросы; изъ Шанхая Гардъ прислалъ извѣстія самаго благопріятнаго свойства—то былъ дѣйствительно радостный день.

Высказывая полное одобреніе всей предшествовавшей дѣятельности Игнатьева въ Пекинѣ, ему разрѣшалось принять званіе посланника. Предоставляя рѣшить вопросъ объ отъѣздѣ изъ китайской столицы

по собственному усмотрѣнію, министерство сообщало ему о принятыхъ уже мѣрахъ по сформированію спеціальной эскарды, посылаемой въ Китайскія воды въ его распоряженіе и рекомендовало поднять свой флагъ на фрегатѣ „Свѣтлана“.

Предписывая слѣдить за дѣйствіями морскихъ державъ, министерство предлагало Игнатьеву дѣйствовать совмѣстно съ американскимъ посланникомъ, въ томъ же духѣ, въ какомъ дѣйствовалъ графъ Путятинъ въ 58 г., стараться принять на себя роль посредника и отнюдь не давать войнѣ принять такіе размѣры, которые грозили бы царствующему дому сверженіемъ съ престола. Имѣть въ виду, что замѣна Маньчжурской династіи Китайской была бы крайне невыгодна нашимъ интересамъ. Перенесенный изъ Пекина на югъ центръ тяжести китайскаго правительства неминуемо вышелъ бы изъ подъ вліянія Россіи и подпалъ бы подъ власть морскихъ державъ, главнымъ образомъ—Англіи.

IX.

Посланное въ Шанхай письмо попало весьма счастливо въ руки самого начальника отряда судовъ Тихаго океана, адъютанта Великаго Князя Генералъ-Адмирала, капитана I ранга Лихачева, который и поспѣшилъ исполнить все то, о чемъ просилъ въ своемъ письмѣ Игнатьевъ.

Прибывъ въ Шанхай 21-го марта, онъ тотчасъ нанялъ частный японскій пароходъ, на которомъ и пошелъ въ Японію отыскивать суда своего отряда. Прибывъ въ Хакодате 3-го апрѣля, онъ засталъ здѣсь

транспортъ „Японецъ“ и клиперъ „Джигитъ“, оказавшіеся, по сдѣланному имъ осмотру въ слишкомъ дурномъ, къ несчастію, состояніи, чтобы идти въ море. Не отпуская поэтому парохода „Рени“, на которомъ онъ только что прибылъ, Лихачевъ распорядился погрузить на него запасъ угля, и отправилъ на немъ лейтенанта Казнакова съ корреспонденціей и посылками для Игнатьева—въ Печилійскій заливъ. „Рени“ не дошелъ, однако, до мѣста своего назначенія; выскочивъ ночью на каменья, близъ береговъ Японіи, онъ разбился и пошелъ ко дну настолько быстро, что Казнакову не удалось спасти почти ничего изъ того, что онъ везъ для посланника.

Приготовивъ „Японца“ возможно быстро къ выходу въ море, Лихачевъ, тотчасъ же, отправился на немъ въ заливъ Посьэта, куда онъ и прибылъ 12-го числа. Вставъ на якорь въ Новгородской гавани, онъ высадилъ десантъ, состоявшій изъ двухъ офицеровъ и 25 нижнихъ чиновъ при одномъ полевомъ единорогѣ. Начальникъ десанта лейтенантъ Назимовъ получилъ при этомъ для руководства слѣдующую инструкцію.

Предписываю вамъ:

1) Устроивъ для себя и команды жилое помѣщеніе, тотчасъ приступить къ разработкѣ каменнаго угля для надобностей эскадры китайскаго моря.

2) Отправьте самымъ вѣрнымъ способомъ переданныя вамъ весьма важнаго содержанія бумаги в наши поселенія въ верховьяхъ р. Уссури и далѣе.

3) Соберите всѣ свѣдѣнія объ окружающей мѣстности.

4) Въ обращеніи съ туземцами будьте тверды, но вмѣстѣ съ тѣмъ кротки и осторожны.

5) Въ случаѣ прихода иностранныхъ судовъ, вы поднимете нашъ флагъ и объявите, что занимаемое вами мѣсто и портъ находятся на землѣ, утвержденной за Россіей согласно Айгунскому договору; ваше же присутствіе вы объясните работами по разработкѣ угля.

6) Если окажется, что вашъ лагерь расположенъ въ нездоровой мѣстности, вы, не стѣсняясь, можете перенести его на другое мѣсто.

7) Во всѣхъ непредвидѣнныхъ здѣсь случаяхъ, вы должны дѣйствовать по собственному усмотрѣнію.

8) По прибытіи контръ-адмирала Казакевича, вы явитесь къ нему и сдадите вашъ постъ подъ его начальство.

13-го апрѣля транспортъ „Японецъ“ вышелъ въ море и прибылъ 29-го къ Бейтану. Клиперъ „Джигитъ“, получивъ предписаніе начальника эскадры идти изъ Хакодате туда же, прибылъ на другой день.

Получивъ, наконецъ, положительное извѣстіе о прибытіи нашихъ судовъ въ Пе-чи-ли, Игнатьевъ, тотчасъ возобновилъ дѣятельную переписку съ верховнымъ совѣтомъ по поводу предстоящаго отъѣзда посольства.

Лихачеву было препровождено вѣрнымъ способомъ письмо, съ предложеніемъ послать съ эскадры какого нибудь морского офицера для личныхъ объясненій съ посланникомъ, въ совѣтъ же была отправлена его копія.

X.

На послѣднее заявленіе сдѣланное посланникомъ,

китайцы все еще не прислали отвѣта, и указъ богдыхана, запрещавшій Игнатьеву выѣзжать изъ столицы, оставался такимъ образомъ въ силѣ. Вопросъ этотъ настоятельно требовалъ разъясненія, а потому Игнатьевъ, пользуясь приходомъ почты изъ Кяхты, и желая вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать еще одну послѣднюю попытку, представилъ свой ультиматумъ въ слѣдующей формѣ:

„Русское правительство крайне изумлено, что возбужденные между нашими государствами вопросы не рѣшены еще по сіе время. Никто не могъ ожидать, что послѣ приведенія въ исполненіе Айгунскаго договора, заключеннаго между Государемъ Императоромъ и его Величествомъ Богдыханомъ, возникнутъ какія нибудь недоразумѣнія. Цѣлые $1^1/_2$ года стараемся мы устроить всѣ дѣла по взаимному соглашенію, и за все это время ни мой предшественникъ, ни я не встрѣтили со стороны вашихъ сановниковъ того содѣйствія, на которое мы могли расчитывать.

Нынѣ я получилъ повелѣніе отъ моего Государя Императора обратиться въ послѣдній разъ къ Вашему Правительству съ предложеніемъ привести въ исполненіе Айгунскій договоръ, покончить разграничительный и прочіе вопросы.

Поэтому я обращаюсь къ Вамъ, почтенные сановники, съ просьбой, немедленно довести о томъ до свѣдѣнія вашего повелителя съ предложеніемъ, дать мнѣ безотлагательно рѣшительный отвѣтъ: желаете ли Вы произвести размѣнъ и утвердить пограничныя карты нашихъ государствъ или нѣтъ?

Готовность моя продолжать переговоры, при со-

гласіи на то совѣта, извѣстна сановникамъ. Въ противномъ же случаѣ я выполню приказаніе моего государства и немедленно оставлю Пекинъ, чтобы сѣсть на суда, которыя уже прибыли къ Бейтану въ мое распоряженіе. Для облегченія путешествія я ожидаю назначенія чиновниковъ для моего сопровожденія и прошу приготовить перевозочныя средства по прилагаемой при семъ запискѣ. Отвѣтъ на это заявленіе я прошу прислать не позже 11 мая, такъ какъ 16-го я предполагаю отправиться въ путь. О чемъ и сообщается, 8-го мая 1860 г.“

Недѣлю спустя верховный совѣтъ соблаговолилъ наконецъ отвѣтить. Богдыханъ отвергъ требованіе Игнатьева и категорически запретилъ выѣзжать къ морю не только посланнику, но даже кому либо изъ его чиновниковъ.

Столь странное запрещеніе конечно не могло заставить Игнатьева измѣнить его намѣренія. Отдавъ приказаніе кончать какъ можно скорѣе приготовленія къ отъѣзду, онъ тотчасъ же написалъ въ совѣтъ рѣзкую ноту съ заявленіемъ, что онъ, русскій посланникъ, исполняетъ исключительно повелѣніе и волю своего Государя Императора и потому онъ уѣдетъ, не смотря ни на какія препятствія и не въ Кяхту, на что соглашаются китайцы, а именно къ морю, чтобы пересѣсть на одно изъ русскихъ судовъ.

Нота эта смутила китайскихъ сановниковъ, которые совершенно не знали, какъ поступить съ такимъ съумасшедшимъ посланникомъ, который въ грошъ не ставитъ указы богдыхана. Взять обратно свое запрещеніе они не желали, настаивать же на немъ было

опасно ввиду твердости и упорства русскаго посланника.

Рѣшивъ, что молчаніе есть лучшій въ данномъ случаѣ выходъ, они тѣмъ не менѣе подослали въ подворье нѣсколько мелкихъ чиновниковъ, которые намеками предупредили членовъ миссіи, что если посланникъ, не смотря на запрещеніе, всетаки выѣдетъ изъ столицы, то правительство не будетъ ему въ томъ препятствовать. „Насильно держать васъ никто не станетъ“, говорили они, „но содѣйствовавать путешествію, брать на себя отвѣтственность за могущія возникнуть недоразумѣнія, мы также не желаемъ.“

Одновременно съ этимъ другіе чиновники говорили наоборотъ, что богдыханъ, крайне недовольный самовольными дѣйствіями посланника, приказалъ удвоить стражу у городскихъ воротъ, запретилъ пропускать черезъ нихъ посольство, давать ему лошадей и повозки и разрѣшилъ только въ крайнемъ случаѣ выѣхать изъ столицы, и съ непремѣннымъ условіемъ ѣхать черезъ Монголію въ Кяхту, но не къ морю.

Близъ подворья появилось большое количество полицейскихъ, явно старавшихся высмотрѣть, что дѣлаютъ русскіе. Чтобы напугать ихъ немного, Баллюзекъ приказалъ конвойнымъ казакамъ точить на ихъ глазахъ шашки и заряжать огнестрѣльное оружіе, что произвело на китайцевъ немалое впечатлѣніе.

За день до отъѣзда совѣтъ все еще продолжалъ хранить молчаніе. Пользуясь пришедшими въ подворье чиновниками, посланникъ поручилъ драгоману выразить имъ, насколько неприлично оставлять оффиціальныя бумаги посланниковъ безъ отвѣта и кромѣ того приказалъ передать имъ на словахъ слѣдующее:

1) что на Амурѣ, Уссури и морскомъ побережьѣ русскія власти будутъ дѣйствовать на основаніи нашего пониманія Айгунскаго договора, а не китайскаго лжетолкованія; 2) что прекращеніе китайцами торговыхъ сношеній съ Россіей почтется ею за объявленіе войны и 3) если китайское правительство согласится на сдѣланныя русскимъ посланникомъ предложенія, онъ останется съ своей эскадрой въ Печилійскомъ заливѣ для того, чтобы оказать въ случаѣ нужды дружественное содѣйствіе въ пользу богдыхана во время переговоровъ съ иностранными послами.

Сильно опасаясь, чтобы Англія, помирившись съ Китаемъ, послѣ неизбѣжнаго разгрома Сэнъ Вана, не вздумала бы принудить китайское правительство къ заключенію договора на подобіе того трактата, который она навязала Швеціи во время Крымской кампаніи и не обязала бы Китай не дѣлать никакихъ территоріальныхъ уступокъ Россіи безъ вѣдома Великобританіи, Игнатьевъ рѣшилъ приложить всѣ усилія къ тому, чтобы сосредоточить вниманіе китайскаго правительства на главнѣйшемъ изъ всѣхъ вопросовъ—на восточномъ разграниченіи. Отбрасывая все второстепенное и стараясь обставить вопросъ самымъ неоспоримымъ въ смыслѣ международнаго права образомъ, онъ писалъ совѣту: „Никакихъ новыхъ уступокъ мы въ сущности отъ васъ не требуемъ. Вы говорите, что затрудняетесь принять мое предложеніе вслѣдствіе доклада Гиринскаго генералъ-губернатора, который боится спора между Вашими и нашими поселенцами, но мы и не просимъ вовсе, чтобы Вы выселяли Вашихъ жителей, мы желаемъ только, чтобы мѣста, занятыя уже нашими поселенцами, были утверждены за ними.

Верхняя часть Суй-Фуна будетъ принадлежать Вамъ и только нижняя намъ.“

Подготовляя себѣ почву для будущаго своего возвращенія въ Пекинъ, онъ продолжалъ: „Вы очевидно не понимаете той пользы, которую можетъ оказать Вамъ Россія. Мы искренно желаемъ содѣйствовать Вашему примиренію съ иностранцами, отъ чрезмѣрныхъ требованій которыхъ мы хотѣли бы Васъ оградить, но Вы совершенно не цѣните нашего благорасположенія къ Вамъ.“

Заканчивая свои послѣднія дѣла, Игнатьевъ писалъ директору азіатскаго департамента: „Завтра утромъ выѣзжаю изъ Пекина... Вѣроятно намъ придется или считать пограничный вопросъ рѣшеннымъ фактическимъ занятіемъ края, довольствуясь вынужденнымъ мною у верховнаго совѣта сознаніемъ, что уступка новаго края была утверждена богдыханомъ, чего онъ, изъ боязни смутъ, не можетъ однако подтвердить, или же выждать болѣе благопріятное время для возобновленія переговоровъ, имѣя ввиду, что требованія наши должны быть поддержаны демонстраціями на границѣ и что присутствіе европейскихъ представителей значительно осложнитъ рѣшеніе вопроса.“

Сообщая въ тотъ же день генералу Корсакову, что китайское правительство предупреждено о нашемъ занятіи, въ силу Айгунскаго договора, Маньчжурскаго побережья, посланникъ совѣтовалъ ему отправиться въ Айгунъ, для заключенія совмѣстно съ Гиринскимъ цзянь-цзюнемъ окончательныхъ по пограничнымъ вопросамъ условій.

Архимандриту Гурію Игнатьевъ вручилъ подроб-

ную инструкцію съ указаніемъ, какъ ему слѣдуетъ дѣйствовать въ отсутствіи посланника.

„Покидая Пекинъ, я не могу еще опредѣлить", писалъ онъ, „вернусь ли я обратно или нѣтъ, это будетъ всецѣло зависѣть отъ результатовъ Тянь-Цзинскихъ переговоровъ и образа дѣйствій китайскаго правительства. Разставаясь съ Вами, я считаю долгомъ сказать вамъ нѣсколько словъ о предстоящихъ моихъ дѣйствіяхъ и степени того участія, которое Вы можете принять въ достиженіи общей нашей задачи. Министерство иностранныхъ дѣлъ желало бы, чтобы я, въ качествѣ посредника, содѣйствовалъ достиженію нашей цѣли полезными внушеніями и объясненіями. Вамъ извѣстны мои виды и намѣреніе настаивать на сдѣланныхъ китайскому правительству предложеніяхъ, но самое для насъ важное есть возможно скорѣйшее окончаніе пограничнаго вопроса и взаимный обмѣнъ пограничныхъ картъ, на что я и обращаю Ваше особенное вниманіе. Китайское правительство должно понять, что Россія, вступивъ во время переговоровъ Китая съ европейскими державами въ качествѣ совѣтника, можетъ значительно ослабить ту тяжелую участь, которая ожидаетъ Маньчжурскую династію и что мое возвращеніе въ Пекинъ послѣ прибытія туда иностранныхъ представителей можетъ быть ей очень полезно.

Въ общемъ я покорнѣйше Васъ прошу имѣть въ виду слѣдующее: 1) тщательно слѣдить за всѣмъ, что будетъ относиться до Россіи и до другихъ европейскихъ державъ, стараясь пріобрѣтать какъ можно болѣе свѣдѣній о положеніи дѣлъ; 2) объяснять китайцамъ, что Россія не желаетъ пользоваться стѣснитель-

нымъ положеніемъ Китайской имперіи, а напротивъ, сохраняя совершенно нейтральное положеніе, старается оградить ее отъ вліянія европейцевъ: 3) стараться распространять благопріятные для насъ слухи и свѣдѣнія, перетолковывая ихъ по возможности въ нашу пользу; 4) посылать какъ можно чаще донесенія о положеніи дѣлъ въ Петербургъ, генералъ-губернатору Восточной Сибири и мнѣ, въ Бейтанъ или на эскадру. Въ важныхъ же случаяхъ увѣдомлять меня черезъ кого либо изъ членовъ духовной миссіи, посылая его подъ предлогомъ доставленія мнѣ бумагъ изъ Россіи.

5) Полученную отъ меня почту для Петербурга отсылать по назначенію экстренно.

6) Въ случаѣ если китайское правительство потребуетъ, чтобы духовная миссія выѣхала изъ Пекина, Вы объявите, что неимѣніе соотвѣтствующихъ отъ меня инструкцій не позволяетъ Вамъ исполнить это требованіе добровольно и во всякомъ случаѣ Вы испросите на него указа богдыхана.“

XI.

Моментъ отъѣзда приближался. Полная неизвѣстность, которую видѣли передъ собою отъѣзжавшіе, приводила всѣхъ въ напряженное состояніе. Въ послѣдніе дни распространился въ добавокъ тревожнаго свойства слухъ будто городская стража получила приказаніе не выпускать русскихъ за черту города, задержавъ ихъ у городской стѣны, что легко можно было исполнить, заперевъ внутреннія и внѣшнія ворота въ тотъ моментъ, когда посольскіе носилки будутъ между ними. Случись это и посланникъ очутился бы въ безвыходномъ и очень опасномъ по своимъ послѣдствіямъ положеніи.

Чтобы не попасться въ просакъ приняли слѣдующую мѣру предосторожности: у двухъ повозокъ, предназначенныхъ для поклажи посольства, распилили пополамъ заднія оси и соединили между собой распиленныя части чекой такимъ образомъ, что при выдергиваніи ея, части осей распадались и повозка дѣлалась моментательно неспособной къ передвиженію.

Планъ дѣйствія былъ таковъ: пустить обѣ повозки, одну за другой, съ такимъ расчетомъ, что когда передняя подъѣдетъ подъ внѣшнія ворота городской стѣны, то задняя будетъ еще подъ внутренними, въ этотъ моментъ возницы обѣихъ повозокъ выдернутъ одновременно чеки, соединяющія распиленныя части осей, которыя распавшись, лишатъ повозки возможности двигаться и, застрявъ въ воротахъ, помѣшаютъ стражѣ запереть ихъ. Этимъ моментомъ полагали воспользоваться, чтобы проскользнуть съ носилками за городскую стѣну. Для выѣзда изъ города были назначены ближайшія къ южному подворью ворота, но за нѣсколько дней нарочно распространили слухъ между китайской прислугой, что посольство проѣдетъ черезъ другія, лежавшія значительно дальше, у которыхъ китайцы и ожидали его. Въ назначенный день и часъ, 16-го мая въ 8 ч. утра, посольство двинулось изъ подворья. Быстро проѣхавъ разстояніе, отдѣлявшее его отъ воротъ, пустили впередъ приспособленныя повозки, которыя прекрасно исполнили свое назначеніе. Обѣ онѣ произвели немалое замѣшательство среди городской стражи, чѣмъ воспользовались посольскія носилки и торжественно двинулись впередъ, окруженныя свитой и конвоемъ верхами. Но эта также была хитрость— носилки были пустыя. Посланникъ, взявъ лошадь у

одного изъ членовъ миссіи Пещурова, выѣхалъ впередъ въ сопровожденіи конвойнаго казака, благополучно проѣхалъ ворота, неузнанный, китайцами и остановился только тогда, когда очутился далеко въ полѣ.

Оплошавъ въ воротахъ и пропустивъ удобный случай задержать посланника (если китайцы намѣревались это сдѣлать), они не посмѣли принять какія либо насильственныя мѣры внѣ города и ограничились тѣмъ, что послали нѣсколько человѣкъ полиціи слѣдить изъ за всѣми дѣйствіями русскихъ. На первомъ же ночлегѣ прискакали 2 маньчжурскихъ чиновника, посланные совѣтомъ для объясненій. Высланному къ нимъ Татаринову они заявили, что имъ поручено государственнымъ совѣтомъ стараться всѣми силами уговорить русскаго посланника вернуться обратно въ столицу. Извиняясь за непріятное недоразумѣніе, благодаря которому бумаги Игнатьева остались безъ отвѣта, они увѣряли, что сановники немедленно пріѣдутъ въ подворье, если посланникъ имѣетъ имъ сдѣлать какое нибудь важное сообщеніе. Стараясь напугать предстоящими въ пути опасностями, чиновники говорили, что правительство не успѣло еще сдѣлать никакихъ приготовленій для облегченія путешествія и въ концѣ концовъ представили весь ужасъ положенія сановниковъ, изъ которыхъ никто не посмѣетъ доложить богдыхану о самовольномъ выѣздѣ русскаго представителя.

Всѣ эти доводы, конечно, не разубѣдили ни въ чемъ Игнатьева, который велѣлъ передать чиновникамъ, черезъ того же Татаринова, что трудности предстоящаго путешествія никого изъ его свиты не пу-

гаютъ, а за безопасность свою посольство съумѣетъ постоять само.

Отъ Пекина до моря нужно было пройти около 120 верстъ. Соблюдая этикетъ, имѣющій въ глазахъ китайцевъ столь важное значеніе, а также чтобы показать китайцамъ, что посольство отнюдь не бѣжитъ изъ Пекина, а спокойно слѣдуетъ туда, куда ему нужно, посланникъ велѣлъ нести себя всю дорогу въ носилкахъ. Все обошлось вполнѣ благополучно. Не доходя 9 верстъ до Тянь-Цзина сочли болѣе благоразумнымъ свернуть на боковую дорогу, чтобы не встрѣтиться въ городѣ съ возбужденнымъ противъ европейцевъ населеніемъ, главною квартирой арміи и важными маньчжурскими сановниками, которые могли бы подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ задержать посольство насильно. Верстъ за 20 до моря начали встрѣчаться на пути земляныя укрѣпленія, вооруженные лагери, табуны монгольской конницы, собравшейся въ числѣ 10000 для отраженія нападенія союзниковъ, прибытіе которыхъ ожидалось съ дня на день.

Чѣмъ дальше отходило посольство отъ Пекина тѣмъ любезнѣе и почтительнѣе дѣлались китайцы. Любопытный народъ массами высыпалъ на дорогу, чтобы посмотрѣть шествіе русскаго Да-же-ня.

Мѣстное же начальство считало своимъ долгомъ являться съ выраженіемъ своего почтенія. На послѣднемъ переходѣ одинъ изъ старшихъ мѣстныхъ начальниковъ, пришедшій пожелать посланнику счастливаго пути, высказалъ даже свое огорченіе по поводу его отъѣзда изъ Китая. Игнатьевъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ и зная, что все сказанное этому чиновнику сдѣлается несомнѣнно извѣстнымъ совѣту,

выразилъ въ свою очередь сожалѣніе по поводу того, что образъ дѣйствій сановника Су-Шуня лишилъ его возможности оказать китайскому правительству, находящемуся въ столь трудныхъ обстоятельствахъ, тѣ услуги, которыя онъ—желалъ бы оказать. Нигдѣ не видано—говорилъ онъ—чтобы нота посланниковъ оставалась бы безъ отвѣта и чтобы съ иностранными представителями поступали такъ, какъ поступалъ съ нимъ неблаговоспитанный маньчжурскій сановникъ, который своими дѣйствіями ничего не принесетъ своему государству кромѣ вреда. Обвиняя Су-Шуня. Игнатьевъ старался подорвать къ нему довѣріе совѣта и выставлялъ его единственнымъ виновникомъ неудавшихся переговоровъ въ надеждѣ, что, въ случаѣ ихъ возобновленія, Су-Шунь будетъ замѣщенъ какимъ нибудь другимъ болѣе покладистымъ сановникомъ. Приближаясь къ берегу, Игнатьевъ заранѣе послалъ предупредить Лихачева о времени своего прибытія, численности ѣхавшихъ съ нимъ людей, всѣ поклажи и когда посольство подъѣхало къ берегу, то оно было встрѣчено состоявшимъ при Лихачевѣ капитанъ-лейтенантомъ Мусинъ—Пушкинымъ, высланнымъ имъ навстрѣчу: въ 3 ч. дня прибылъ самъ Лихачевъ, съ которымъ посланникъ и переѣхалъ немедленно на транспортъ „Японецъ," стоявшій вмѣстѣ съ клипером „Джигитъ" въ 8 морскихъ миляхъ отъ берега.

Дальнѣйшій планъ Игнатьева былъ таковъ: идти какъ можно скорѣе въ Шанхай, ожидать прибытія союзниковъ, которые должны были пріѣхать туда въ скоромъ времени, познакомиться прежде всего съ аккредитованными послами, узнать ихъ намѣренія и образъ мыслей, далѣе же дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ.

Передъ уходомъ была послана въ совѣтъ послѣдняя бумага съ просьбой высылать въ Бейтанъ всю приходящую на имя русскаго посланника корреспонденцію; для того же, чтобы пріучить Пекинское правительство къ мысли, что русскій посланникъ дѣйствуетъ независимо отъ союзниковъ, Игнатьевъ сообщилъ, что онъ вскорѣ вернется со своей эскадрой за полученіемъ отвѣта на тѣ двѣ послѣднія бумаги, которыя онъ отправилъ въ совѣтъ до своего отъѣзда изъ Пекина.

ЧАСТЬ II.

I.

Обстоятельства принуждали идти въ Шанхай какъ можно скорѣе. Каждый день промедленія имѣлъ огромное значеніе. Посланнику было совершенно необходимо завязать сношенія съ иностранцами еще до открытія военныхъ дѣйствій, которыя ожидались со дня на день.

Не желая терять даромъ ни одного часа, посланникъ пересѣлъ для предстоящаго перехода съ транспорта „Японецъ“ на „Джигитъ,“ пользовавшійся репутаціей хорошаго ходока, но, увы, клиперъ не оправдалъ этотъ разъ возлагавшихся на него надеждъ.

Недостатокъ угля, взятаго всего на 8 часовъ и который необходимо было беречь для экстренныхъ надобностей, заставлялъ идти подъ парусами, сослужившими этотъ разъ скверную службу. Сносный довольно вѣтеръ, дувшій было въ началѣ, началъ слабѣть очень быстро по выходѣ въ море и, наконецъ, падая постепенно, перешелъ въ полный штиль. Прошелъ день, другой, прошла недѣля, а погода и не думала мѣняться, штиль не прекращался. Положеніе пассажировъ дѣлалось между тѣмъ весьма незавиднымъ. При ужасной тѣснотѣ, въ которой они помѣщались, всѣ страдали отъ полнаго отсутствія свѣжей провизіи и послѣдніе дни приходилось питаться одними сухарями и чаемъ, настоеннымъ на скверной водѣ.

На 8-й только день началъ задувать легкій вѣтерокъ и „Джигитъ“ забралъ понемногу ходъ. Два дня спустя (командиръ разсчитывалъ сдѣлать весь переходъ въ 4 дня) клиперъ добрался наконецъ до Янтце-Кіанга. Подходя къ его устью вечеромъ 1-го іюля, командиръ былъ въ большомъ затрудненіи, не зная, хватитъ ли у него угля, чтобы подняться подъ парами вверхъ по рѣкѣ или нѣтъ; барометръ между тѣмъ быстро падалъ, предвѣщая мало хорошаго; вѣтеръ крѣпчалъ, но на счастье перешелъ въ W и „Джигитъ“, тотчасъ поставивъ всѣ паруса, быстро пробѣжалъ небольшое разстояніе, отдѣлявшее его до устья Вусунга.

Неудачи наконецъ кончились и смѣнились совершенно неожиданнымъ для всѣхъ сюрпризомъ. Подходя къ якорному мѣсту, съ „Джигита“ вдругъ усмотрѣли, къ всеобщей радости, фрегатъ „Свѣтлана“, стоявшій тутъ же на якорѣ. Командиръ его, адъютантъ генералъ-адмирала, молодой и энергичный капитанъ I ранга Чихачевъ, привелъ фрегатъ замѣчательно быстро изъ Средиземнаго моря, гдѣ онъ стоялъ въ Вилла-Франкѣ. Останавливаясь въ портахъ только самое необходимое время, онъ сдѣлалъ почти весь переходъ полнымъ ходомъ, ведя вдобавокъ на буксирѣ, на протяженіи цѣлой тысячи миль, отставшіе корветъ „Посадникъ“ и клиперъ „Наѣздникъ,“ предназначенные также въ составъ эскадры Чихачева, но, оказавшіеся, къ несчастію, въ столь плачевномъ состояніи, что требовали, по крайней мѣрѣ, 2-хъ мѣсячной починки.

Вставъ на якорь, Игнатьевъ при первой возможности перебрался на берегъ. Американскій консулъ Гардъ, только что принявшій на себя обязанности также и русскаго консула, очень богатый и госте-

пріимный человѣкъ, предложилъ посланнику остановиться въ его домѣ. Любезное приглашеніе это было принято съ тѣмъ большей готовностью, что въ томъ же домѣ остановился также и американскій посланникъ Уардъ, знакомство съ которымъ могло значительно облегчить Игнатьеву его первые шаги въ сношеніяхъ съ иностранцами.

Общность интересовъ и тождественность положенія Россіи и Америки должна была въ сильной степени содѣйствовать сближенію ихъ представителей. Оба государства намѣревались соблюдать въ предстоящую войну союзниковъ съ Китаемъ строгій нейтралитетъ, рѣшившись выступить посредниками между воюющими лишь при особо благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ.

Сближеніе Россіи съ Америкой совершенно согласовалось съ видами министерства иностранныхъ дѣлъ и взглядами генералъ-губернатора Муравьева, который еще годъ тому назадъ писалъ по этому поводу: „Въ настоящее время мы недостаточно еще сильны, чтобы дѣйствовать въ здѣшнихъ моряхъ самостоятельно. Чья нибудь дружба для насъ совершенно необходима, сближеніе же съ Америкой менѣе опасно, чѣмъ дружба съ какой либо иной державой и выгодно уже тѣмъ, что англичане будутъ его бояться".

При первомъ же свиданіи съ Уардомъ, Игнатьевъ указалъ ему на тѣ промахи, которые онъ сдѣлалъ за время своего пребыванія въ Пекинѣ и объяснилъ ему всю опасность того положенія, которое онъ себѣ создалъ благодаря тому, что позволилъ китайцамъ запереть себя въ своемъ собственномъ же домѣ, не

съумѣлъ войти въ сношенія съ русскимъ посланникомъ и уѣхалъ изъ Китая, даже не повидавшись съ нимъ. „Сойдись мы съ вами тогда", говорилъ Игнатьевъ, „мы многое успѣли бы сдѣлать".

Достигнувъ извѣстнаго сближенія съ нимъ, чему въ сильной степени способствовало совмѣстное житье въ домѣ Гарда, Игнатьевъ затронулъ вопросъ о томъ политическомъ положеніи, которое онъ намѣревался занять по открытіи военныхъ дѣйствій союзниковъ.

Объявивъ Уарду о принятомъ имъ рѣшеніи увѣдомить китайское правительство, что въ предстоящую войну Россія будетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ совершенно солидарна съ Сѣверо-Американскими штатами, Игнатьевъ предложилъ ему: во первыхъ, обратиться къ союзникамъ и китайскому правительству съ оффиціальнымъ заявленіемъ, что по отношенію къ воюющимъ Россія и Соединенные Штаты займутъ совершенно тождественное положеніе и во вторыхъ, дать взаимное обязательство не брать на себя роли посредника одинъ безъ другого. Вполнѣ согласившись, что подобный образъ дѣйствій будетъ самымъ выгоднымъ для обоихъ государствъ, Уардъ уклонился однако отъ оффиціальнаго опредѣленія сферы своей будущей дѣятельности. Вообще американскій посланникъ оказался неважнымъ дипломатомъ: при всѣхъ своихъ положительныхъ качествахъ (это былъ умный, образованный и хорошій человѣкъ) онъ совсѣмъ не обладалъ столь нужной для того времени рѣшительностью и, кромѣ того, интересовался очень мало европейскими и китайскими дѣлами, мечтая только о томъ, чтобы вернуться поскорѣе къ себѣ домой, въ Соединенные Штаты.

Вскорѣ по приходѣ „Джигита“ въ Шанхай, стало извѣстнымъ, что полномочные послы лордъ Эльгинъ и баронъ Гро задержаны въ дорогѣ гибелью парохода, на которомъ они ѣхали вмѣстѣ. Обстоятельство это, отсрочившее ихъ прибытіе, дало Игнатьеву возможность познакомиться ближе съ главнокомандующими соединенныхъ армій генералами Хонъ-Грантомъ и Монтобаномъ и обоими посланниками Брюсомъ, младшимъ братомъ Эльгина, и Бурбулономъ.

Посланники встрѣтили Игнатьева весьма сдержанно и холодно Въ особенности Брюсъ не могъ скрыть своего недоброжелательства къ Россіи, которую онъ считалъ главной виновницей происшедшаго годъ тому назадъ пораженія англійскихъ войскъ при Таку.

Вспыльчивый, высокомѣрный, преисполненный великобританскихъ предубѣжденій и самомнѣнія, Брюсъ представлялъ изъ себя типъ настоящаго дипломата, что же касается Бурбулона, то онъ оказался весьма незначительнымъ, безцвѣтнымъ чиновникомъ, который больше всего дорожилъ своимъ мѣстомъ и содержаніемъ и преклонялся передъ величіемъ Англіи. Для переговоровъ съ союзниками, Китайское правительство прислало въ Шанхай своего уполномоченнаго Си-ваня вмѣстѣ съ цѣлымъ штатомъ состоящихъ при немъ чиновниковъ. Назначеніе этого китайца, бывшаго съ англичанами въ близкихъ сношеніяхъ съ 58 г. и очень враждебно относившагося къ Россіи, могло имѣть весьма скверныя послѣдствія для нашихъ дѣлъ.

Задача этого уполномоченнаго заключалась въ томъ, чтобы: 1) добиться отмѣны даннаго миссіонерамъ права появляться въ столицѣ, 2) объявить о запреще-

ніи консуламъ и торговымъ иностранцамъ углубляться внутрь страны. Въ случаѣ, если бы иностранцы воспротивились этимъ требованіямъ, Си-ваню разрѣшалось совсѣмъ отказаться отъ Тянь-Цзинскаго договора, сославшись на то, что уполномоченные, подписывавшіе его въ 58 г., были настолько будто бы запуганы иностранцами, что они сами не знали, что подписываютъ.

Кромѣ холоднаго пріема, оказаннаго Игнатьеву англійскимъ и французскимъ представителями, въ Шанхаѣ распространился, вскорѣ послѣ прибытія туда Си-ваня, очень невыгодный для русскихъ интересовъ слухъ, будто Россія, добивавшаяся въ Пекинѣ большихъ территоріальныхъ уступокъ на Амурѣ и морскомъ прибрежьѣ, не имѣла въ своихъ хлопотахъ никакого успѣха и что теперь Игнатьевъ прибылъ въ Шанхай спеціально для того, чтобы просить содѣйствія союзниковъ въ этомъ дѣлѣ. Подобное унизительное для Россіи толкованіе слѣдовало опровергнуть какъ можно скорѣе и потому Игнатьевъ, чтобы покончить съ двусмысленностью своего положенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ внушить въ европейцахъ убѣжденіе, что всѣ наши счеты съ Китаемъ покончены, обратился къ каждому изъ посланниковъ съ циркулярнымъ сообщеніемъ слѣдующаго содержанія: „Передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій союзниковъ въ Китаѣ, считаю своимъ долгомъ представить Вашему Превосходительству нѣкоторыя разъясненія по поводу того положенія, которое мнѣ предписано занять Россійскимъ Императорскимъ правительствомъ и о которомъ извѣщены уже Сэнъ-Джемскій и Тюльерійскій кабинеты черезъ россійскихъ пословъ въ Лондонѣ и Парижѣ барона Бруннова и графа Киселева.

По окончаніи веденныхъ мною въ Пекинѣ переговоровъ, я прибылъ черезъ Бейтанъ въ Шанхай, чтобы, согласно приказаніямъ изъ Петербурга, быть вблизи военныхъ операцій союзниковъ. Миролюбивая роль свидѣтеля, которую я приму въ предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ, вполнѣ опредѣляется отношеніями Россіи къ союзникамъ и Китаю. Маньчжурское правительство не нарушило относительно насъ Тянь-Цзинскаго договора и потому Россіи и не подобаетъ принять по отношенію къ Китаю иное положеніе, какъ выжидательное, вполнѣ совмѣстимое однако съ искреннимъ сочувствіемъ къ видамъ англійскаго и французскаго кабинетовъ, стремящихся внушить маньчжурскому правительству уваженіе къ трактатамъ, распространять христіанство и развить торговыя сношенія съ этимъ государствомъ.

Обязанный, на основаніи полученныхъ мною инструкцій, употребить всѣ усилія къ тому, чтобы привести дѣла къ миролюбивой развязкѣ и убѣдить китайское правительство исполнить обязательства, принятыя имъ предъ Англіей, Франціей и Соединенными Штатами, я, съ самаго пріѣзда въ китайскую столицу, приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы достичь намѣченной цѣли, но, къ несчастію, они не имѣли успѣха. Событія прошедшаго года измѣнили взгляды и теченіе мысли въ Пекинѣ и безсмысленное упорство главнѣйшихъ мандариновъ лишь усилилось. Долговременный опытъ приводитъ насъ къ убѣжденію, что до тѣхъ поръ, пока европейскія державы, не смотря на естественное различіе ихъ положенія, не будутъ связаны другъ съ другомъ общимъ ручательствомъ, китайское правительство не будетъ исполнять

добросовѣстно свои договорныя обязательства. На основаніи этомъ, мнѣ было предложено покинуть Пекинъ и прибыть къ союзникамъ въ Шанхай, дабы китайское правительство отнюдь не думало, что соблюденіе Россіей нейтралитета есть одобреніе его поведенію. Отъѣздъ изъ китайской столицы и затѣмъ одновременное съ союзниками присутствіе русскаго представителя въ Печилійскомъ заливѣ заставитъ призадуматься китайцевъ и ясно укажетъ на серьезную опасность ихъ нынѣшняго положенія. Тяжелый урокъ, который союзники дадутъ затѣмъ китайскимъ войскамъ внушитъ, наконецъ, Маньчжурскому правительству сознаніе его безсилія."

Выяснивъ посланникамъ положеніе русскаго представителя, циркуляръ вполнѣ достигъ своей цѣли, значительно улучшивъ отношенія Игнатьева съ англичанами и въ особенности съ французами. Какъ Брюсъ, такъ и Бурбулонъ обѣщались немедленно передать его полномочнымъ посламъ, какъ только они прибудутъ въ Шанхай. Уардъ же подтвердилъ свое намѣреніе дѣйствовать единодушно съ русскимъ посланникомъ въ смыслѣ означеннаго циркуляра и обѣщалъ отправиться въ Печилійскій заливъ немедленно послѣ отъѣзда туда Игнатьева.

15 іюня прибыли наконецъ полномочные послы, причемъ сразу обнаружилась разница, съ какой они отнеслись къ положенію русскаго представителя. Баронъ Гро поспѣшилъ познакомиться съ русскимъ посланникомъ и тотчасъ же сдѣлалъ ему визитъ съ явнымъ желаніемъ войти съ нимъ въ равноправныя дипломатическія сношенія. Англійскій же посолъ ви-

димо хотѣлъ вынудить Игнатьева явиться къ нему первымъ и, въ ожиданіи его визита, медлилъ своимъ посѣщеніемъ нѣсколько дней, но, конечно, его не дождался.

Не желая оставаться въ долгу передъ барономъ Гро, Игнатьевъ, пользуясь первымъ же свиданіемъ съ нимъ, отплатилъ ему за вниманіе, сообщивъ о вынесеніемъ имъ за свое долгое пребываніе въ китайской столицѣ впечатлѣніи, будто китайцы значительно болѣе расположены къ французамъ, нежели къ англичанамъ, которыхъ они считаютъ исключительными виновниками безпорядковъ, начавшихся въ странѣ послѣ катастрофы при Таку.

Высказывая свое удовольствіе по поводу только что полученнаго изъ Россіи извѣстія о явномъ сближеніи, происшедшемъ между правительствами Россіи и Франціи, Игнатьевъ выразилъ барону Гро надежду, что ихъ представители на Востокѣ послѣдуютъ столь благому примѣру и будутъ между собой въ частыхъ и довѣрительныхъ сношеніяхъ. Заканчивая бесѣду, Игнатьевъ просилъ барона Гро дать ему возможность оградить интересы Россіи, которые при развязкѣ легко могутъ быть затронуты благодаря неумѣреннымъ требованіямъ Англіи. На что посолъ отвѣтилъ довольно общими, правда, выраженіями но все же въ достаточно благопріятномъ смыслѣ.

Присутствіе уполномоченныхъ нейтральныхъ державъ на востокѣ въ сильной степени стѣсняло союзниковъ. Эльгинъ, Брюсъ и отчасти французы пробовали уговорить американскаго посланника и португальскаго представителя (губернатора Макао) не пере-

ходить, по примѣру русскаго посланника, въ Печилійскій заливъ, на что Уардъ конечно не согласился. Португалецъ же счелъ благоразумнѣе дать обѣщаніе не выѣзжать изъ Шанхая, что совѣтовалъ и Игнатьевъ, считавшій что португальскій представитель, не имѣвшій полномочій дѣйствовать заодно съ Россіей, врядъ ли принесетъ русскому дѣлу пользу своимъ присутствіемъ въ Пе-чи-ли. Дружескій совѣтъ не выѣзжать изъ Шанхая, былъ принятъ тѣмъ болѣе охотно, что Игнатьевъ обѣщалъ при этомъ выхлопотать для Португаліи такой же благопріятный трактатъ, какой будетъ заключенъ съ Китаемъ прочими державами (что и было въ точности исполнено). Больше всего досаждало союзникамъ, конечно, присутствіе русскаго посланника: во первыхъ имъ было непріятно видѣть въ его лицѣ военнаго свидѣтеля ихъ будущихъ операцій и кромѣ того, они опасались, что Игнатьевъ, какъ дѣйствительный знатокъ китайскихъ дѣлъ и Пекинскаго правительства, съумѣетъ вмѣшаться въ переговоры, которые они считали возможнымъ завязать передъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій или по крайней мѣрѣ тотчасъ послѣ форсированнаго входа въ р. Пейхо. Чтобы успокоить нѣсколько подозрительность союзниковъ, Игнатьевъ объявилъ имъ вскорѣ о своемъ намѣреніи воспользоваться видимой задержкой, происшедшей въ военныхъ приготовленіяхъ, чтобы пойти въ Японію, посѣтить по возможности южные порта Китая и затѣмъ уже идти въ Пе-чи-ли.

За время своего пребыванія въ Шанхаѣ Игнатьевъ, пользуясь частыми свиданіями съ дипломатами и военными союзныхъ армій, успѣлъ внушить имъ многое, что было полезно для русскихъ интересовъ.

Опровергая упорно державшійся слухъ, будто Россія снабдила оружіемъ китайскія войска, сражавшіяся при Таку, онъ пояснилъ, что графъ Путятинъ дѣйствительно собирался доставить китайцамъ нѣсколько тысячъ ружей, но что правительство отказалось отъ этой идеи, какъ только узнало, что оружіе будетъ направлено противъ союзныхъ европейскихъ державъ. Разбирая причины возникшихъ между европейцами и китайцами недоразумѣній, Игнатьевъ объяснилъ, что при заключеніи Тянь-Цзинскаго договора, сановники по своему обыкновенію, скрыли отъ богдыхана его смыслъ, что обнаружилось при ратификаціи и подтверждается фактомъ, что изъ причастныхъ къ дѣлу сановниковъ Хуа-Шань отравился, Гуй-Ліянъ же дважды просился въ отставку. „Для избѣжанія недоразумѣній,—говорилъ онъ,—слѣдуетъ всегда объясняться съ самимъ богдыханомъ, добившись непосредственныхъ съ нимъ сношеній“

Не забывая своего намѣренія отстранить Су-Шуня отъ могущихъ возобновиться переговоровъ, Игнатьевъ старался вселить въ союзникахъ мысль, что онъ есть одинъ изъ главныхъ противниковъ европейцевъ. „Во главѣ недоброжелателей,—говорилъ онъ,—стоитъ ненавистникъ европейцевъ, могущественный Су-Шунь, который неоднократно уже заявлялъ публично, что изъ Китая слѣдуетъ выгнать всѣхъ безъ исключенія европейскихъ варваровъ.

„Ввиду враждебнаго отношенія китайцевъ къ европейцамъ, Россія никогда не имѣла въ Пекинѣ постояннаго посланника, который назначался туда лишь въ важные для нашихъ интересовъ моменты. Положеніе Уарда въ китайской столицѣ служитъ весь-

ма характернымъ примѣромъ этой враждебности китайцевъ, продолжительное же пребываніе въ ней русскаго посольства объясняется лишь давностью сношеній, существующихъ между Россіей и Китаемъ.“

21 іюня выѣхалъ изъ Шанхая американскій посланникъ, а на слѣдующій день Игнатьевъ, пересѣвъ на фрегатъ „Свѣтлана,“ снялся съ якоря и пошелъ въ Нагасаки. Передъ разставаніемъ съ Уардомъ, посланникъ успѣлъ таки уговорить его обратиться къ китайскому правительству съ коллективной русско-американской миролюбивой нотой, которая поставила бы его въ извѣстность о полной солидарности будущихъ дѣйствій обоихъ государствъ. Исполненіе этого было поручено драгоману Татаринову, отправленному съ этой цѣлью на клиперѣ „Джигитъ“ изъ Шанхая въ Печилійскій заливъ. Вмѣстѣ съ этимъ, Татаринову было поручено принять почту изъ Пекина, войти, по возможности, въ сношенія съ архимандритомъ Гуріемъ и предупредить китайцевъ о возвращеніи русскаго посланника въ Бейтанъ. Кромѣ двухъ нотъ, русской и американской, совершенно тожественнаго содержанія, Игнатьевъ переслалъ письмо на имя отца Гурія и три бумаги для государственнаго совѣта, которыми онъ желалъ связать свои предстоящія дѣйствія съ прежними переговорами. Въ первой бумагѣ онъ просилъ выслать почту, адресованную ему изъ Кяхты, во второй онъ выражалъ свое удивленіе по поводу полученнаго имъ извѣстія, будто въ Шанхаѣ до сихъ поръ ничего не знаютъ не только о размѣнѣ ратификацій Тянь-Цзинскаго договора, но даже и его содержанія и просилъ сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе, третья же бумага заключала въ себѣ приблизи-

тельно слѣдующее: „Считаю долгомъ извѣстить верховный государственный совѣтъ, что, по прибытіи моемъ въ Шанхай, я получилъ отъ моего правительства приказаніе возвратиться скорѣе въ Печилійскій заливъ вмѣстѣ съ уполномоченнымъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Желая сохранить нейтральное положеніе въ предстоящей распрѣ Китая съ Англіей и Франціей, Россія и Сѣверо-Американскіе Штаты, въ лицѣ своихъ представителей, готовы помочь китайскому правительству добрымъ совѣтомъ и даже, если оно того пожелаетъ, принять мѣры къ его примиренію съ враждебными ему націями."

Передъ уходомъ изъ Шанхая, Игнатьевъ позаботился о томъ, чтобы упорядочить доставленіе почты, адресованной изъ Европы русскому посольству. Американскій консулъ весьма любезно взялъ на себя отослать первую экспедицію, которая прибудетъ въ Шанхай по отъѣздѣ русскаго посланника, на американской канонерской лодкѣ, всѣ же послѣдующія обѣщалъ отправлять, вмѣстѣ съ англо-французской почтой, для которой предполагалось установить правильное сообщеніе 2 раза въ недѣлю между Шанхаемъ, Чифу, назначеннымъ сборнымъ пунктомъ для французскаго десантнаго корпуса и Печилійскимъ заливомъ.

II.

25-го іюня фрегатъ „Свѣтлана" пришелъ въ Нагасаки, простоялъ тамъ 4 дня и 1 іюля вышелъ въ Бейтанъ вмѣстѣ съ присоединившимся къ нему корветомъ „Боярин". Кромѣ этихъ судовъ, клиперовъ „Джигитъ" и „Наѣздникъ", въ составъ эскадры входилъ корветъ „Посадникъ", оставленный для починокъ въ Нагасаки мѣсяца на два, 1 корветъ и 2 клипера,

шедшіе на присоединеніе съ эскадрой съ Амура. Всѣ эти суда, за исключеніемъ фрегата „Свѣтлана“ были старой конструкціи, тихоходы, имѣли неисправные механизмы и надорванные котлы. Совершенно негодныя для военныхъ операцій, въ особенности по сравненію съ огромнымъ современнымъ союзнымъ флотомъ, они тѣмъ не менѣе, могли прекрасно служить для демонстративныхъ цѣлей, для которыхъ количество вымпеловъ имѣетъ больше значенія, чѣмъ качество судовъ. Къ сожалѣнію въ составѣ эскадры не было ни одного мелкосидящаго судна вродѣ англійскихъ и французскихъ канонерскихъ лодокъ, приспособленныхъ для плаванія въ рѣкѣ, и которыя позволяли бы приближаться къ берегу. Русская эскадра могла стоять лишь въ очень большомъ разстояніи отъ Таку и Бейтана, чѣмъ крайне затруднялась дипломатическая дѣятельность Игнатьева.

3-го іюля „Свѣтлана“ отдалъ якорь на рейдѣ Бейтана, гдѣ уже стоялъ „Hartford“ подъ флагомъ американскаго посланника. Не слѣдуя въ этомъ примѣру Уарда, Игнатьевъ рѣшилъ не подымать своего флага до тѣхъ поръ, пока въ томъ не явится надобность для поддержанія достоинства Россіи въ этикетныхъ вопросахъ

На слѣдующій же день посланникъ отправился съ визитомъ къ американцамъ. Несмотря на то, что посѣщеніе это имѣло совершенно частный характеръ, посланникъ ѣхалъ на катерѣ безъ флага и не имѣлъ съ собой свиты,—на „Hartford“ приняли его съ должнымъ почетомъ и произвели при отваливаніи установленный салютъ въ 17 выстрѣловъ, на что немедленно получили съ „Свѣтланы“ отвѣтъ равнымъ числомъ.

День спустя Уардъ отвѣтилъ на сдѣланный визитъ, послѣ чего между обоими судами очень скоро установились весьма близкія отношенія, посланники дѣлали другъ другу пріемы, давали обѣды и постоянно видѣлись между собою запросто.

По приходѣ „Свѣтланы“ въ Бейтанъ Татариновъ не замедлилъ представить посланнику подробный отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ.

Китайскій чиновникъ Дэ, назначенный для переговоровъ, и съ которымъ Татариновъ вошелъ въ сношенія тотчасъ по прибытіи въ Пе-чи-ли, сообщилъ ему довольно неутѣшительныя извѣстія:

„Поѣздка русскаго посланника въ Шанхай,—говорилъ онъ—произвела здѣсь очень скверное впечатлѣніе. Сановники увидѣли изъ нея, что русскій посланникъ не очень то хлопочетъ о выгодахъ Дайцинскаго правительства. Сэ, (извѣстный приверженецъ англичанъ) вступившій недавно вмѣсто Хэ-чуй-цина въ должность губернатора Приморской области, писалъ намъ въ концѣ 4-й луны, что союзники рѣшили было оставаться въ Шанхаѣ, чтобы начать оттуда переговоры съ китайскимъ правительствомъ, но что послѣ пріѣзда русскаго посланника это рѣшеніе было измѣнено и принято совершенно обратное: идти со всѣми силами на сѣверъ и искать сраженія. Дэ на отрѣзъ отказался принять присланныя Игнатьевымъ и Уардомъ коллективныя ноты, сославшись на указъ богдыхана (вышедшій вскорѣ послѣ отъѣзда русскаго посланника изъ Пекина), строго запрещавшій принимать отъ русскихъ какія либо бумаги въ Бейтанѣ до

окончанія дѣлъ между Китаемъ, Англіей и Франціей. Въ концѣ концовъ онъ согласился взять только письмо, адресованное отцу Гурію.

„Китайцы очень храбры, на словахъ—писалъ далѣе Татариновъ,—и совсѣмъ будто бы готовы встрѣтить непріятеля, но на дѣлѣ мы видимъ иное: малѣйшій слухъ о приходѣ на рейдъ иностраннаго судна сильно тревожитъ правительство, положеніе котораго ухудшается съ каждымъ днемъ.

„Народъ начинаетъ роптать: подвозъ риса, этого главнаго продукта китайцевъ, затрудненный англичанами, задерживающими везущія его съ юга джонки, дорожаетъ, серебро падаетъ въ цѣнѣ. Инсургенты юга, такъ называемые длинноволосые, недовольные Маньчжурской династіей, желая воспользоваться англо-французской экспедиціей, двигаются цѣлыми толпами, какъ говорятъ до 150.000 на сѣверъ, чтобы овладѣть Пекиномъ, свергнуть царствующую династію съ престола и замѣнить ее Китайской. Правительство боится ихъ больше всего, говоря, что инсургенты страшнѣе англичанъ и французовъ, отъ которыхъ легко можно отдѣлаться, какъ и отъ всѣхъ европейскихъ варваровъ хитростью, противъ инсургентовъ же дѣйствительна одна только сила. Собранное китайцами войско, достигшее 57000 чел., представляетъ изъ себя довольно значительную силу и состоитъ изъ:

Монголъ Чихарскихъ	8000 ч.
Харчинскихъ и прочихъ Аймановъ .	12000 ч.
Салонъ	3000 ч.
Китайскаго войска съ западной линіи .	6000 ч.
здѣшнихъ маньчжуръ и китайцевъ .	28000 ч.
ИТОГО	57000 ч.

Въ Таку имѣется изъ этого числа 30.000, а въ Шанхай-Гуанѣ 5000.

На полученное черезъ Татаринова письмо посланника отецъ Гурій отвѣчалъ: „Трибуналъ внѣшнихъ сношеній наотрѣзъ отказался выдавать почту, которая будетъ приходить изъ Европы для русскаго посольства. „Уѣхали," говоритъ, „кому теперь пересылать ее, еще отошлемъ, пожалуй, англичанамъ, а это врядъ ли Вамъ понравится." Такія животныя, а все этотъ козелъ Су-Шунь, теперь онъ уже Нэй-у-фу-да-жень и въ страшной силѣ"... „Очень тяжело становится," продолжалъ архимандритъ, „потрудитесь уговорить англичанъ придти поскорѣе въ Пекинъ, Китай безсиленъ теперь до нельзя. Начинаю безъ шутокъ бояться за спокойствіе населенія въ столицѣ: подозрительность Дженъ Вана, (министра полиціи) и глупѣйшія придирки его полицейскихъ способны вывести изъ терпѣнія даже такихъ ословъ, какъ китайцы. Недовольныхъ настоящимъ порядкомъ было много и прежде, теперь же легче сосчитать довольныхъ. Инсургенты, говорятъ, заняли большую территорію на югѣ и завладѣли тремя городами: Данъ-Янь, Си-Чжоу и Чень-Чжоу. Все населеніе въ тревогѣ и даже храбрый Сонь-Ванъ призадумался и ни съ кѣмъ уже дней 12 не говоритъ. О союзникахъ китайцы держатся того мнѣнія, что они отъявленные плуты и мошенники: не нападаютъ на Таку открыто по безсилію, посылаютъ къ нему лодки, чтобы ввести ихъ въ заблужденіе, сами же собираются сдѣлать нападеніе въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ не ожидаютъ."

Непринятыя китайцами отъ Татаринова бумаги были возвращены по принадлежности.

Боясь, чтобы американцы не увидѣли въ отказѣ китайцевъ принять ихъ какой нибудь невыгодный для насъ признакъ, имъ было объяснено, что китайскій чиновникъ Дэ, съ которымъ переговаривался русскій драгоманъ, не уполномоченъ принимать другихъ бумагъ кромѣ русскихъ, а потому Татариновъ не отдалъ ему ни русской, ни американской ноты, а ограничился передачей письма посланника, адресованнаго отцу Гурію и на словахъ сообщилъ о предстоящемъ прибытіи въ Печилійскій заливъ американскаго уполномоченнаго.

За время своего пребыванія въ Шанхаѣ, посланникъ успѣлъ сойтись очень близко съ французскимъ главнокомандующимъ Монтобаномъ, который при разставаніи пригласилъ его посѣтить главную квартиру французскихъ войскъ, собранныхъ въ Чифу. Располагая свободнымъ временемъ и считая полезнымъ знакомство съ французскими генералами и ихъ штабами, Игнатьевъ воспользовался этимъ приглашеніемъ и отправился туда 7-го іюля на клиперѣ „Джигитъ.“ Благополучно совершивъ небольшой переходъ, клиперъ входилъ уже на слѣдующій день на рейдъ Чифу-гдѣ стояла на якорѣ вся французская эскадра. Быстро пройдя между двумя колоннами ея судовъ, „Джигитъ“ дошелъ до флагманскаго корабля, противъ котораго и отдалъ якорь.

Французы встрѣтили русскаго посланника до крайности любезно. Съ полной готовностью показали ему свои канонерскія лодки, лагерь сухопутныхъ войскъ и вообще все, что было сколько нибудь достойно вниманія. Въ тотъ же день Игнатьевъ сдѣлалъ визиты

барону Гро, французскому адмиралу Шарнеръ и лорду Эльгинъ, нарочно прибывшему въ Чифу, чтобы поторопить военныя приготовленія и условиться съ французами относительно дальнѣйшихъ дѣйствій. Отдавая вообще справедливость энергіи, настойчивости и предпріимчивости лорда Эльгина, слѣдуетъ признать, что съ самаго начала и до конца экспедиціи онъ былъ ея душей, руководителемъ и несомнѣнно главнымъ двигателемъ.

Тутъ же явился къ посланнику лейтенантъ Казнаковъ, тщетно разыскивавшій его по всему Китайскому морю и сообщившій печальное извѣстіе о катастрофѣ „Рени," на которомъ погибло все, что было послано Игнатьеву изъ Петербурга; къ счастью, была спасена, по крайней мѣрѣ, корреспонденція.

Поѣздкой въ Чифу Игнатьевъ остался очень доволенъ и она дѣйствительно могла бы быть во всѣхъ отношеніяхъ удачной, если бы при уходѣ не случилось порядочной таки непріятности.

Снявшись съ якоря вполнѣ благополучно, „Джигитъ" взялъ курсъ и пошелъ было къ выходу съ рейда, какъ вдругъ его ходъ сталъ значительно замедляться, машина почти перестала работать и вскорѣ на вахту дали знать, что ее совсѣмъ прійдется остановить на неопредѣленное время. Оказалось, что трубки котловъ текли до такой степени, что паръ не держался и машина отказывалась работать. Пройдя всего какихъ нибудь полъ-мили, клиперъ, на глазахъ французскихъ войскъ и всей эскадры, долженъ былъ снова отдать якорь. Какъ на бѣду вѣтеръ стихъ, лишивъ возможности пользоваться парусами. Иностранцы, слѣдившіе съ любопытствомъ за маневрами русскаго суд-

на, не могли себѣ объяснить его движеній и, наконецъ, видя, что клиперъ продолжаетъ стоять на мѣстѣ, послали къ нему офицера спросить: не случилось ли чего нибудь и не могутъ ли они быть чѣмъ нибудь полезными. Ихъ предложеніе отклонили однако съ благодарностью, выразивъ надежду на скорую починку небольшой аваріи; трубки чинили цѣлую ночь, но къ утру они все еще не были готовы, когда задувшій слегка благопріятный вѣтеръ позволилъ сняться съ якоря подъ парусами. 2-го числа добрались наконецъ до „Свѣтланы".

Прошла недѣля и пустынный видъ Бейтанскаго рейда сразу преобразился. 17-го іюля вечеромъ былъ уже виденъ цѣлый лѣсъ надвигавшихся съ моря мачтъ, а на другой день въ 7 ч. утра подошли англійскія суда съ адмираломъ Гонъ во главѣ; черезъ 2 часа прибылъ на рейдъ лордъ Эльгинъ, а вечеромъ пришла французская эскадра адмирала Шарнеръ, съ которымъ прибылъ и посолъ, баронъ Гро. Къ ночи „Свѣтлана" была окружена цѣлымъ флотомъ, состоящимъ изъ 107 англійскихъ и 34-хъ французскихъ судовъ, расположенныхъ въ большомъ порядкѣ въ 3 линіи. Слѣдующій день стали приходить транспорты съ десантомъ и число судовъ увеличилось до 200, картина получилась удивительная. При всѣхъ огромныхъ размѣрахъ этого флота, союзники могли, какъ оказалось, высадить съ него очень незначительный сравнительно десантъ: 9000 англійскихъ солдатъ (вмѣстѣ съ сипаями и сикками) при нихъ 2000 кули (coolis), 2500 ч. прислуги (camp followers) и 6000 французовъ.

Рѣшительныя дѣйствія союзниковъ, прибывшихъ съ столь значительными морскими силами, произвели на

китайское правительство удручающее впечатлѣніе. Чувствуя, что ему не совладать съ надвигавшимися событіями, оно обратилось наконецъ за помощью къ русскому посланнику, занимавшему, какъ имъ казалось, нейтральное положеніе.

Увѣдомляя очень любезно о доставленіи письма, отправленнаго посланникомъ „старшему священнику," китайцы писали: „Два года тому назадъ Англія заключила съ нами трактатъ въ Тянь-Цзинѣ. Въ прошломъ же году, суда ея подошли къ Таку и, несмотря на то, что мы не подали никакого повода къ непріязненнымъ дѣйствіямъ, они начали воевать съ нами: французы не присоединились тогда къ англичанамъ, теперь же, не смотря на то, что наше правительство не нарушило мирныхъ отношеній ни съ Англіей, ни съ Франціей, оба государства пришли сюда вмѣстѣ, чтобы воевать.

„Нашъ великій Императоръ оказываетъ обширное вниманіе всѣмъ государствамъ и смотритъ на иностранцевъ такъ же милостиво, какъ и на свой народъ, не имѣя никакого намѣренія притѣснять кого либо. Если Франція и Англія поистинѣ желаютъ мира, то пусть они поступятъ такъ, какъ поступили американцы при ратификаціи Тянь-Цзинскаго договора. Нашъ великій Императоръ полагаетъ, что между обѣими сторонами могутъ возникнуть на много лѣтъ близкія сношенія, а въ такомъ случаѣ можно будетъ вступить въ переговоры и не отвергнуть ихъ."

Получивъ эту бумагу, Игнатьевъ не счелъ нужнымъ даже отвѣчать на нее. Было слишкомъ опасно втягиваться въ переписку съ Китайскимъ правительствомъ и предлагать себя въ посредники союзникамъ (чего видимо желали китайцы) не имѣя никакого

основанія разсчитывать на успѣхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рискуя компрометтировать Россію, какъ нейтральную державу и себя лично, какъ посланника и военнаго. Потерпѣвъ неудачу съ русскимъ посланникомъ, китайцы рѣшили навязать предназначенную ему роль Уарду, что имъ и удалось вполнѣ. Американскій посланникъ принялъ сдѣланное къ нему обращеніе съ полной готовностью, чѣмъ нажилъ себѣ впослѣдствіи большія непріятности. Не будучи вообще опытнымъ дипломатомъ и не вникнувъ достаточно въ настоящее положеніе вещей, Уардъ очень неосторожно допустилъ китайскихъ чиновниковъ вступить съ собою въ сношенія. Китайцы вскорѣ до того увлекли его своими льстивыми фразами, что онъ сталъ скрывать свои сношенія съ ними даже отъ Игнатьева. Подъ предлогомъ привоза свѣжей провизіи, которую китайцы доставляли на джонкахъ съ берега, они присылали ему всевозможныя (неимѣвшія, къ слову сказать, никакой цѣны) свѣдѣнія о приготовленіяхъ и намѣреніяхъ китайскаго правительства.

Сношенія эти, о которыхъ знала вся эскадра, видѣвшая это постоянное хожденіе джонокъ между Hartford'омъ и берегомъ, не привели ни къ какому, практическому результату; напротивъ, поведеніе Уарда, показавшееся союзникамъ въ высшей степени безтактнымъ, раздражило обоихъ пословъ и, въ особенности, лорда Эльгина. Китайцы же, убѣдившись вскорѣ, что американскій посланникъ далеко не оправдываетъ тѣхъ надеждъ, которыя они на него возлагали, также прекратили съ нимъ постепенно завязавшіяся было сношенія.

Положеніе Уарда сдѣлалось послѣ этого настоль-

ко фальшивымъ, что онъ не нашелъ возможнымъ оставаться въ Бейтанѣ и былъ вынужденъ удалиться сначала въ Чифу, а потомъ и далѣе въ Шанхай. Русскіе интересы, которымъ присутствіе такого союзника, какъ американскій посланникъ, конечно, не могло принести пользы, не только не пострадали вслѣдствіе отъѣзда Уарда, но скорѣе на оборотъ, тактичный образъ дѣйствій Игнатьева выступилъ въ болѣе яркомъ свѣтѣ рядомъ съ безтактнымъ поведеніемъ Уарда и онъ сильно выигралъ въ глазахъ пословъ и въ особенности военныхъ.

III.

20-го іюля началась высадка десанта. Съ ранняго утра люди были посажены на гребныя суда, которыя пошли къ Бейтану на буксирѣ небольшихъ пароходовъ, канонерокъ и небольшихъ катеровъ.

Желая произвести предварительную рекогносцировку мѣстности, союзники, высадили въ этотъ день всего 400 человѣкъ французской пѣхоты. Но отрядъ этотъ, не удаляясь далеко отъ береговой черты, никого не встрѣтилъ кромѣ нѣсколькихъ ускакавшихъ отъ него монгольскихъ всадниковъ. На слѣдующій день суда открыли съ утра огонь по возвышавшимся на берегу рѣки Бейтана фортамъ. Сдѣлавъ выстрѣловъ по 8 и убѣдившись, что укрѣпленія покинуты китайцами, суда прекратили пальбу, послѣ чего началась усиленная высадка. Этотъ разъ свезли на берегъ отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ человѣкъ, тотчасъ же заняли ими покинутыя батареи и торжественно водрузили на нихъ свои флаги. На фортахъ оказалось 12 мѣдныхъ и 21 деревянныхъ орудія. Эльгинъ въ тотъ же день переѣхалъ въ занятый союзниками Бейтань. Китайцы

скрывались не долго. На слѣдующее утро появилась, въ видѣ союзниковъ, монгольская конница въ числѣ около пяти тысячъ всадниковъ, которые смѣло начали наступленіе. Англо-французы выслали противъ нихъ 3-хъ тысячный отрядъ, немедленно открывшій учащенный огонь, но, къ всеобщему удивленію, китайцы не струсили и не побѣжали, а храбро начали отвѣчать изъ своихъ джингаловъ (безобразныя китайскія фитильныя ружья). Французы выставили тогда 10 армстронговскихъ нарѣзныхъ пушекъ, но и онѣ не произвели ожидаемаго дѣйствія. Расположивъ въ центрѣ, поперекъ возвышенной дороги, пѣхоту, а на флангахъ, въ низменности, кавалерію, китайцы не отступили ни на шагъ, несмотря на крупныя потери въ своихъ рядахъ, и упорно подерживали совершенно безвредный для европейцевъ огонь.

Тогда союзники прекратили сраженіе первыми. Не желая завязывать рѣшительнаго боя до окончательной высадки всего десанта и кавалеріи, они перестали стрѣлять и отошли къ Бейтану, куда китайцы, конечно, не стали ихъ преслѣдовать и отступили въ свою очередь, приписавъ себѣ, вѣроятно, совершенное пораженіе непріятеля, котораго они отбросили, по ихъ понятіямъ, къ морю.

Переѣздъ Лорда Эльгина съ эскадры на берегъ въ значительной степени ослабилъ возможность недоразумѣній, которыя легко могли возникнуть между нимъ и русскимъ посланникомъ, благодаря не всегда правильнымъ взглядамъ англійскаго посла. Будучи большимъ знатокомъ индійскаго востока и прекрасно понимая, какъ обаятельно дѣйствуетъ на восточныхъ людей маѣйшее внѣшнее проявленіе превосходства

надъ другими, Эльгинъ весьма естественно (съ англійской точки зрѣнія), желалъ возвысить себя и своего союзника въ глазахъ туземцевъ надъ русскимъ и американскимъ представителями. Еще въ Шанхаѣ Игнатьевъ слышалъ отъ Брюса и командировъ англійскихъ судовъ мнѣніе, будто Эльгинъ и Гро суть послы, облеченные особенною властью и значеніемъ, а русскій и американскій представители простые министры резиденты, которые могутъ быть приравнены развѣ только къ Брюсу и Бурбулону (которымъ китайцы не придавали, между прочимъ, никакого значенія).

Игнатьевъ, конечно, не согласился съ подобнымъ взглядомъ на свое положеніе и тогда же заявилъ, что признаетъ лорда Эльгина и барона Гро полномочными послами только послѣ того, какъ они будутъ приняты въ аудіенціи Богдыханомъ, къ которому они аккредитованы, вручатъ ему свои довѣрительныя грамоты и сообщатъ о томъ оффиціально, ему, русскому посланнику. До тѣхъ поръ, онъ не признаетъ никакой разницы между уполномоченными четырехъ государствъ и если Эльгинъ и Гро поднимутъ свои флаги на гротъ брамъ-стеньгѣ, онъ сдѣлаетъ то же самое и потребуетъ себѣ такой же салютъ, какой будетъ сдѣланъ русскимъ судномъ въ честь союзныхъ уполномоченныхъ Во избѣжаніе непріятностей Игнатьевъ не поѣхалъ къ Эльгину, на судно, прибывшее въ Бейтанъ подъ его флагомъ, и сдѣлалъ видъ, что принимаетъ посѣщеніе англійскаго посла за отвѣтъ на визитъ, сдѣланный ему имъ, Игнатьевымъ, въ Чифу.

Недоразумѣнія съ салютами не исчерпались одними разговорами, а кончились однимъ весьма непріятнымъ случаемъ, который легко могъ имѣть послѣд-

ствія самаго нежелательнаго свойства. Дѣло въ томъ, что, по соглашенію съ союзниками, англійская канонерка, назначенная для поддержанія сообщеній между Шанхаемъ и Печилійскимъ заливомъ, должна была доставлять на эскадру, не только англо-французскую, но вмѣстѣ съ тѣмъ и русскую почту. Подойдя однажды къ фрегату „Свѣтлана," для передачи экспедиціи, командиръ канонерки лордъ Нау, (впослѣдствіи адмиралъ и членъ адмиралтействъ совѣта) произвелъ флагу посланника салютъ, причемъ ограничился почему то всего 13-ю выстрѣлами съ цѣлью вѣроятно узнать, какъ мы отнесемся къ такому салюту. Съ разрѣшенія посланника съ „Свѣтланы" не послѣдовало на это никакого отвѣта, что несомнѣнно должно было вызвать со стороны англичанъ объясненіе. И дѣйствительно, черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, прибылъ отъ Нау офицеръ за разъясненіемъ, что означаетъ молчаніе „Свѣтланы"? Лихачевъ отвѣтилъ, что онъ находится въ недоумѣніи, кому относится сдѣланный только что салютъ. Послу, флагъ котораго поднятъ на гротъ-мачтѣ, полагается 17 выстрѣловъ, для начальника же эскадры, которому полагается всего 11, сдѣлано 2 выстрѣла лишнихъ. Англичанинъ уѣхалъ и вскорѣ по его отъѣздѣ прибылъ на „Свѣтлану" самъ командиръ лордъ Нау, который извинился и выразилъ свое сожалѣніе по поводу случившагося. Извиненіе было принято, послѣ чего салютъ тотчасъ же возвращенъ англійскому флагу выстрѣлъ за выстрѣлъ. Послѣ этого, канонерка тотчасъ же удалилась и съ тѣхъ поръ всякія попытки, клонившіяся къ умаленію значенія русскаго представителя, прекратились.

Высадка десанта продолжалась, не смотря на всю

немногочисленность отряда, цѣлыхъ 10 дней, хотя союзники и разсчитывали произвести ее въ 3 или самое большое въ 4 дня.

Только 3-го іюля сухопутныя войска выступили по направленію къ р. Пейхо и въ тотъ же день столкнулись съ китайцами. Происшедшее сраженіе выяснило много любопытнаго и неожиданнаго. Принимая въ соображеніе значительную разницу силъ противниковъ, надо признать, что дѣйствія союзниковъ были вялы, несвязны и нерѣшительны. Что же касается китайцевъ, то ихъ пѣхота лишній разъ показала себя трусливымъ, ни куда негоднымъ воинствомъ, но за то монгольская кавалерія, плохо вооруженная и не имѣвшая, правда, представленія объ аттакахъ массою, дѣйствовала по мнѣнію англичанъ, весьма смѣло и ловко въ разсыпную. Выдержавъ очень долгое время направленный на нее сильный питуцерный и артиллерійскій огонь, монголы бросились на англійскую батарею, перерубили и перекололи часть артиллерійской прислуги 3-хъ орудій и были прогнаны только тогда, когда подоспѣла на выручку англійская кавалерія. Отброшенные назадъ, они понеслись на ту часть непріятельской кавалеріи, которая заскакала имъ во фронтъ, желая загородить путь къ сѣверу, куда они намѣревались отступить и часть ихъ успѣла прорубиться черезъ ряды Англо-Индійскаго войска, прочіе-же ускакали въ противоположную сторону. Обративъ въ бѣгство кавалерію, союзники заняли непріятельскій большой укрѣпленный лагерь, чѣмъ и завершились ихъ успѣхи на этотъ день.

2-го августа войска двинулись далѣе и заняли двѣ китайскихъ деревни, лежащія на р. Пейхо выше Та-

ку, причемъ французы овладѣли зубчатой стѣной, возведенной въ тылу сѣверныхъ фортовъ Таку, чѣмъ отрѣзали ихъ отъ Тянь-Цзина. Преслѣдуя бѣгущихъ защитниковъ этой стѣны, генералъ Монтобанъ намѣревался, слѣдуя за ними, штурмовать сѣверные форта и, если бы это удалось, все было бы кончено, какъ разъ къ дню именинъ Императора Наполеона III—3-го августа, но англичане воспрепятствовали намѣренію французовъ, отказавъ имъ въ поддержкѣ, чѣмъ поступили, по ихъ мнѣнію, въ высшей степени деликатно.

Холодность отношеній между союзниками дала себя чувствовать въ этотъ день не только на сушѣ, но и на морѣ.

Поставивъ себѣ первоначально задачей стать въ наивозможно лучшія отношенія, главнымъ образомъ, съ французами, Игнатьевъ рѣшилъ воспользоваться наступавшимъ днемъ именинъ Императора Наполеона III, чтобы показать имъ насколько онъ цѣнитъ то вниманіе, которое они всегда ему оказывали. Предложивъ Лихачеву принять участіе въ предстоящемъ морскомъ торжествѣ, онъ поручилъ Балюзеку предупредить о томъ адмирала Шарнера.

На другой день, слѣдуя движенію флагманскаго французскаго корабля, русскія суда разцвѣтились флагами и произвели установленный салютъ въ 21 выстрѣлъ съ поднятіемъ французскаго флага на гротъ мачтѣ. Утромъ Игнатьевъ, вмѣстѣ съ Лихачевымъ и свитой, въ парадной формѣ прибыли съ поздравленіемъ къ барону Гро и адмиралу Шарнеру. Французы были въ восторгѣ отъ подобной любезности тѣмъ болѣе, что ихъ союзники англичане отнеслись весьма

холодно къ ихъ національному празднику, даже не разцвѣтившись флагами, а поднявъ одни стеньговые.

Лордъ Эльгинъ и адмиралъ Гопъ ограничились посылкой состоявшихъ при нихъ лицъ съ поздравленіемъ къ Гро и Шарнеру, чѣмъ французы были очень шокированы Невниманіе и холодность англичанъ прошла бы, можетъ быть, незамѣченной, еслибы проявленіе франко-русскихъ симпатій не подчеркнуло сдѣланную нелюбезность, значительно сблизивъ французовъ съ Игнатьевымъ.

IV.

8-го августа англійскія и французскія канонерскія лодки приблизились къ прибрежнымъ фортамъ Таку. Въ тотъ же день союзники переправили часть своихъ сухопутныхъ войскъ черезъ р. Пейхо, заняли оба берега, подступили къ крѣпости съ тыла и отрѣзавъ такимъ образомъ китайцамъ отступленіе.

9-го августа въ 5 ч. утра началось бомбардированіе. Изъ боязни попасть подъ перекрестный огонь фортовъ, о которыхъ напоминали торчавшія еще изъ воды мачты англійскихъ судовъ, затопленныхъ китайцами въ прошломъ году, а также вслѣдствіе узкости фронта, только 8 канонерскихъ лодокъ, 4 англійскихъ и 4 французскихъ могли приблизиться, чтобы поддерживать огонь съ моря, прочія же суда должны были оставаться безучастными зрителями боя. Главный огонь былъ направленъ съ тыла сухопутными войсками, жестоко громившими китайцевъ.

Около 6 ч. часовъ утра артилерія союзниковъ сосредоточила свой огонь противъ южнаго крайняго форта: вскорѣ на немъ послѣдовалъ ужасный взрывъ —

взлетѣлъ на воздухъ пороховой погребъ; земля поднялась огромными столбами и обсыпала защищавшихся; фортъ замолкъ. Послѣ этого весь артиллерійскій огонь былъ направленъ на ближайшія къ рѣкѣ укрѣпленія и въ началѣ 8-го часа тамъ также взорвало пороховой погребъ, послѣ чего китайцы продолжали однако отстрѣливаться. Въ то же время французы пошли въ аттаку на крайній и слуразрушенный уже фортъ, которымъ и завладѣли очень скоро. Около 9 часовъ утра, послѣ отчаянной защиты, длившейся съ 5 ч. китайцы начали спускать свои значки со всѣхъ укрѣпленій и подняли бѣлые парламентерскіе флаги. Послѣ этого они выслали 2-хъ чиновниковъ, чтобы объявить о прибытіи уполномоченныхъ, присланныхъ богдыханомъ для немедленныхъ переговоровъ съ союзниками. Побѣдители потребовали безусловной сдачи фортовъ и пропуска въ Тянь-Цзинь судовъ и войскъ для того, чтобы послы могли въ полной безопасности начать тамъ переговоры. На размышленіе было дано время до 3-хъ часовъ пополудни. По истеченіи назначеннаго срока, китайцы прислали сказать, что они согласны на сдачу, но просятъ лишь выпустить свои гарнизоны, на что союзники не замедлили согласиться. Въ 6 ч. пополудни англичане вошли въ южные форта, сѣверные же остались занятыми французами. По словамъ Хопъ Гранта на батареяхъ нашли около 600 орудій, большею частью мѣдныхъ. Съ передовымъ англійскимъ войскомъ въѣхалъ въ фортъ и лордъ Эльгинъ, бывшій впереди верхомъ, съ самаго начала наступленія союзниковъ и во время общей атаки. У англичанъ выбыло изъ строя около 270 человѣкъ.

Въ началѣ бомбардировки Игнатьевъ наблюдалъ

за сраженіемъ съ клипера, подошедшаго къ Таку, насколько тому позволила глубина, а затѣмъ, когда началась атака онъ приблизился на паровомъ баркасѣ и всталъ рядомъ съ англійской канонеркой, на которой былъ поднятъ флагъ адмирала Хопъ Грань. Вечеромъ онъ вернулся на клиперъ, гдѣ рѣшилъ оставаться, пока обстоятельства не выяснятся окончательно.

На слѣдующій день, 10-го августа, посланника посѣтилъ Уардъ, пріѣхавшій изъ Чифу, чтобы узнать въ какомъ положеніи находятся дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ проститься передъ тѣмъ, чтобы уѣхать обратно въ Шанхай. Жалуясь на неопредѣленность своего положенія, онъ старался доказать, что рѣшительная побѣда, одержанная союзниками, сдѣлала попытку выступать въ роли посредника между воюющими совершенно немыслимой. При разставаніи, русскій посланникъ далъ ему обѣщаніе держать его постоянно въ курсѣ дѣлъ, что было необходимо для устраненія всякаго повода къ его неудобному возвращенію на театръ военныхъ дѣйствій.

Наравнѣ съ Уардомъ, неопредѣленное положеніе русскаго посланника также не улучшилось послѣ успѣховъ союзниковъ. Какъ на бѣду въ Шанхайскихъ газетахъ появилось къ тому времени извѣстіе, будто Китайское правительство отказалось утвердить пограничныя карты между Китаемъ и Россіей, почему дѣло разграниченія по сіе время еще не окончено. Та же газета неоднократно упоминала про намѣренія Россіи захватить Маньчжурскіе порта.

Оставалось только ожидать стеченія особенно благопріятныхъ обстоятельствъ, разсчитывать на несго-

ворчивость союзниковъ и китайцевъ во время переговоровъ, медленный ходъ экспедиціи и пр.

Главная задача Игнатьева, заключалась пока въ томъ, чтобы пріобрѣсти значеніе въ глазахъ обѣихъ сторонъ. Надо было уничтожить предубѣжденіе, съ которымъ союзники встрѣтили его въ Шанхаѣ, и пріобрѣсти ихъ довѣріе. Съ другой стороны надо было доказать китайцамъ, что мы сохраняемъ строжайшій нейтралитетъ, убѣдить ихъ въ нашемъ искреннемъ желаніи спасти Маньчжурскую династію, заставить ихъ вступить съ нами въ сношенія, и затѣмъ возобновить прерванные переговоры, принимая же во вниманіе слухи о желаніи англичанъ вмѣшаться по заключеніи мира съ Китаемъ въ наши дѣла, помѣшать тому тѣмъ или инымъ путемъ.

Для преслѣдованія всѣхъ этихъ многочисленныхъ задачъ, посланнику было совершенно необходимо держаться въ непосредственной близостиъ съ союзниковъ, для чего слѣдовало прежде всего рѣшить трудный вопросъ, какъ пробраться за ними вверхъ по р. Нейхо до Тянь-Цзина. Въ 58 г. графъ Путятинъ былъ поставленъ въ этомъ отношеніи въ значительно выгоднѣйшія условія, имѣя въ своемъ распоряженіи мелкосидящій пароходъ „Америка“, котораго не было теперь въ составѣ эскадры Лихачева. Рѣшили испытать для этой цѣли клиперъ „Разбойникъ“. Сгрузивъ съ него буквально все, что было только возможно и доведя такимъ образомъ осадку судна до 11 футъ послали его съ полной водой черезъ баръ. Перейдя его съ большимъ трудомъ, клиперъ тутъ же приткнулся къ мели. Можно было съ увѣренностью предсказать, что въ извилистой и мелкой рѣкѣ Нейхо онъ будетъ подви-

гаться впередъ медленно и съ большими затрудненіями, а потому Игнатьевъ приказалъ 14-го вечеромъ снарядить паровой барказъ „Свѣтланы“ для отправки его въ Тянь-Цзинъ. Драгоману Татаринову и капитану Баллюзеку было поручено подняться на барказѣ до города, войти въ сношенія съ китайцами подъ предлогомъ полученія изъ Пекина писемъ, присланныхъ изъ Россіи для посольства, и выхлопотать объ отводѣ мѣстной властію или же, въ крайнемъ случаѣ, нанять приличное для русскаго посольства помѣщеніе въ городѣ, по возможности ближе къ рѣкѣ. Порученіе было исполнено вполнѣ успѣшно. Благополучно пройдя на катерѣ до Тянь-Цзина, куда путешественники прибыли 15-го вечеромъ, они очень легко вошли въ сношенія съ городскими властями, при помощи которыхъ и наняли для посольства очень приличный и помѣстительный домъ въ двухъ шагахъ отъ набережной рѣки.

Тянь-Цзинъ былъ уже въ рукахъ союзниковъ, которые, подступивъ къ нему, совершенно безпрепятственно овладѣли возведенными вокругъ города укрѣпленіями. Баронъ Гро прибылъ 13 числа, Эльгинъ на слѣдующій день. Тотчасъ же начались сношенія съ назначенными для переговоровъ китайскими уполномоченными Хэнъ-Ци и Чжилійскимъ генералъ-губернаторомъ Хэнъ-Фу, къ которому и обратился Татариновъ на слѣдующее же утро по прибытіи въ Тянь-Цзинъ. Генералъ-Губернаторъ принялъ его очень любезно, выразилъ удовольствіе по поводу скораго прибытія русскаго посланника, взялъ безъ обычныхъ затрудненій пакетъ, адресованный въ верховный совѣтъ и немедленно выдалъ имѣвшуюся у него на имя Игнатьева почту. Татариновъ тотчасъ же отправилъ ее

на встрѣчу посланнику съ однимъ христіаниномъ, католикомъ Ваттомъ, учителемъ нашего подворья, которому онъ прибавилъ еще слѣдующую записку: „По приходѣ Гана въ Тянь-Цзинъ генералъ-губернаторъ поручилъ ему передать вамъ, что онъ очень проситъ васъ прибыть сюда, полагая что вы человѣкъ, который можетъ уладить дѣла.“

Игнатьевъ между тѣмъ перебрался 15 числа со „Свѣтланы“ на „Разбойникъ“, ожидавшій его уже подъ парами и въ 1 ч. дня клиперъ вошелъ въ рѣку. Подвигаясь вверхъ съ большой осторожностью клиперъ прошелъ первые два дня довольно благополучно, но 17-го, когда рѣка сдѣлалась значительно уже, онъ садился на мель раза 4 и вечеромъ, будучи всего въ какихъ нибудь 5 миляхъ отъ Тянь-Цзина онъ такъ врѣзался въ берегъ, что надежда на скорое прибытіе сразу исчезла. Какъ разъ въ это время подошелъ къ клиперу высланный Баллюзекомъ на встрѣчу паровой катеръ и посланникъ, боясь потерять даромъ лишнія сутки, пересѣлъ на него и очень быстро дошелъ до Тянь-Цзина, гдѣ и помѣстился въ нанятомъ для посольства домѣ. Расчетъ относительно „Разбойника“ оказался вѣренъ: съ трудомъ снявшись съ мели, онъ только 19-го числа прибылъ въ Тянь-Цзинъ, гдѣ тотчасъ же ошвартовался у набережной и поднялъ, по приказанію посланника, посольскій флагъ на гротъ-брамъ-стеньгѣ.

Съ пріѣздомъ Игнатьева въ Тянь-Цзинъ, роль нашей эскадры заканчивалась и дальнѣйшее пребываніе ея въ Печилійскомъ заливѣ дѣлалось излишнимъ. Насколько полезенъ былъ своевременный при-

ходъ „Джигита“, „Японца“ и „Свѣтланы“, позволившій посланнику выѣхать изъ Пекина и затѣмъ предстать прилично предъ лицомъ союзныхъ флотовъ, настолько же безполезенъ былъ позднѣйшій приходъ судовъ Амурской флотиліи. Суда наши могли еще произвести нѣкоторое впечатлѣніе на китайцевъ до появленія союзнаго флота, когда же на рейдъ пришло 200 слишкомъ иностранныхъ кораблей, то наши клипера и корветы должны были пропасть между ними, какъ капля въ морѣ, и потому было совершенно безразлично, стоятъ ли на рейдѣ 2, 3 или 6 судовъ. Соображенія эти побудили Игнатьева распустить эскадру. Кромѣ оставшагося въ Тянь-Цзинѣ „Разбойника“ рѣшено было удержать передъ устьемъ Пейхо фрегатъ „Свѣтлана“ и клиперъ „Джигитъ“, остальные же послать въ Нагасаки и наши восточные порта, а корветъ откомандировать въ Шанхай, чтобы отвезти, къ американскому посланнику. Сообщая Уарду объ общемъ положеніи дѣлъ, Игнатьевъ писалъ ему о своемъ намѣреніи слѣдовать за союзниками въ Пекинъ и упомянулъ про предположенія союзниковъ, что въ силу новыхъ конвенцій, Тянь-Цзинъ будетъ открытъ для европейской торговли и, что надо думать, американцы не замедлятъ воспользоваться столь выгоднымъ для себя рынкомъ.

По прибытіи Игнатьева въ Тянь-Цзинъ, уполномоченные Хэнъ-Фу и Хэнъ Ци немедленно прислали ему свои визитныя карточки и угощеніе, что полагается по китайскимъ обычаямъ. Сообщая о своемъ давнишнемъ желаніи познакомиться съ русскимъ посланникомъ, они высказали свое сожалѣніе, что не могутъ быть лично у него въ тотъ же день по необхо-

димости выѣхать изъ города на встрѣчу Гуй-Ляну, ви въ газначенному для переговоровъ уполномоченному.

По словамъ и дѣйствіямъ Хэнъ Фу и Хэнъ Ци можно было заключить, что жители и мѣстные чиновники съ удовольствіемъ обратились бы за совѣтами и къ посредничеству русскихъ, но сами сановники, не получивъ еще соотвѣтствующихъ инструкцій изъ Пекина, видимо боялись войти въ близкія сношенія съ русскимъ посланникомъ.

Собравъ предварительно всѣ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ, Игнатьевъ отправился на слѣдующій день съ визитами къ обоимъ посламъ. Отъ барона Гро онъ узналъ о намѣреніи ихъ переѣхать тотчасъ послѣ подписанія дополнительныхъ конвенцій въ Пекинъ для размѣна договоровъ 58 г. Во время этого свиданія баронъ Гро не разъ сводилъ разговоръ на недовѣріе, съ которымъ англичане смотрятъ на отношенія Россіи къ Китаю, недоумѣвая какимъ образомъ китайцы такъ хорошо освѣдомлены о всемъ, что дѣлается въ Европѣ.

Игнатьевъ замѣтилъ на это, что англичане вѣроятно забыли о тѣхъ многочисленныхъ европейскихъ купцахъ, которые живутъ въ Китаѣ и объ англійскихъ же газетахъ, издаваемыхъ въ Гонгъ-Конгѣ, Кантонѣ и Шанхаѣ, служащихъ прекрасными источниками для какихъ угодно свѣдѣній.

Знакомясь постепенно съ трудностями, которыя предстояло преодолѣть, чтобы вмѣшаться въ дѣла союзниковъ съ Китаемъ, посланникъ пришелъ къ убѣжденію, что для успѣшнаго хода дѣлъ будетъ очень полезно, сохранивъ добрыя отношенія съ барономъ Гро, сблизиться съ лордомъ Эльгинымъ, на самостоя-

тельность и инціативу котораго слѣдовало расчитывать главнымъ образомъ.

Прекраснымъ средствомъ для сближенія съ союзниками могли служить совѣты, насколько они не вредили интересамъ Россіи и всякія полезныя свѣдѣнія, доставленіемъ которыхъ можно было бы постепенно внушить союзникамъ, что безъ знанія мѣстныхъ условій и людей въ Китаѣ и безъ косвеннаго содѣйствія его, русскаго посланника, имъ не обойтись. Съ другой стороны отнюдь не слѣдовало упреждать событій, способствуя заключенію мира между воюющими.

Россіи было бы очень невыгодно, если бы противники успѣли скоро сойтись между собою. При враждебномъ отношеніи къ русскимъ почти всѣхъ высшихъ и вліятельныхъ маньчжурскихъ сановниковъ, можно было съ увѣренностью сказать что, еслибы дѣла союзниковъ съ Китаемъ были бы благополучно покончены въ Тянь-Цзинѣ безъ содѣйствія и помощи русскихъ, Маньчжурское правительство отвергло бы окончательно Айгунскій договоръ, о дополнительныхъ же къ нему статьяхъ нечего было бы тогда и думать.

По окончаніи къ Китаю задача Игнатьева была также совершенно опредѣлена. Прежде всего нужно было убѣдить правительство въ искреннемъ расположеніи къ нему Россіи, доказать, что только она одна можетъ спасти страну отъ козней союзниковъ, замышляющихъ несравненно болѣе, чѣмъ то кажется съ перваго взгляда, и что безъ участія русскихъ и ихъ моральной поддержки, Маньчжурская династія погибнетъ безвозвратно; въ особенности, если такіе упрямые и недоброжелательные сановники, какъ Джэнъ-

Ванъ, Су-Шунь и нѣкоторые другіе сановники будутъ пользоваться прежнимъ вліяніемъ на дѣла.

Приведеніе въ исполненіе этого плана не замедлило принести свои плоды. Щекотливое положеніе, въ которомъ находился русскій посланникъ въ Тянь-Цзинѣ, первоначально очень скоро измѣнилось значительно къ лучшему. Хорошія отношенія, установившіяся постепенно между нимъ и союзниками, оказывавшими Игнатьеву постоянное вниманіе, наконецъ личная пріязнь съ лордомъ Эльгиномъ произвели на китайцевъ же самое впечатлѣніе и вскорѣ, они начали даже обращаться къ нему съ просьбами о заступничествѣ каждый разъ, когда имъ угрожала со стороны союзниковъ какая нибудь опасность, или даже просто непріятность.

Такъ, напримѣръ, главная квартира англійскаго главнокомандующаго заняла одну изъ кумирень предмѣстья: тотчасъ прибѣжали къ Игнатьеву Хэ-Шэны (жрецы-буддисты) съ просьбой приказать англичанамъ вывести лошадей изъ кумирни. Другой разъ торговое общество Тянь-Цзина прислало къ Игнатьеву двухъ богатыхъ купцовъ, изъ которыхъ одинъ былъ извѣстный Хай-джанъ-ву, съ просьбой заступиться передъ союзниками и спасти городъ отъ грабежа и разоренія. Стараясь успокоить депутатовъ, посланникъ сказалъ имъ, что онъ уже раньше просилъ союзниковъ не занимать Тянь-Цзинъ войсками и что союзники обѣщали ввести въ городъ только необходимое число солдатъ для конвоя и карауловъ. Купцамъ было объяснено, что присутствіе русскаго посланника вполнѣ гарантируетъ спокойствіе жителей, которымъ можно только посовѣтовать вернуться поскорѣе въ свои лавки и продол-

жать прерванную торговлю. При этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, посланникъ высказалъ китайцамъ, что онъ, въ теченіи цѣлаго года, предупреждалъ Пекинское правительство о грозившей ему опасности, предлагалъ свое посредничество и непремѣнно успѣлъ бы помирить Китай съ союзниками, но что Маньчжурское правительство не желало послушаться его совѣтовъ и отклонило его посредничество даже тогда, когда онъ прибылъ въ Печилійскій заливъ съ эскадрой передъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій. Въ настоящее же время онъ, посланникъ, при всемъ своемъ желаніи ничего не можетъ сдѣлать до тѣхъ поръ, пока верховный совѣтъ, раскаявшись въ своемъ упорствѣ, не обратится къ нему оффиціально съ просьбою о помощи совѣтами и посредничествомъ. Рѣчь эта произвела на китайцевъ сильное впечатлѣніе и на другой день прибыли въ посольство отъ торговаго общества пять депутатовъ съ благодарностью за участіе и заступничество русскаго посланника, на слова котораго они, молъ, полагаются болѣе, нежели на всѣ печатныя обѣщанія союзниковъ.

Во время этихъ разговоровъ съ купцами выяснилось, между прочимъ, насколько чуждо китайцамъ чувство патріотизма: такъ, напримѣръ, они совершенно искренно радовались тому, что ихъ полководецъ Сэнъ-Ванъ разбитъ и бѣжалъ съ поля сраженія. „Если бы,“ говорили они, „ему удалось отразить союзниковъ, какъ въ 59 г. то войнѣ не было бы конца.“ Дорожа своими матеріальными интересами выше всего, торговый классъ искренно желалъ сближенія съ союзниками, что не согласовалось пока съ интересами Россіи и потому посланникъ обратилъ ихъ вниманіе на

то обстоятельство, что главная цѣль союзниковъ овладѣть торговлею Китая, пріобрѣсти монополію и подавить туземную конкуренцію.

При всемъ расположеніи, которое мѣстные жители и частныя лица видимо питали къ русскому посланнику, правительство продолжало относиться къ нему попрежнему неблагосклонно и когда, по прибытіи въ Тянь-Цзинь, Игнатьевъ увѣдомилъ о томъ верховный совѣтъ и сообщилъ при этомъ о своемъ намѣреніи вернуться въ Пекинъ, то китайское правительство отвѣтило ему на это:

„29 верховнаго государственнаго совѣта сообщеніе: Изъ полученной настоящей луны 19 числа чрезъ Либу отъ почтеннаго посланника бумаги, видно, что Вы, почтенный посланникъ, намѣрены возвратиться въ Пекинъ для разсужденія, о дѣлахъ для чего Вы прибыли изъ морскаго устья въ Тянь-Цзинь. Прежде всего наши уполномоченные Су и Жуй при совѣщаніи съ Перовскимъ положили: если въ морскомъ устьѣ не спокойно, то сообщенія съ Пекиномъ нѣтъ. Вы же, почтенный сановникъ, имѣя до насъ дѣло желаете прибыть въ непродолжительномъ времени въ столицу. Надобно подождать, пока размѣнъ трактатовъ съ Англіей и Франціей не будетъ оконченъ, тогда и можно будетъ прибыть въ столицу для разсужденія о нашихъ дѣлахъ“.

Черезъ нѣкоторое время по полученіи этой бумаги Игнатьевъ сообщилъ тѣмъ не менѣе совѣту, что выѣдетъ въ Пекинъ нѣсколько дней спустя послѣ отъѣзда туда союзниковъ.

20-го августа прибылъ въ Тянь-Цзинъ Гуй-Лянъ съ чиновниками изъ Пекина и на слѣдующій же день

начались между обѣими сторонами переговоры. Союзники назначили для этого двухъ англичанъ: Уэда (Chinese Secretary) и Паркса (переводчика, бывшаго комиссаромъ въ Кантонѣ), а французы графа Бастара (секретаря французскаго посла) и Аббата de-la Martin (миссіонера—переводчика). Со стороны китайцевъ должны были принять участіе въ переговорахъ, кромѣ Гуй-Ляна и прежнихъ Хэнъ-Фу и Хэнъ-Ци, только что прибывшіе изъ Пекина Ли-Чунь-Сы, Цапао-Цзя-Сюнь и Цзенъ-Жэнь-цинъ.

Съ первыхъ же шаговъ Гуй-Ляна сдѣлалось очевиднымъ, что китайское правительство отнюдь не желаетъ допускать русскаго представителя до переговоровъ. Пріѣхавъ въ Тянь-Цзинъ, онъ тотчасъ послалъ свои визитныя карточки лорду Эльгину и барону Гро, совершенно игнорируя присутствіе посланника Россіи. Тщетно прождавъ два дня, Игнатьевъ послалъ къ нему Татаринова, подъ предлогомъ передачи бумагъ въ верховный совѣтъ и письма на имя начальника нашей духовной миссіи для пересылки ихъ въ Пекинъ. Тотчасъ принявъ драгомана, Гуй-Лянъ обошелся съ нимъ весьма ласково. Притворившись, что онъ ничего не зналъ о прибытіи въ Тянь-Цзинъ Игнатьева, онъ попросилъ передать ему свои наилучшія пожеланія. Жалуясь на свою слабость и отсутствіе памяти, онъ вспомнилъ однако, что Россія давно находится въ дружбѣ съ Китаемъ и выразилъ надежду, что теперь, когда Китаю грозитъ такая опасность, Россія поможетъ ему. Русскій посланникъ—говорилъ онъ—можетъ оказать большую услугу, если онъ, напримѣръ, уговоритъ союзниковъ не требовать отъ Китая большой контрибуціи, тѣмъ болѣе что въ странѣ совершенно нѣтъ серебра.

Выслушавъ уполномоченнаго, Татариновъ отвѣтилъ ему, что Россія всегда готова оказать услугу Китаю, но что до сихъ поръ представитель ея не получилъ еще никакой бумаги отъ Маньчжурскаго правительства, которое просило бы его объ этомъ.

V.

Послѣ всѣхъ успѣховъ, достигнутыхъ со времени высадки десанта въ Бейганѣ и побѣды, одержанной при Таку, союзники не нашли возможнымъ довольствоваться уступками, сдѣланными китайскимъ правительствомъ на основаніи Тянь-Цзинскаго договора 58 г. и рѣшили предъявить уполномоченнымъ новыя требованія, состоящія изъ слѣдующихъ 16 статей.

1) Посланники пользуются постояннымъ пребываніемъ въ Пекинѣ.

2) Европейцамъ дозволяется посѣщать всѣ мѣста Имперіи.

3) Торговать въ Тянь-Цзинѣ, имѣя тамъ своихъ чиновниковъ (консуловъ).

4) Консулы проживающіе въ городахъ, пользуются тѣмъ же положеніемъ, какъ и мѣстныя власти.

5) Назначается опредѣленная пошлина съ ввозимаго въ страну опія.

6) Всѣ порта открываются для свободнаго ввоза всѣхъ предметовъ торговли.

7) Запрещается увеличивать существующую въ настоящее время пошлину.

8) Допускается въ обращеніе всякая серебреная монета.

9) Китайское правительство войдетъ въ соглашеніе съ иностранными державами о принятіи мѣръ къ уничтоженію морскихъ разбойниковъ.

10) Запрещается жителямъ переселяться въ мѣстахъ, посѣщаемыхъ европейцами.

11) При покупкѣ и продажѣ недвижимой собственности европейцами, мѣстные жители обязаны оказывать имъ свое содѣйствіе.

12) Мѣстные жители отвѣчаютъ за безопасность жизни и имущества европейцевъ.

13) Въ случаѣ пропажи ихъ собственности, мѣстныя власти обязаны принять мѣры къ ея отысканію.

14) Набавленная недавно пошлина въ 2 фына серебра на одну пошу чая. отмѣняется и устанавливается прежняя, равная пошлинѣ, взимаемой въ Шанхаѣ.

15) При обсужденіи дѣлъ, принимаются въ основаніе правила, постановленныя въ Кантонѣ.

16) Всѣ вышеупомянутыя 15 статей должны оставаться неизмѣнными впродолженіи 12 лѣтъ.

Обычныя затрудненія, создаваемыя упрямствомъ и хитростью китайцевъ, значительно облегчались благодаря ловкости и умѣнью лицъ, выбранныхъ послами для веденія переговоровъ; въ особенности отличался Паркъ, проявившій необычайную дѣятельность, настойчивость и искуство. Прекрасно владѣя китайскимъ языкомъ и пуская въ ходъ самыя энергичныя и дѣйствительныя пріемы, Паркъ навелъ такой ужасъ на китайскихъ чиновниковъ, что они ни въ чемъ не смѣли ему противорѣчить и исполняли почти безпрекословно, малѣйшія его требованія. Послѣ нѣсколькихъ дней переговоровъ Гуй Ляна убѣдили принять слѣдующія дополнительныя условія.

1) Китайскій Императоръ выразитъ свое сожалѣніе по поводу нападенія, произведеннаго китайцами на англичанъ въ Таку въ 9-мъ году правленія Санъ-Фынь.

2) Согласно заключенному еще до этого случая условію, англійскій посланникъ будетъ имѣть постоянное пребываніе въ Пекинѣ.

3) Англійскому посланнику, какъ представителю своей государыни, будутъ воздаваться соотвѣтствующія почести, какъ при вступленіи въ столицу, такъ и во время пребыванія въ ней.

4) Кромѣ вышеупомянутыхъ трехъ статей будетъ исполняться все, что значится въ договорѣ, заключенномъ въ 8-мъ году правленія Сянь-Фынъ.

5) Всѣ составленныя въ 8-мъ году дополнительныя къ этому договору статьи отмѣняются, кромѣ утвержденнаго китайскимъ императоромъ и остающагося въ силѣ вознагражденія въ 800 лянъ серебра, изъ которыхъ 200 лянъ будутъ уплочены пострадавшимъ европейскимъ купцамъ г. Кантона, а 600 лянъ за военныя издержки. Уплата этихъ денегъ будетъ произведена въ нижеслѣдующемъ порядкѣ: послѣ размѣна ратификацій въ Тянь-Цзинѣ будетъ уплочено втеченіи 2-хъ мѣсяцевъ 100 лянъ серебра. Впродолженіи текущаго 10-го года, никакъ ни позже 20-го числа 10-й луны, въ Кантонѣ будетъ уплочено въ различные сроки 333333 лана серебра. Остальные же 600 лянъ будутъ взиматься процентами съ таможеннаго сбора полугодно, каждый разъ по 0,2 всего сбора, начиная съ 1-го числа 10-й луны (по англійскому календарю). Для наблюденія за правильностью сборовъ будутъ назначены во всѣ таможни англійскіе чиновники; по окончаніи же уплаты, оба государства назначатъ попредварительному соглашенію особыхъ коммиссаровъ для обревизованія счетовъ.

6) Со дня подписанія этихъ условій китайскій

императоръ объявитъ Тянь-Цзинъ открытымъ для торговли всѣхъ государствъ: англійскіе подданные получатъ право жить въ этомъ городѣ, пріобрѣтать недвижимое имущество и вообще будутъ пользоваться всѣмъ, чѣмъ они пользуются въ прочихъ открытыхъ для торговли мѣстахъ. Послѣ ратификаціи трактата въ Пекинѣ богдыханъ повелитъ обнародовать во всей Имперіи какъ трактатъ, такъ и добавочныя къ нему 6 статей для чего будутъ вырѣзаны доски, напечатаны объявленія и развѣшаны на всѣхъ улицахъ и видныхъ мѣстахъ.

По прочтеніи 24-го августа трактата конвенціи китайцамъ, было рѣшено устроить 26-го предварительное свиданіе уполномоченныхъ съ послами, а 27 подписать дополнительную конвенцію и въ тотъ же день идти далѣе въ Пекинъ, куда послы предполагали взять съ собой кромѣ свиты и огромный конвой. Когда лордъ Эльгинъ и Хопъ Грантъ спросили у русскаго посланника какого онъ мнѣнія относительно численности конвоя (англичане предполагали взять съ собою 1000 человѣкъ солдатъ), Игнатьевъ отвѣтилъ, что если англичане желаютъ показать китайцамъ свое довѣріе и не унижать ихъ, то тогда отнюдь не слѣдуетъ брать съ собою болѣе 100 человѣкъ, если же англичане имъ не довѣряютъ, то въ такомъ случаѣ, разумѣется, нельзя брать менѣе 1000, причемъ необходимо захватить съ собою и артиллерію. Послѣ высказаннаго французамъ взгляда, что китайцамъ очень не понравится вступленіе въ столицу 2000 союзниковъ, присутствіе которыхъ должно, по понятіямъ китайцевъ, сильно унизить Богдыхана, баронъ Гро и Монтобанъ условились не брать съ собою болѣе 100 чел. Рѣшеніе это подало

поводъ къ сильнымъ спорамъ и недоразумѣніямъ между союзниками благодаря тому, что англичане не желали уступить и остались при своемъ прежнемъ намѣреніи взять съ собою не 100, а 1000 человѣкъ. Отношенія между союзниками начали обостряться еще во время веденія переговоровъ. Извѣстное свойство китайцевъ быть менѣе уступчивыми съ тѣмъ, кто менѣе требователенъ, сказалось въ этомъ случаѣ благодаря тому, что французы не имѣли такого энергичнаго защитника своихъ интересовъ, какимъ былъ Паркъ результатомъ чего явилась бумага, написанная барону Гро китайскимъ уполномоченнымъ, выразившимъ послу свое удивленіе по поводу того, что Франція, требовавшая въ 58 г. вдвое меньше вознагражденія за понесенные убытки, чѣмъ Англія, предъявляетъ теперь точно такія же требованія, какъ и ея союзникъ, не смотря на то, что французы имѣютъ въ Китаѣ гораздо меньше войскъ и судовъ, чѣмъ ихъ союзники, а кромѣ того они не понесли тѣхъ потерь какія потерпѣли англичане предъ Таку въ 59 г. Было очевидно, что эти мысли могли навѣять китайскимъ уполномоченнымъ только англичане, о чемъ конечно догадывались ихъ союзники.

Баронъ Гро не обратилъ большого вниманія на эту бумагу, а вернулъ ее обратно при письмѣ, въ которомъ онъ выразилъ свое сожалѣніе по поводу затруднительнаго положенія Маньчжурскаго правительства и добавилъ, что онъ не можетъ къ несчастію измѣнить цифры вознагражденія, указанной въ его инструкціяхъ, а потому совѣтуетъ взять бумагу обратно, дабы не возбуждать напрасной дипломатической переписки.

25 го августа должно было произойти послѣднее свиданіе переводчиковъ и секретарей съ китайскими уполномоченными, а на слѣдующій день торжественное подписаніе конвенціи. Наканунѣ Игнатьевъ обѣдалъ и проводилъ вечеръ у лорда Эльгина. Моментъ былъ рѣшительный: надо было пользоваться послѣдними часами, чтобы успѣть переговорить объ очень многихъ и весьма важныхъ для насъ вопросахъ и съумѣть внушить англійскому послу такіе взгляды, которые соотвѣтствовали интересамъ Россіи. Поздравляя Эльгина съ скорымъ и благополучнымъ заключеніемъ мира, русскій посланникъ обратилъ его вниманіе на то, что все случилось именно такъ, какъ онъ предсказывалъ еще въ Шанхаѣ, а затѣмъ въ Печилійскомъ заливѣ и Бейтанѣ. Упоминая про добросовѣстный образъ дѣйствій Россіи по отношенію къ союзникамъ, Игнатьевъ подчеркнулъ тотъ фактъ, что мы никогда не подстрекали Маньчжурское правительство противъ Англіи несмотря на то, что часто имѣли возможность сдѣлать это, не выходя изъ нейтральнаго положенія и будучи вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ увѣрены, что если бы Англія была на нашемъ мѣстѣ, то она поступила именно такъ.

Эльгинъ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ Игнатьева и, отзываясь съ большой похвалой о нашемъ знаніи Китая и мѣстныхъ условій вообще, и объ образѣ дѣйствій русскаго посланника въ особенности, Эльгинъ сознался съ полной откровенностью, что англичане никогда не пропустили бы случая продавать китайцамъ оружіе и порохъ, еслибы они сочли это для себя выгоднымъ.

Продолжая обсуждать дѣйствія Россіи и Китая,

Эльгинъ разсказалъ Игнатьеву, что изъ найденной союзниками въ Сэнь-Хэ китайской корреспонденціи онъ узналъ о томъ, какъ китайцы, относясь видимо съ большимъ недовѣріемъ къ дѣйствіямъ русскихъ, намѣрены были весною помѣшать посланнику сообщаться изъ Пекина съ эскадрой и что они предполагали даже задержать его, если онъ захочетъ проѣхать изъ столицы къ морю, но что далѣе изъ тѣхъ же китайскихъ источниковъ видно, что отъѣздъ русскаго посланника былъ совершенъ съ полнымъ сохраненіемъ достоинства. Игнатьевъ воспользовался этимъ разговоромъ, чтобы внушить лорду Эльгину насколько почетнѣе и удобнѣе для европейскихъ представителей сохранять свою независимость и путешествовать на собственныя средства безъ помощи китайскаго правительства и сопровожденія чиновниковъ, никогда не упускающихъ случая объяснять народу, что они везутъ данниковъ богдыхана, который изъ милости даетъ имъ казенное содержаніе. Эльгинъ очень благодарилъ Игнатьева за данный совѣтъ и сказалъ, что впредь не возьметъ съ собой ни одного китайскаго чиновника.

Обстоятельство это имѣло значеніе для русскаго посольства ввиду того, что если бы китайцы доставили союзникамъ надлежащія средства для проѣзда въ Пекинъ, приняли и провожали бы ихъ посольства съ соотвѣтствующимъ почетомъ, то русскіе, которыхъ китайцы очевидно лишили бы этой обстановки, оказались бы въ фальшивомъ и несоотвѣтствующемъ достоинству Россіи, положеніи. Коснувшись вопроса объ американцахъ, Эльгинъ завелъ рѣчь про состоявшаго въ 58 г. при англійскомъ посольствѣ прежняго переводчика Лея (Lay), который обладалъ по его словамъ

какой-то особенной способностью заставлять китайцевъ слѣпо исполнять малѣйшую волю англичанъ. „Графъ Путятинъ и американскій посланникъ Ридъ", говорилъ Эльгинъ, „поступили деликатно относительно меня, англійскаго посла, принявъ отъ китайцевъ жалобы на Лея чтобы потомъ ходатайствовать за нихъ передо мной. Заступничество это вынудило меня сказать китайцамъ, что если-бы они обратились ко мнѣ непосредственно то ихъ просьба была бы конечно уважена, но такъ какъ они прибѣгли къ помощи представителей другихъ державъ, то требованія Англіи наоборотъ, должны усилиться противъ прежняго. Разговоръ этотъ былъ зеведенъ лордомъ Эльгинымъ не спроста, а видимо съ цѣлью отбить такъ или иначе у русскаго посланника охоту посредничать въ дѣлахъ Англіи съ Китаемъ.

Далѣе Эльгинъ перевелъ разговоръ на общую политику европейцевъ въ Китаѣ, причемъ нѣсколько разъ высказалъ предположеніе, что въ Азіи совмѣстныя дѣйствія русскихъ съ англичанами были бы навѣрное согласнѣе, чѣмъ дѣйствія англичанъ съ французами, которые не имѣютъ ни какого понятія о томъ, какъ обращаться съ азіатцами. Эльгинъ вообще находилъ недостаточными мотивы, побудившіе французовъ вмѣшаться въ восточную политику и при этомъ упомянулъ про послѣднее свое письмо къ лорду Пальмерстону, которому онъ, между прочимъ, высказалъ свое удивленіе, что франція такъ хлопочетъ о распространеніи христіанства въ Китаѣ: „я объясняю себѣ это тѣмъ", добавилъ онъ, „что потребность заниматься религіозными вопросами побуждаетъ французовъ распространять христіанскую религію внѣ государства

потому, что они совершенно не имѣютъ ея у себя дома".

Поддерживая мнѣніе Эльгина что въ Азіатской политикѣ Англія естественно должна идти рука объ руку съ Россіей, Игнатьевъ попробовалъ доказать это слѣдующимъ образомъ: „На востокѣ, говорилъ онъ, „для насъ не существуетъ ни какихъ общихъ интересовъ, а это главное. Англія заботится почти исключительно о ходѣ своихъ коммерческихъ дѣлъ конмъ Россія, радуясь всякому успѣху европейской торговли въ Китаѣ, конечно не будетъ препятствовать. Насъ же интересуютъ всецѣло вопросы пограничные которые важны для Россіи какъ для единственной сосѣдки Китая, но которые не имѣютъ значенія ни для Англіи, ни для какой либо иной державы а такимъ образомъ разъ интересы нашихъ государствъ не сталкиваются между собою, нѣтъ причинъ которыя мѣшали бы какъ имъ дѣйствовать соединенно.

Эльгинъ согласился и съ этимъ, а затѣмъ, продолжая разговоръ на ту же тему пошелъ еще далѣе и началъ жаловаться русскому посланнику на своихъ союзниковъ и вообще на армію говоря что военоначальники дѣйствуютъ недостаточно рѣшительно, что войска обѣихъ націй совершенно чужды другъ другу, что хорошихъ отношеній нѣтъ ни между главнокомандующими, ни между штабами ихъ ни между солдатами: ces deux armées, „добавилъ онъ „sont des tinées plus tot à se battre qu, à étre allieés, tout le monde est las de ces éxpeditions basés sur l' entante cordiale".

Разсказывая про то, какъ составлялась въ Европѣ эта союзная экспедиція, онъ припомнилъ свой разговоръ съ Императоромъ Наполеономъ, который бесѣдовалъ съ нимъ передъ отъѣздомъ посломъ въ Китай.

Императоръ высказалъ опасеніе что если послы не будутъ подчинены главнокомандующимъ, то экспедиція можетъ легко затянуться, не будучи военными, говорилъ онъ, послы естественно будутъ замедлять ходъ экспедиціи не во время вмѣшиваясь въ дѣйствіе военныхъ начальниковъ и не всегда проявляя достаточную рѣшительность; Эльгинъ горячо оспаривалъ этотъ взглядъ и теперь, обратилъ вниманіе Игнатьева на фактъ что въ настоящую кампанію, какъ и въ 58 г. онъ былъ гораздо воинственнѣе и рѣшительнѣе своихъ военныхъ помощниковъ, которыхъ, зачастую, приходится тащить за собой чуть не силой.

Коснувшись финансоваго положенія Китая, Игнатьевъ упомянулъ, что Маньчжурское правительство располагаетъ въ настоящее время очень незначительными, сравнительно, денежными средствами и что въ прошломъ году, напримѣръ, Пекинская казна обкрадываемая постоянно со всѣхъ сторонъ, имѣла чистаго дохода всего 8.000000 лянъ (16 мил руб) на которыя должны были содержаться дворъ, гвардія, дворцы и пр. Эльгинъ отвѣтилъ на это что онъ и самъ всегда былъ убѣжденъ въ бѣдности центральнаго правительства Китая, но что увѣрить въ томъ Парламентъ невозможно: почти всѣ его члены совершенно убѣждены, говорилъ онъ, что Китай —золотое дно и потому для Англіи было бы весьма полезно, если бы въ эту кампанію она получила бы съ Китая не большое, сравнительно, вознагражденіе, дабы въ Европѣ поняли бы наконецъ что война съ Китаемъ обходится вовсе не дешево.

Къ несчастію среди многихъ англичанъ держится твердое убѣжденіе, что китайская война 40 г. была очень выгодна Правительству и не только въ полити-

ческомъ, но и иныхъ отношеніяхъ. Ошибочныя взгляды въ подобныхъ вопросахъ легко могутъ ввести въ заблужденіе и побудить государства, у которыхъ даже и нѣтъ прямыхъ матеріальныхъ интересовъ въ Китаѣ, предпринимать экспедиціи въ эту страну съ цѣлями самыми разнообразными: чтобы занять свои войска, отвлечь общественное вниманіе на Дальній Востокъ пріобрѣсти, наконецъ, славу и вмѣстѣ съ тѣмъ возмѣстить понесенные убытки.

Передъ тѣмъ какъ окончить свою бѣсѣду съ посломъ Игнатьевъ, не упуская изъ виду, что маленькая затяжка въ дѣлахъ союзниковъ въ Китаѣ, была бы для насъ очень полезна и, зная что вопросъ объ аудіенціи иностранныхъ пословъ у Богдыхана есть одинъ изъ наболѣе затруднительныхъ, но совѣтывалъ Эльгину потребовать торжественнаго пріема въ Пекинѣ, дабы внушить китайцамъ должное уваженіе къ званію представителя Европейскаго государства, чтобы заставить почитать королеву равною Богдыхану, а не ниже его и не вассальною относительно Китая, какою китайцы считаютъ ее до сихъ поръ, Эльгинъ одобрилъ этотъ совѣтъ чрезвычайно и высказалъ твердое намѣреніе настоять на торжественной аудіенціи у Богдыхана.

Переведя разговоръ на русскій флотъ, и выразивъ сожалѣніе по поводу отсутствія Капитана 1 ранга Лихачева, Эльгинъ разсказалъ про дошедшіе до него въ Сингапурѣ слухи о предстоящемъ приходѣ въ Китай 31-хъ военныхъ русскихъ судовъ. Англія, говорилъ онъ, ничего не выиграла отъ уничтоженія въ Крымскую кампанію безвреднаго паруснаго черноморскаго флота, но за оборотъ нажила себѣ, благодаря этому въ будущемъ не малые хлопоты, заставивъ Рос-

сію обратить вниманіе на увеличеніе парового флота и на содержаніе эскадры не въ Черномъ морѣ, а болѣе опасномъ для Англіи мѣстѣ—въ Тихомъ океанѣ.

VI.

Положеніе дѣлъ начало постепенно разъясняться. 26-го августа драгоманъ Татариновъ былъ отправленъ къ сановникамъ съ бумагой, въ которой Игнатьевъ сообщалъ о днѣ своего выѣзда изъ Тянь-Цзина. Не заставъ ни Джилійскаго Генералъ-Губернатора, ни Гуй-Ляна, Татариновъ передалъ ее двумъ старшимъ китайскимъ чиновникамъ заявивъ имъ при этомъ на словахъ, что если черезъ день не прибудетъ изъ Пекина членъ нашей духовной миссіи, о пропускѣ котораго русскій посланникъ писалъ уже 2 недѣли тому назадъ, то въ Пекинъ будетъ отправленъ офицеръ съ конвоемъ. Это категорическое заявленіе подѣйствовало на китайцевъ и они поспѣшили сообщить, что хотя имъ и не получено еще оффиціальное извѣстіе, но что имъ достовѣрно извѣстно что русскій миссіонеръ прибудетъ изъ Пекина въ самомъ непродолжительномъ времени, и дѣйствительно около 1 ч. пополудни пріѣхалъ Поповъ, отправившійся изъ миссіи еще 4 дня тому назадъ. Чтобы не привлекать на себя вниманіе публики, онъ выѣхалъ изъ столицы въ китайскомъ платьѣ, но подъѣзжая къ Тянь-Цзину, два сопровождавшихъ его неотступно китайскихъ чиновника, желая оказать ему особую любезность предложили переодѣться въ европейскій костюмъ, что онъ и сдѣлалъ.

Поповъ привезъ съ собою очень интересное письмо архимандрита Гурія: „Докладывая о благополучномъ состояніи духовной миссіи архимандритъ сообщалъ, что Маньчжурское правительство, продолжаетъ питать

недовѣріе къ Россіи и отнюдь не желаетъ сближенія съ союзниками, почему и неслѣдуетъ разсчитывать на благопріятный исходъ Тянь-Цзинскихъ переговоровъ, которыя затѣяны съ обычной цѣлью: выиграть время. Жуй-Лянь и Сэнъ-Ванъ, оставленный главнокомандующимъ, несмотря на публичное объявленіе объ его разжалованіи, собираютъ большія войска въ Тунд-жоу, куда уже двинулась изъ Пекина вся тяжелая артиллерія Богдыхана: пѣхота же разставляется въ большомъ количествѣ въ столицѣ и по дорогѣ между Тянь-Цзиномъ и Пекиномъ".

Зная что пріѣздъ Ношова изъ столицы сдѣлается извѣстнымъ союзникамъ и, желая вмѣстѣ съ тѣмъ воспользоваться имъ чтобы лишній разъ показать посламъ откровенность нашихъ отношеній, Игнатьевъ посѣтилъ въ тотъ же день барона Гро и лорда Эльгина, чтобы передать имъ послѣднія извѣстія, полученныя изъ Пекина. Барона Гро посланникъ засталъ въ большомъ волненіи: оказалось, что наканунѣ 25-го августа вечеромъ, во время свиданія съ китайскими уполномоченными. Хэнъ-Ци заявилъ англійскимъ переводчикамъ, что передъ подписаніемъ конвенціи необходимо представить ея проэктъ на благоусмотрѣніе и утвержденіе Богдыхана. Заподозривъ, что китайцы не имѣютъ должныхъ для веденія переговоровъ полномочій и объяснивъ себѣ ихъ поведеніе желаніемъ выиграть обманнымъ образомъ время, баронъ Гро послалъ графа Бастара съ переводчикомъ къ Гуй-Ляну, чтобы добиться отъ него разъясненій. Хитрый китаецъ розыгралъ передъ посланными цѣлую мелодрамму: ему нѣсколько разъ дѣлалось дурно, онъ ссылался на свою болѣзнь, преклонность лѣтъ и на всѣ предложенные вопросы

выражалъ лишь свое удивленіе, что союзникамъ не извѣстно ихъ основное правило давать полномочія только тѣмъ сановникамъ, которыя посылаются Богдыханомъ далеко отъ столицы и что во всѣхъ другихъ случаяхъ все должно обязательно докладываться предварительно самому Богдыхану. Послѣ этого объясненія Гуй-ляну было объявлено, что онъ самозванецъ, что переговоры прекращены, и что главнокомандующимъ будетъ немедленно уже данъ приказъ двигаться съ войсками на Пекинъ.

Баронъ Гро былъ очень недоволенъ столь мало благопріятнымъ, по его мнѣнію, оборотомъ дѣлъ сильно затруднившимъ исполненіе полученной имъ видимо отъ своего правительства инструкціи „избѣгать вступленія войскъ въ Пекинъ и не допускать дѣло до свержения царствующей династіи". Больше всего его безпокоила мысль, что Богдыханъ бѣжитъ изъ Пекина, чѣмъ положеніе дѣлъ конечно запуталось бы еще болѣе. Бесѣдуя объ этомъ, баронъ Гро нѣсколько разъ давалъ понять русскому посланнику, какъ онъ надѣется на то что этотъ послѣдній употребитъ свое вліяніе на китайцевъ и удержитъ ихъ въ предѣлахъ благоразумѣнія „хотя лучше всего, было-бы заключилъ онъ," если бы вы открыто присоединились къ намъ и помогли бы общему дѣлу". Игнатьевъ отвѣтилъ на это, что онъ никогда не пропускалъ случая дѣлать китайцамъ соотвѣтствующія внушенія, но онъ считаетъ что о матеріальномъ его содѣйствіи рѣчи быть не можетъ во первыхъ за неимѣніемъ войскъ, во вторыхъ потому, что вопросъ этотъ никогда не подымался между правительствами, а въ третьихъ Россія не имѣетъ достаточныхъ причинъ для объявленія Китаю войны, но

что на нравственное содѣйствіе онъ готовъ всегда и въ настоящій моментъ онъ совѣтуетъ идти какъ можно скорѣе въ Тунь-Чжоу, чтобы не дать Сэнъ-Вану время укрѣпить этотъ городъ.

„Лорда Эльгина Игнатьевъ засталъ уже за сборами къ походу. Отнюдь не высказывая неудовольствіе на неблагопріятный, казалось бы, поворотъ дѣла къ худшему онъ, напротивъ, говоритъ, что очень радъ случаю показать Пекинцамъ свою великолѣпную армію и очень благодаренъ китайцамъ за то, что они принуждаютъ его идти впередъ. Чтеніе послѣдней почты полученной изъ Европы, добавилъ посолъ, убѣдило меня въ слишкомъ миролюбивомъ настроеніи умовъ въ Англіи и для меня нисколько небудетъ неожиданностью, если англійское министерство, при полномъ своемъ незнаніи мѣстныхъ условій, пришлетъ мнѣ вскорѣ формальное приказаніе не ходить съ войсками далѣе Тянь-Цзина и предпишетъ заключить миръ на мѣстѣ во что бы то ни стало.“

Видимо желая высказать Игнатьеву свое полное довѣріе Эльгинъ далъ ему прочесть сдѣланные черновые переводы нѣкоторыхъ китайскихъ бумагъ, найденныхъ въ Сэнъ-Хэ. Среди 3 4 документовъ, относившихся до общихъ европейскихъ дѣлъ, было одно предписаніе отъ 15 марта данное верховнымъ совѣтомъ Сэнъ-Вану въ которомъ говорилось: „такъ какъ barbarian Chief Iqnatiew разсерженный тѣмъ, что наше правительство не приняло нѣкоторыхъ его предложеній, относительно гиринской границы, грозится привести нѣсколько русскихъ военныхъ судовъ къ Бейтану. то необходимо принять мѣры, чтобы суда эти отнюдь не могли перейти черезъ баръ.“

Въ другой бумагѣ - донесеніи Сянь-Вана Верховному Совѣту, было видно, что по сдѣланному распоряженію, всѣ русскіе, которыхъ найдутъ между Пекиномъ и моремъ будутъ схвачены и посажены въ тюрьму. Хотя эти бумаги и непроизвели больнаго впечатлѣнія на Эльгина, прекрасно знавшаго, что русскій посланникъ проѣхалъ какъ разъ въ этой мѣстности съ сохраненіемъ полнаго почета, они могли, по его мнѣнію, служить русскому правительству какъ casus belli. Игнатьевъ отвѣтилъ на это что существованіе 10000 верстной общей съ Китаемъ границы можетъ дать сколько угодно поводовъ къ войнѣ, но что Россія не ищетъ ихъ, считая войну совершенно для себя излишней.

Прощаясь съ посланникомъ Эльгинъ просилъ его разъяснить при случаѣ Монтобану истинное положеніе дѣлъ, убѣдить его и французскаго посла въ необходимости идти какъ можно скорѣе къ Тунь-дзоу чтобы легче разбить китайцевъ „я увѣренъ что они послушаютъ васъ“, прибавилъ онъ, „скорѣе, чѣмъ меня и англійскаго главнокомандующаго, такъ какъ я знаю, что они имѣютъ къ вамъ настолько же полное довѣріе какъ и мы всѣ.“

Чтеніе данныхъ Эльгинымъ бумагъ убѣдило русскаго посланника въ неправильности своихъ предположеній, что его переписка съ китайскими сановниками не шла далѣе рукъ Су-Шуня, но что напротивъ Верховный Совѣтъ доподлинно зналъ о всѣхъ его требованіяхъ и дѣйствовалъ совершенно сознательно отвергая Айгунскій договоръ и не принимая дѣлаемыхъ ему предложеній. Обстоятельство это еще болѣе укрѣпило въ Игнатьевѣ его прежнее мнѣніе, что Россія

ничего не потеряетъ если Маньчжурское правительство будетъ не только унижено и потрясено, но даже свергнуто, и дѣйствительно, всякое новое правительство, которое взяло бы въ свои руки бразды правленія не имѣло бы противъ себя столь сильнаго предубѣжденія и отнеслось-бы равнодушнѣе къ столь важному для насъ пограничному вопросу. Пользуясь возвращеніемъ въ Пекинъ чиновниковъ, сопровождавшихъ Попова до Тянь-Цзина, посланникъ переслалъ съ ними шифрованную записку отцу Гурію.

Сообщая о послѣднихъ событіяхъ, о прекращеніи переговоровъ, о предполагавшемся движеніи союзниковъ къ Пекину, объ угрожающей Богдыхану опасности онъ просилъ принять всѣ мѣры къ тому чтобы сохранить отъ захвата бумаги миссіи, а также внушить китайцамъ необходимость перевести ихъ архивъ въ наиболѣе безопасное мѣсто.

Замѣтивъ, что пріѣздъ Попова изъ Пекина, совпавшій какъ разъ съ днемъ разрыва переговоровъ, дастъ поводъ къ разнымъ неблагопріятнымъ для насъ толкамъ и возбуждаетъ подозрительность пословъ, Игнатьевъ предложилъ лорду Эльгину и барону Гро свести ихъ переводчиковъ съ Поповымъ для полученія отъ него свѣдѣній о Пекинѣ, которыя могли быть полезными для союзниковъ. Предложеніе было принято съ благодарностью и предъ выступленіемъ союзныхъ войскъ изъ Тянь-Цзина, Меритенсъ Деламарръ, Уэддъ и Паркесъ были присланы въ нашу миссію, гдѣ они имѣли съ Поповымъ продолжительную бесѣду.

Кромѣ того Игнатьевъ согласился на просьбу генерала Монтобана и полковника Шмица показать имъ планъ Пекина, составленный Шимковичемъ и доста-

вить возможность нѣкоторымъ французскимъ офицерамъ ознакомиться какъ съ планомъ такъ и маршрутной картой начерченной во время слѣдованія посольства изъ Пекина въ Бейганъ. Баронъ Гро и Монтобанъ высказали горячую признательность за всѣ столь важныя для нихъ услуги, оказанныя русскимъ посланникомъ и съ этого времени союзники стали часто обращаться къ нему за различными военными и политическими совѣтами, что значительно облегчило возможность слѣдить близко за ходомъ военныхъ дѣйствій. Что бы судить объ отношеніяхъ, установившихся между русскимъ посланникомъ и союзниками достаточно упомянуть про слѣдующій фактъ: На первомъ же переходѣ союзныхъ войскъ изъ Таку начались всѣ свойственные военному времени безпорядки, солдаты грабили жителей, дома, буддійскія капища: нѣсколько мирныхъ жителей были убиты, не мало женщинъ изнасиловано: больше всего неистовствовали сики, разныя индійскія войска и кули (наемныя южно-китайскіе рабочіе.

Пользуясь своими хорошими отношеніями съ военными начальниками, Игнатьевъ дружески выставилъ имъ на видъ всѣ неудобства и даже опасность, которую легко могутъ вызвать раздраженіе туземцевъ, въ особенности, если будутъ тронуты наиболѣе вліятельные буддійскіе монастыри, лежащія какъ разъ на пути слѣдованія союзныхъ войскъ. Принося Игнатьеву свою искреннюю благодарность за сдѣланное предостереженіе, Монтобанъ просилъ его вмѣстѣ съ тѣмъ указать способъ, которымъ легче всего можно было бы устранить возникающіе безпорядки и грабежи союзныхъ войскъ, на что Игнатьевъ посовѣтывалъ слѣ-

дующее средство: отпечатать открытые охранные листы, на которыхъ за подписью, обоихъ главнокомандующихъ, было бы сказано, что всякій, входящій въ помѣщеніе на дверяхъ котораго наклеенъ этотъ листъ будетъ немедленно разстрѣлянъ и выдать эти листы тѣмъ монастырямъ и капищамъ, которые лежатъ по пути слѣдованія союзныхъ войскъ; для облегченія же раздачи этихъ листовъ, онъ предложилъ имъ свое содѣйствіе.

Главнокомандующіе съ радостью ухватились за столь удачную мысль, листы были отпечатаны и выданы русскому посланнику, который, въ свою очередь, велѣлъ раздать ихъ черезъ Татаринова и Баллюзека тѣмъ монастырямъ и вліятельнымъ китайцамъ, которые обращались въ русское посольство съ просьбой о покровительствѣ и защитѣ отъ союзниковъ.

Пустой, казалось бы, фактъ выдачи русскимъ посланникомъ этихъ листовъ произвелъ огромное впечатлѣніе на туземцевъ и въ народѣ быстро пронла молва, что русскіе навѣрное сильнѣе союзниковъ въ чемъ легко убѣдиться если видѣть какое магическое дѣйствіе производятъ на нихъ листки русскихъ наклеенныя на дверяхъ домовъ и монастырей и пр.

VII.

Столь удачная казалась уловка, къ которой прибѣгли китайцы, чтобы протянуть время и задержать наступленіе непріятеля, ни въ чемъ ни нарушила разчетовъ союзниковъ и не имѣла никакого вліянія на общій ходъ дѣлъ. Англичане при всемъ желаніи не могли даже двинуться впередъ раньше прибытія 2-й дивизіи Сэра Роберта Нэпира послѣдній эшелонъ

который прибылъ въ Таку лишь наканунѣ прекращенія переговоровъ.

Теперь было рѣшено, что первый отрядъ англійскихъ войскъ, состоящій изъ пѣхотной дивизіи генерала Мичеля, одного драгунскаго и одного конногo Сикскаго полка, что составляло въ общемъ около 4000 человѣкъ, выступитъ 27-го вечеромъ по дорогѣ въ Тунъ-джоу и на другой день выйдетъ за нимъ 3000 отрядъ французовъ. Подвозъ всѣхъ продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ долженъ былъ производиться водянымъ путемъ по рѣкѣ Пейхо, для чего адмиралъ Шарнеръ, тотчасъ по прекращеніи переговоровъ, послалъ всѣ свои гребныя суда выше Тянь-Цзина. Въ день выступленія союзниковъ между ними произошелъ одинъ довольно странный случай дающій представленіе объ отношеніяхъ установившихся между Англичанами и Французами.

Имѣя надобность въ перевозочныхъ средствахъ для подъема тяжестей и своего обоза, посольства потребовали отъ мѣстныхъ властей повозки и погонщиковъ что имъ и было доставлено въ необходимомъ количествѣ. Въ послѣдній моментъ передъ выѣздомъ англичанамъ вдругъ показалось, что имъ не хватитъ того числа повозокъ, которыя были для нихъ заготовлены: не долго думая они приказали отобрать отъ числа приготовленныхъ для барона Гро 13 штукъ что и было исполнено самымъ нахальнымъ образомъ. Посолъ самъ вмѣшался въ это дѣло и запретилъ во избѣжаніе ссоры требовать эти повозки обратно, приказавъ достать откуда нибудь другія.

26-го августа со дня прекращенія переговоровъ произошелъ крупный поворотъ къ лучшему въ отно-

шеній китайцевъ къ русскимъ. Жители Тянь-Цзина стали говорить между собою что правительство (даженъ) поступило очень не обдуманно не принявъ помощи, предлагавшейся русскими еще съ самаго начала распри и что теперь уже поздно толковать объ этомъ когда Наркъ, грозя самыми дурными послѣдствіями, строго на строго запретилъ сановникамъ пріѣзжать къ русскимъ за совѣтами до прекращенія переговоровъ.

Съ вечера того же дня и впродолженіи всей ночи къ драгоману Татариновy безпрестанно являлись богатые купцы чиновники и прочій людъ съ просьбами заступиться передъ союзниками и задержать ихъ войска въ Тянь-Цзинѣ, чтобы избѣжать продолженія войны. На всѣ эти просьбы давался неизмѣнно одинъ и тотъ же отвѣтъ, что предложеніе, о посредничествѣ, неоднократно дѣлавшееся русскими, было каждый разъ отвергнуто Маньчжурскимъ правительствомъ и что русскій представитель, которому не подобаетъ навязывать свои услуги кому либо, не намѣренъ возбуждать болѣе этотъ вопросъ. Въ видѣ совѣта или предостереженія имъ было однако добавлено, что если сановники не образумятся и если китайское правительство не перемѣнится по отношенію къ русскимъ, то оно пропадаетъ и во всякомъ случаѣ потеряетъ столицу, которую союзники возьмутъ и разорятъ непремѣнно.

На слѣдующій день рано утромъ въ посольство явилось нѣсколько мелкихъ чиновниковъ, которые разными обиняками дали понять, что Гуй-Ліянъ и Хэнь-Фу очень желали бы познакомиться съ русскимъ посланникомъ и сдѣлать ему визитъ. Татариновъ посо-

вѣтывалъ имъ передать китайскимъ уполномоченнымъ, что если они желаютъ быть принятыми посланникомъ то пускай присылаютъ своихъ чиновниковъ, чтобы условиться о днѣ и часѣ пріема. Чиновники ушли и на слѣдующій день по выступленіи союзниковъ передъ самымъ обѣдомъ, пріѣхалъ въ посольство секретарь Джилійскаго генералъ-губернатора Хэнъ-Фу съ просьбой принять его. Игнатьевъ согласился и велѣлъ передать секретарю, что приметъ генералъ-губернатора черезъ 2 часа: прошелъ очень небольшой промежутокъ времени, какъ въ посольство явилось сперва нѣсколько чиновниковъ и богатыхъ купцовъ и начали просить самымъ унижеинымъ образомъ принять Хэнъ-фу безотлагательно, мотивируя свою просьбу крайней необходимостью послать, по случаю выступленія союзниковъ, гонца въ Пекинъ, передъ чѣмъ сановникъ очень желалъ бы посовѣтываться съ русскимъ Да-же-ни о положеніи дѣлъ. Посланникъ отказалъ, но тѣмъ не менѣе минутъ черезъ 10 генералъ-губернаторъ все таки прибылъ въ сопровожденіи большой свиты.

Заставивъ его прождать въ пріемной минутъ 20, посланникъ принялъ его, по окончаніи обѣда, совершенно запросто. Послѣ обычныхъ привѣтствій, Хэнъ-фу прямо приступилъ къ дѣлу и просто изложилъ Игнатьеву свою просьбу заключавшуюся въ томъ, чтобы русскій посланникъ взялъ на себя роль посредника между обѣими сторонами, уговорилъ союзниковъ остановить свои войска хотя на 3 дня въ Тянь-Цзинѣ и, въ случаѣ согласія принять на себя эту роль, увѣдомилъ о томъ Гуй-Ляна письменно. Тогда, „говорилъ онъ“, всѣ окончательно увѣруютъ въ Ваше чистосер-

дѣніе и искреннее желаніе сдѣлать добро нашему государству."

По первымъ же словамъ генералъ-губернатора можно было догадаться, что китайскіе уполномоченные получили повелѣніе задержать союзниковъ во что бы то ни стало еще на нѣсколько дней въ Тянь-Цзинѣ съ цѣлью или дать время прибыть новымъ уполномоченнымъ съ болѣе обширными правами, какъ то увѣряли китайцы, или же, (какъ оно и подтвердилось впослѣдствіи), чтобы дать возможность войскамъ, охранявшимъ Пекинъ, окончить всѣ нужныя для защиты столицы приготовленія. Втянувъ въ это дѣло русскаго посланника, китайцы надѣялись, видимо, достигнуть желаемаго, не связывая себя благодарностью своего правительства, что совсѣмъ не входило однако въ разсчетъ Игнатьева. Не говоря уже про то, насколько не умѣстно было бы русскому посланнику вмѣшиваться въ это дѣло въ моментъ выступленія союзныхъ войскъ, можно было совершенно испортить тѣ добрыя отношенія, которыя начали устанавливаться между нимъ и союзниками.

Вполнѣ сознавая необходимость отклонить предложеніе Хэнъ-фу, посланникъ желалъ однако сдѣлать это въ такой формѣ, чтобы не отбить у китайцевъ охоту обращаться къ нему впередъ съ подобнаго рода просьбами. Выслушавъ до конца всѣ доводы генералъ-губернатора, посланникъ спросилъ его прежде всего, почему онъ обращается къ нему съ подобнаго рода просьбой? Дѣйствуетъ ли онъ согласно указу Богды-хана или же просто по собственному побужденію. Вопросъ этотъ смутилъ Хэнъ-Фу. Помолчавъ нѣкоторое время онъ сознался затѣмъ совершенно откровен-

но, что у него нѣтъ никакого повелѣнія отъ богдыхана. Тогда ему было отвѣчено, что такъ какъ, на сдѣланное имъ, русскимъ посланникомъ, предложеніе Маньчжурскому правительству принять на себя посредничество верховный совѣтъ, оффиціально, просилъ его не безпокоиться, то теперь, если китайцы желаютъ чтобы русскій посланникъ принялъ участіе въ ихъ дѣлахъ съ союзниками, необходимо, чтобы верховный совѣтъ, единственное мѣсто, съ которымъ русскій представитель вообще можетъ сноситься, просилъ бы его о томъ также оффиціально. Хэнъ-Фу возразилъ на это, что онъ не только не имѣетъ права писать объ этомъ верховному совѣту но, изъ боязни отвѣтственности, онъ не можетъ даже изложить письменно просьбы, съ которой онъ обратился къ посланнику.

Вамъ извѣстно, говорилъ Игнатьевъ, что вслѣдствіе искренняго участія, которое принимаетъ мой Государь Императоръ въ бѣдственномъ положеніи Китая, еще за долго до начала военныхъ дѣйствій, предлагалъ вашимъ сановникамъ мое посредничество, и когда союзники двинулись затѣмъ къ Бейтану я вторично сдѣлалъ тоже предложеніе, но ваше правительство отклонило его какъ и первый разъ и, не послѣдовавъ моимъ совѣтамъ, взялось за оружіе. Оставшись, не смотря на это, на театрѣ военныхъ дѣйствій я вошелъ послѣ взятія Таку въ Пейхо и, не безъ труда, уговорилъ союзниковъ остановиться въ Тянь-Цзинѣ. Прекращеніе наступленія не принесло Вамъ однако никакой пользы, вы не съумѣли понять своего положенія и равно ничего не сдѣлали, чтобы облегчить его. Послѣ рѣшенія союзниковъ двинуться на Пекинъ, мнѣ стоило не малыхъ трудовъ убѣдить ихъ не идти да-

лѣе Тунь-джоу, но я боюсь, что и это не послужитъ вамъ на пользу. Если вы не образумитесь и этотъ разъ, то вы сами будете виноваты въ паденіи китайской столицы, которая, конечно, будетъ взята и разрушена союзниками. Вы не вѣрили моимъ предсказаніямъ, которыя всѣ, однако, сбываются въ точности. Теперь вы хотите, чтобъ я ходатайствовалъ передъ союзниками о заключеніи договора и даже поручился бы за васъ, но развѣ я могу это сдѣлать, когда вы такъ недавно еще, отказались исполнить условія договора, заключеннаго между Россіей и вами. Пускай Гуй-Лянь и Хэнъ-Фу напишутъ въ верховный совѣтъ что пока еще рано просить меня о посредничествѣ, сначала нужно исполнить законныя требованія Россіи и только тогда я соглашусь взять на себя уладить всѣ ваши дѣла съ союзниками и избавить маньчжуръ отъ грозящей имъ участи.

Хэнъ-Фу, какъ и нужно было ожидать, прибѣгнулъ къ обычной уловкѣ и началъ увѣрять, что онъ не можетъ передать верховному совѣту то, о чемъ они только что говорили (хотя не могло быть никакого сомнѣнія, что разговоръ, до малѣйшей подробности, будетъ извѣстенъ китайскому правительству) и затѣмъ настойчиво требовалъ убѣдить, что обстоятельства совершенно измѣнились за послѣднее время,что въ Пекинѣ ни на кого такъ не надѣятся, какъ на русскаго посланника. а потому ему приличнѣе, чѣмъ кому либо, взять на себя инициативу посредничества между воюющими.

Оставаясь въ это время еще въ городѣ, баронъ Гро не могъ не узнать о происшедшемъ между русскимъ посланникомъ и китайскимъ сановникомъ сви-

данін и потому, чтобы избѣжать толковъ, которые оно легко могло возбудить, Игнатьевъ послалъ немедленно послѣ отъѣзда Хэнъ-Фу, Баллюзека къ французскому послу, чтобы сообщить ему о томъ, что Чжилійскій генералъ-губернаторъ былъ у него съ визитомъ и просилъ уговорить союзниковъ пріостановить выступленіе изъ Тянь-Цзина на 3 дня, и что посланникъ, пользуясь этимъ случаемъ, сдѣлалъ китайскому сановнику нѣкоторыя полезныя для союзниковъ внушенія и что теперь, онъ передастъ просьбу Хэнъ-Фу не ввидѣ предложенія, принятіе котораго онъ самъ не считаетъ возможнымъ, но за тѣмъ, чтобы фактъ возбужденія этого вопроса не остался бы скрытымъ отъ барона Гро. Посолъ остался очень доволенъ этимъ дѣйствіемъ Игнатьева и просилъ Баллюзека передать ему, что какъ только китайскіе сановники, назначенные для переговоровъ, получатъ должныя полномочія, онъ тотчасъ же остановитъ свои войска и, въ случаѣ, если это произойдетъ близко отъ Тянь-Цзина, то онъ поспѣшитъ вернуться обратно, но что въ данный моментъ онъ никакъ не можетъ не выступить, чтобы не отстать отъ англичанъ. Изъ разговора Баллюзека съ барономъ Гро можно было легко убѣдиться, что французскій посолъ съ большимъ нетерпѣніемъ ждалъ прекращенія войны, чтобы приступить поскорѣе къ настоящимъ мирнымъ переговорамъ.

Получивъ отъ Баллюзека отвѣтъ барона Гро, посланникъ немедленно отправилъ Татаринова къ Хэнъ-Фу съ заявленіемъ, что благодаря ходатайству русскаго посланника, французскій отрядъ будетъ двигаться впередъ какъ можно медленнѣе и, какъ только получитъ извѣщеніе о присылкѣ изъ Пекина новыхъ пол

номочій, онъ тотчасъ же пріостановитъ наступательное движеніе; что же касается самого посланника, то онъ намѣренъ, сообщилъ Татариновъ, слѣдовать за союзниками, чтобы ограждать жителей отъ грабежа, для облегченія же путешествія онъ просилъ Хэнъ-Фу доставить ему необходимое число повозокъ и посыльщиковъ. Хэнъ-Фу обѣщалъ исполнить эту просьбу, но не сдержалъ своего слова и скрылся, выѣхавъ тайно 29 августа въ свою обычную резеденцію Баодинъ-фу. Гуй-Ліянъ сдѣлалъ то-же самое и выѣхалъ въ Тунъ-чжоу, выбравъ однако другую дорогу, чѣмъ союзники. Передъ своимъ отъѣздомъ онъ получилъ указъ Богдыхана, въ которомъ выражалось неудовольствіе по поводу того, что два дурака (Гуй-Ліянъ и Хэнъ-Фу) живутъ уже полмѣсяца въ Тянь-Цзинѣ и до сихъ поръ не могутъ устроить какъ слѣдуетъ дѣла съ европейцами, Гуй-Ліянъ отвѣтилъ на это, что онъ вполнѣ сознаетъ свою неспособность, проситъ себѣ наказаніе, если его считаютъ виновнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ позволяетъ себѣ замѣтить что не онъ одинъ виноватъ, если тѣже европейцы, съ которыми онъ такъ успѣшно устроилъ дѣла въ 58 г. не вѣрятъ теперь его словамъ.

ЧАСТЬ III.

I.

26-го августа, точно также, и 30-го числа въ дни коронаціи и тезоименитства Государя Императора, всѣ иностранныя суда, стоявшія въ рѣкѣ и на рейдѣ, слѣдуя движенію „Свѣтланы“ и „Разбойника“, разцвѣтились флагами, поднявъ русскій на гротъ мачтѣ и въ полдень всѣ эскадры, стоявшія въ Таку, отсалютовали въ честь Россіи 21-мъ выстрѣломъ.

Въ день тезоименитства Его Императорскаго Величества Адмиралъ Шарнеръ прибылъ къ Игнатьеву, вмѣстѣ съ нѣсколькими морскими офицерами, для принесенія поздравленія; передъ домомъ посольства была выстроена команда клипера „Разбойникъ“ и казаки, на которыхъ глазѣли цѣлыя толпы китайцевъ. Посланникъ торжественно вышелъ, въ сопровожденіи свиты и прибывшихъ иностранцевъ, къ стоящимъ во фронтѣ людямъ, чтобы поздороваться и поздравить ихъ съ праздникомъ.

Тотъ фактъ, что русскій флагъ былъ поднятъ у всѣхъ иностранцевъ на гротъ-мачтѣ *) произвелъ на туземцевъ глубокое впечатлѣніе.

Въ теченіи цѣлаго дня китайцы сходились на берегъ рѣки, чтобы полюбоваться на разукрашенныя

*) Флагъ той націи, въ честь которой судно разцвѣчивается, (украшается) флагами поднимается на гротъ-брамъ-стеньгѣ, свои же, на остальныхъ.

суда и къ вечеру по всему городу уже говорили, что русское государство, несомнѣнно, сильнѣе и могущественнѣе прочихъ, т. к. въ дни русскихъ праздниковъ другіе народы обязаны чествовать Великаго Русскаго Государя, и подымать свои флаги одновременно съ русскимъ, и, непремѣнно, ниже его.

Общее заключеніе было то, что китайскіе сановники чрезвычайно глупы, разъ они до сихъ поръ еще не замѣтили этой разницы между иностранцами и не оцѣнили русскаго посланника за то время, пока онъ проживалъ въ Пекинѣ.

Послѣ выѣзда Хэнъ-фу изъ Тянь-Цзина, всѣ чиновники разбѣжались вслѣдъ за нимъ и управленіе города перешло къ областному начальнику Хай-джанъ-ву и нѣкоторымъ богатымъ купцамъ.

Благодаря присутствію адмирала Шарнера, оставшагося въ городѣ старшимъ изъ союзныхъ начальниковъ, порядокъ былъ соблюденъ хотя съ внѣшней стороны, но за то внѣ городской стѣны, гдѣ расположилась лагеремъ 2-я дивизія англичанъ, Сэръ-Робертъ Напиръ, командовавшій ею, ничего не могъ сдѣлать съ китайцами относившимися къ союзникамъ весьма недружелюбно.

Обойтись безъ крутыхъ мѣръ было, почти, невозможно и когда китайскія власти отказались выполнить приказаніе англичанъ и не доставили нужныхъ имъ повозокъ и лошадей, Напиръ тотчасъ же арестовалъ областнаго начальника объявивъ, что онъ будетъ содержаться подъ стражей до тѣхъ поръ, пока всѣ потребованныя подводы не будутъ доставлены въ распоряженіе англійскаго штаба.

Нѣсколько дней спустя, послѣ отъѣзда Эльгина,

Нэпиръ прислалъ къ Игнатьеву, просить разрѣшенія пріѣхать, чтобы посовѣтываться о текущихъ дѣлахъ. Изъ словъ адъютанта было нетрудно понять, что Нэпиръ слѣдовалъ въ данномъ случаѣ совѣту Эльгина, видимо, порекомендовавшему ему обращаться къ Игнатьеву въ трудныхъ случаяхъ: поступокъ этотъ, несвойственный не только англійскому генералу, но и вообще англичанамъ, наглядно показывалъ насколько улучшились ихъ отношенія къ русскимъ.

Не успѣлъ еще адъютантъ начальника дивизіи отъѣхать отъ дома посланника, какъ пріѣхалъ Хайджанъ-ву и началъ униженно просить Игнатьева заступиться за Чжи-фу (областного начальника) и ходатайствовать передъ англичанами объ освобожденіи его изъ подъ ареста, но посланникъ наотрѣзъ отказался выполнить эту просьбу, сославшись на то, что онъ самъ очень недоволенъ поведеніемъ Чжи-фу за то, что обѣщанныя имъ повозки до сихъ не присланы въ русское посольство.

Нэпиръ посѣтилъ Игнатьева на слѣдующій день. Съ первыхъ же словъ онъ началъ жаловаться на китайцевъ, которые перестали, по его словамъ, являться на рынокъ, и доставлять англичанамъ провизію.

Видимо, опасаясь народнаго волненія, начальникъ дивизіи сознавался, что онъ совершенно не знаетъ, какъ справиться съ начавшимися уже безпорядками, на что Игнатьевъ поспѣшилъ отвѣтить, что китайцевъ бояться нечего, если дѣйствовать съ должной твердостью и строго взыскивать съ нихъ за всякую провинность.

Возвращая на слѣдующій же день свой визитъ Нэпиру, въ его лагерѣ, Игнатьевъ имѣлъ случай лю-

боваться красивымъ видомъ сипаевъ и сиковъ, по поводу которыхъ начальникъ дивизіи разсказалъ между прочимъ, что англійское правительство намѣревается уменьшить численность туземныхъ войскъ Индіи, стоющихъ очень дорого, замѣтивъ ихъ китайцами, которые способнѣе, будто-бы, сдѣлаться хорошими солдатами, чѣмъ сипаи. „Китайцы обойдутся намъ значительно дешевле", говорилъ Нэпиръ, „а главное они многимъ надежнѣе, чѣмъ мѣстные жители Индіи: сдѣланный въ послѣднюю экспедицію опытъ сформированія военно-рабочей бригады изъ кули былъ удаченъ и, я полагаю," добавилъ онъ, „что наше правительство осталось довольно благопріятными результатами, которыхъ мы достигли".

1-го сентября посланникъ получилъ отъ Верховнаго Совѣта письменный отвѣтъ, на свое сообщеніе отъ 27 августа. Совѣтъ просилъ, хотя и въ благосклонныхъ выраженіяхъ, не слишкомъ торопиться своимъ пріѣздомъ въ Пекинъ, и сообщалъ, что его будутъ ожидать тамъ лишь послѣ заключенія договора съ союзниками. Въ бумагѣ китайцевъ ясно проглядывало желаніе помѣшать русскому посольству воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Маньчжурскаго правительства, хотя, можетъ быть, сановники просто желали оградить русскаго посланника отъ опасности сопряженной съ преждевременнымъ въѣздомъ его въ столицу.

Бумага, эта конечно, не могла заставить посланника измѣнить его прежнее намѣреніе двигаться къ Пекину, тѣмъ болѣе, что онъ началъ замѣчать въ англичанахъ скрытое желаніе задержать его въ Тянь-Цзинѣ.

Въ путь двинулись 6-го утромъ. Несмотря на

большую скудность наличныхъ перевозочныхъ средствъ, посольству удалось обставить путешествіе вполнѣ приличнымъ образомъ (въ китайскомъ смыслѣ): впереди ѣхалъ казачій офицеръ, переводчикъ съ двумя казаками, за ними 6 обыкновенныхъ носильщиковъ несли посланника въ парадномъ паланкинѣ, по бокамъ котораго шли два старшихъ носильщика; тутъ-же ѣхали верхами секретарь, драгоманъ, капитанъ Балюзекъ и офицеръ корпуса топографовъ, за паланкиномъ посланника, 4 носильщика несли въ дорожныхъ носилкахъ капитана I ранга Лихачева, за которымъ ѣхали верхами 6 казаковъ съ урядникомъ, шествіе замыкали 12 китайскихъ повозокъ съ прислугой, 2 й смѣной носильщиковъ и посольскими вещами.

Шествіе это было вполнѣ приноровлено къ духу и повятіямъ народа, чего отнюдь нельзя было сказать про обстановку, въ которой путешествовали лордъ Эльгинъ и баронъ Гро: такъ, напримѣръ, англійскій посолъ ѣхалъ, всю дорогу до Пекина верхомъ, что подобаетъ, по мнѣнію китайцевъ, только самымъ простымъ военачальникамъ: баронъ Гро же довольствовался весьма скромными носилками и всего 4-я носильщиками.

Въ первый же день посольство сдѣлало весьма быстрый переходъ въ 42 версты и остановилось на ночлегъ въ Цай-Цунѣ.

Выступивъ на слѣдующій день рано утромъ, прошли еще 16 верстъ, отдѣлявшихъ городъ Цай-Цунъ отъ Хэ-си-ву, гдѣ было предположено остановиться на неопредѣленное время. Хэ-си-ву былъ уже наполовину разрушенъ, наполовину занятъ англичанами. Не желая располагаться въ чертѣ города, заняли не

большую, правда, и почти совсѣмъ разграбленную кумирню, расположенную за то совершенно отдѣльно, внѣ городской стѣны, близъ самой рѣки, что давало возможность пользоваться удобнымъ сообщеніемъ съ нашими моряками и имѣть подъ рукой лошадей и вещи, оставшіяся сложенными въ лодкахъ. Капитанъ Баллюзекъ былъ тотчасъ посланъ отыскивать лорда Эльгина. Прибывъ въ англійское посольство, онъ узналъ, что посолъ въ отсутствіи, но встрѣтившійся ему секретарь увѣрилъ его, что вечеромъ того же дня онъ обязательно вернется въ городъ. Игнатьевъ рѣшилъ дожидаться его возвращенія но, когда на слѣдующее утро Эльгинъ все еще не вернулся, онъ вторично отправилъ того же Баллюзека этотъ разъ въ Цжанъ-дзя-ванъ, чтобы отыскать союзныя войска и разузнать въ какомъ положеніи находятся дѣла. Въ Цжанъ-дзяванѣ Баллюзеку удалось собрать не мало интересныхъ свѣдѣній

II.

Прибывъ 30 августа въ Янь-Цунь, съ намѣреніемъ расположиться на ночлегъ, Эльгинъ получилъ оффиціальное увѣдомленіе о назначеніи новыхъ уполномоченныхъ И-Цинь-Вана и Му-Нія, которымъ богдыханъ приказалъ окончить переговоры, во что бы то ни стало, въ Тянь-Цзинѣ.

Ссылаясь на то, что китайское правительство выразило уже согласіе принять почти всѣ новыя предложенія союзниковъ, уполномоченные обѣщались заключить трактатъ при первомъ же свиданіи съ послами и просили, во избѣжаніи потери времени, не двигаться на Тун-чжоу, что могло по ихъ словамъ все лить въ народѣ и войскахъ новыя сомнѣнія и без-

покойство. Послы отвѣтили на это, что мирный договоръ можетъ быть подписанъ только въ Тун-чжоу и, не останавливаясь, продолжали движеніе.

На слѣдующій день лордъ Эльгинъ получилъ отъ китайцевъ вторую бумагу, въ которой И-Цинь-ванъ и Му-Инь въ весьма дерзкой формѣ выражали свое удивленіе по поводу того, что союзники продолжаютъ двигаться, несмотря на сдѣланное имъ предложеніе остановиться и почти повелительно требовали ихъ возвращенія въ Тянь-Цзинъ; вмѣстѣ съ этимъ уполномоченные сообщали, что сами они не тронутся изъ Матоу (въ 25 верстахъ отъ Тун-чжоу) до тѣхъ поръ, пока они не получатъ извѣщеніе пословъ о возвращеніи войскъ въ Тянь-Цзинъ, раньше чего они не могутъ выѣхать для дальнѣйшихъ переговоровъ. Бумага заканчивалась предостереженіемъ, что китайскіе войска расположены въ большомъ количествѣ въ окрестностяхъ Хэ-си-ву въ 18 верстахъ передъ Ма-тоу и 48 отъ Янъ-Цуня. Угроза уполномоченныхъ осталась конечно безъ отвѣта и, когда китайцы убѣдились въ безуспѣшности своихъ требованій, они, по обыкновенію, струсили, сразу пошли на уступку и весьма почтительно предложили союзникамъ остановить свои войска хотя въ Янъ-Цунѣ. Предложеніе это посѣяло разногласіе между союзниками. Эльгинъ настаивалъ на томъ, чтобы не начинать переговоровъ до занятія Тунь-чжоу, баронъ Гро же былъ склоненъ возобновить ихъ немедленно. Вопросъ порѣшили главнокомандующіе, высказавшіе мнѣніе, что попытка взять хорошо укрѣпленный городъ Тунь-чжоу можетъ быть безуспѣшной. Такимъ образомъ переговоры поневолѣ завязались вновь.

Уэду и Паркеу было поручено вручить уполномоченнымъ письменный отвѣтъ на всѣ ихъ предложенія и передать на словахъ новыя требованія союзниковъ. Свиданіе состоялось въ Тунь-чжоу, гдѣ послѣ весьма бурнаго 8-ми часоваго совѣщанія съ китайцами было рѣшено, что союзныя войска остановятся въ 5 ли (около 2½ версть) отъ Цзянь-цзя-Вана, что послы прибудутъ съ конвоемъ не болѣе какъ 1000 человѣкъ въ самый городъ, гдѣ будутъ подписаны дополнительныя конвенціи, послѣ чего войска тотчасъ же возвратятся въ Тянь-Цзинь, послы же отправятся далѣе въ Пекинъ для размѣна ратификацій договоровъ 58 г. Посовѣтовавшись съ главнокомандующими, послы рѣшили выступить изъ Хэ-си-ву 5-го сентября съ разсчетомъ дойти до условленнаго пункта въ 2 небольшихъ перехода.

Рано утромъ означеннаго дня Паркесъ былъ отправленъ вторично къ И-Цынь-Ваню и Му-Шио. Вмѣстѣ съ нимъ поѣхали секретари Локъ, Уэддь attaché де-Норманъ и начальникъ конвоя Эльгина (200 конныхъ сикховъ) поручикъ Андерсонъ, которому было поручено отыскать помѣщеніе для посольства и нанять перевозочныя средства; съ той же цѣлью баронъ Гро послалъ старшаго секретаря графа Бастара и переводчика барона Меритенсъ. Главнокомандующіе также воспользовались удобнымъ случаемъ и откомандировали нѣсколько офицеровъ штаба и интендантства для осмотра мѣстности и заготовленія продовольствія для войскъ; въ числѣ прочихъ поѣхали полковникъ Уалкеръ, графъ Эскеракъ-де-Іотюръ, Дюлюкъ и корреспондентъ Times'a Бульби. Всѣхъ этихъ лицъ сопровождалъ довольно значительный англо-француз-

скій конвой. Въ бумагахъ, которыя секретари везли китайскимъ уполномоченнымъ, сообщалось, что послы согласны на всѣ условія, о которыхъ переговорили уже на словахъ Уэдъ и Паркесъ и что войска выступятъ къ Джанъ-дзя-ваню 5-го сентября. Вмѣстѣ съ этимъ секретари должны были напомнить китайцамъ, что послы имѣютъ порученіе отъ своихъ правительствъ лично передать въ руки богдыхана собственноручныя письма императора французовъ и королевы англійской.

Прибывъ въ Тунъ-чжоу, Паркесъ, тотчасъ же, свидѣлся съ китайскими уполномоченными, которые сразу завязали съ нимъ горячій споръ по поводу слѣдующихъ трехъ вопросовъ:

1) О численности конвоя, который послы намѣревались взять съ собой въ Пекинъ, 2) о срокѣ удаленія въ Тянь-Цзинъ главныхъ силъ союзниковъ и 3) объ аудіенціи пословъ у богдыхана. Согласившись, постепенно, съ доводами Паркса по первымъ двумъ вопросамъ, китайцы слышать ничего не желали про необходимость личнаго свиданія съ богдыханомъ и предлагали передать грамоты пословъ или черезъ высшихъ сановниковъ, или же черезъ кого нибудь изъ принцевъ крови, при этомъ китайцы требовали, чтобы вопросъ этотъ былъ рѣшенъ немедленно и, во всякомъ случаѣ, еще до прибытія пословъ въ Тунъ-чжоу. Паркесъ конечно не могъ взять этого на себя и потому, сославшись на неимѣніе нужныхъ инструкцій, предложилъ отложить пока этотъ вопросъ. Послѣ англичанъ французскій секретарь совѣщался съ китайскими уполномоченными почти о тѣхъ же самыхъ предметахъ.

На слѣдующій день 6-го сентября Паркесъ, считавшій свою миссію оконченной, выѣхалъ въ 5 часовъ

утра вмѣстѣ съ полковникомъ Уалкеромъ, Локомъ и переводчикомъ Моррисономъ къ Джанъ-Дзя-ваю, навстрѣчу къ союзнымъ войскамъ съ тѣмъ, чтобы указать назначенное для лагеря мѣсто. Путешественники проѣхали Джанъ-Дзя-ванъ и были уже близко отъ своихъ войскъ, какъ вдругъ передъ ихъ глазами открылась многочисленная Маньчжурская армія, выстраивавшаяся впереди и немного лѣвѣе города, обнаруживая, явно, враждебныя намѣренія противъ приближающихся союзныхъ войскъ. Тогда Паркесъ, съ полнымъ самоотверженіемъ, рѣшилъ вернуться обратно въ Тунъ-чжоу съ тѣмъ, чтобы разъяснить происходящее, возложить на отвѣтственность китайскихъ уполномоченныхъ могущее произойти столкновеніе и постараться уговорить ихъ отвести свои войска назадъ. Лока, Паркесъ попросилъ проскакать, сквозь китайскія войска, въ англійскую армію, чтобы предупредить генерала Хопъ Гранъ о положеніи дѣлъ и просить его отложить наступленіе, хотя бы часа на два, разсчитывая вернуться за это время съ какими нибудь положительными свѣдѣніями. Локу удалось отыскать англійскаго главнокомандующаго довольно быстро. Наскоро разсказавъ ему въ чемъ дѣло, и тутъ же, получивъ приказаніе вернуться какъ можно скорѣе въ Тунъ-чжоу за оставшимися тамъ англичанами и французами, Локъ поскакалъ обратно вмѣстѣ съ присоединившимся къ нему артиллерійскимъ капитаномъ Брабазономъ и двумя сикками, одинъ изъ которыхъ былъ снабженъ парламентерскимъ флагомъ.

Переговоры Паркса съ уполномоченнымъ кончились между тѣмъ неудачей: китайцы отвѣтили ему, что миръ еще не заключенъ и до тѣхъ поръ, пока

поднятый англичанами вопросъ о представленіи пословъ Богдыхану не будетъ рѣшенъ окончательно, до тѣхъ поръ китайскія войска не могутъ быть отозваны съ своей позиціи. Тогда Паркесъ поспѣшилъ за оставшимися въ городѣ англичанами, встрѣтился на пути съ Локомъ и всѣ они, въ числѣ 24 человѣкъ (вмѣстѣ съ сиками) выѣхали изъ Тунъ чжоу. Благополучно проѣхавъ Цжань-цзя-ванъ, всадники были уже въ разстояніи какой нибудь версты отъ безопаснаго мѣста, какъ вдругъ раздались выстрѣлы и монгольская конница бросилась имъ на перестѣчку. Моментъ былъ рѣшительный. Догадайся англичане пустить лошадей въ карьеръ—имъ, вѣроятно, удалось-бы прорубиться черезъ непріятельскіе ряды и отдѣлаться такимъ образомъ легкими потерями, но англичане имѣли неосторожность попадѣться на значеніе своего парламентерскаго флага и, совершенно забывъ, что они имѣютъ дѣло не съ цивилизованнымъ народомъ, а китайцами, остановились и дали себя окружить. Китайцы очень вѣжливо предложили сначала плѣнимъ отправиться къ главнокомандующему Сэнь-Ваню, но на пути незамѣтно раздѣлили ихъ на двѣ группы, а затѣмъ обезоружили и арестовали.

Французовъ постигла та-же участь какъ и англичанъ. Оставивъ городъ одновременно съ ними, они также попались въ руки китайцевъ и были арестованы: одному только графу Бастару и барону Мерингеру удалось избѣгнуть общей участи. Выѣхавъ изъ Туньчжоу на разсвѣтѣ, они успѣли благополучно проѣхать китайскія полчища за $\frac{1}{2}$ часа до первыхъ выстрѣловъ, но опасность, которой они подвергались настолько сильно повліяла на графа Бастара, что съ

нимъ сдѣлалось первое потрясеніе, кончившееся затѣмъ полнымъ сумасшествіемъ и притомъ настолько буйнаго характера, что его пришлось отправить въ Европу связаннымъ.

Въ происшедшемъ за тѣмъ столкновеніи съ китайцами союзники были виноваты сами. И-Цынь-Ванъ и Мушнъ неоднократно предупреждали послов и устно и письменно, что, несмотря на свои крупныя полномочія, они не имѣютъ ни малѣйшей власти надъ военачальниками, просили избѣгать столкновеній съ ними, говоря что малѣйшее недоразумѣніе можетъ вызвать самыя дурныя послѣдствія, но союзники необращали на эти предостереженія никакого вниманія.

Увѣренные вполнѣ въ искренности желанія китайцевъ начать мирные переговоры, главнокомандующіе, ничего не подозрѣвая, приблизились утромъ $^{6}/_{18}$ сентября къ означенному, по взаимному условію, бивуачному мѣсту, какъ вдругъ англичане, бывшіе въ авангардѣ, увидѣли передъ собою огромныя массы монголъ, орудія и выстроенную для боя китайскую пѣхоту. Авангардъ тотчасъ остановился, къ китайцамъ выслалъ парламентеръ, чтобы узнать о причинѣ этихъ воинственныхъ приготовленій; войска же стали сосредотачиваться въ 2 боевыя колонны и собирать шедшій за ними обозъ.

Къ выѣхавшему парламентеру вынесли на носилкахъ прежняго уполномоченнаго Хэнъ-Ци, который приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы увѣрить его, что передвиженія войскъ, которыя союзники видятъ передъ собой произошли по недоразумѣнію, что все сейчасъ разъяснится и затѣмъ весьма предусмотрительно скрылся за своими войсками. Впослѣдствіе англичане

очень сожалѣли, что они не догадались арестовать Хэнъ-Ци, что было бы весьма полезно для дальнѣйшихъ переговоровъ, но тогда еще ничего не знали объ арестѣ Паркса. Послѣ этого краткаго, ничего невыяснившаго, объясненія противники остались стоять неподвижно одинъ противъ другого, не зная, что предпринять, и ожидая дальнѣйшихъ событій. Прошло цѣлыхъ 4 часа, какъ вдругъ бой сразу загорѣлся, совершенно для всѣхъ неожиданно, и по самой незначительной причинѣ.

Около 10 часовъ утра французскій коммисаріатскій офицеръ, возвращавшійся изъ Туиджоу, подвергся нападенію монгольскихъ всадниковъ. (Англичане разсказывали, впослѣдствіи, что офицеръ этотъ и бывшій при немъ французскій солдатъ, стали отнимать у встрѣтившагося имъ монгола вьючнаго лошака). Случившійся по близости полковникъ Уалкеръ подоспѣлъ на выручку французскому чиновнику, но ничего не могъ сдѣлать. Монголы силою отняли у него саблю, разрубили ею голову французу, но самому Уалкеру удалось отъ нихъ вырваться и ускакать. Китайская артиллерія открыла по немъ въ догонку огонь, удостоивъ 4-мя пушечными выстрѣлами.

Услыхавъ пальбу, Монтобанъ, находившійся со своими войсками вправо отъ дороги изъ Ма-тоу, послалъ спросить у Фонъ Гранта, бывшаго лѣвѣе ея, не онъ ли открываетъ огонь; самъ же началъ немедленно строить полки къ бою и затѣмъ, когда все было готово, онъ не сталъ дожидаться отвѣта, далъ сигналъ къ аттакѣ, скомандовалъ „впередъ“ и, когда прибывшій Уалкеръ объявилъ причину сдѣланныхъ выстрѣловъ, было уже поздно, французы обошли лѣвый флангъ

китайской позиціи, стали перпендикулярно къ ней, правымъ флангомъ къ каналу и тыломъ къ рѣкѣ, и съ обычной стремительностью атгаковали ближайшія войска, приведенныя въ недоумѣніе быстротою наступленія и неожиданностью обходного маневра. Когда англичане увидѣли движеніе французовъ, они послѣдовали ихъ примѣру, стали выстраиваться и повели аттаку на монголовъ съ фронта. Первый натискъ союзниковъ былъ встрѣченъ 25—30 тысячами всадниковъ монгольской конницы, которая тотчасъ же отступила на правый флангъ позиціи, открывъ 78 орудій, тщательно, передъ тѣмъ, замаскированныхъ. Подражая европейской полевой артиллеріи, Сэнъ-Ванъ положилъ всѣ свои мелкія орудія (часть которыхъ были деревянныя, скрѣпленныя желѣзными обручами) на двухколесныя китайскія повозки, запряженныя лошадьми и мулами. Позиція Сэнъ-Вана была выбрана довольно удачно, она прикрывала всѣ пути къ Пекину и, имѣя протяженіе отъ 2-хъ до 3-хъ верстъ, упиралась лѣвымъ флангомъ въ рѣку Бэй-Хэ, а правымъ въ городъ Джанъ-дзя-ванъ, но главное ея преимущество заключалось въ томъ, что сзади находился каналъ, значительно затруднявшій, весьма вѣроятное бѣгство собственныхъ войскъ. Передъ фронтомъ китайцевъ возвышалась насыпная дорога, непосредственно за которой скрывалась артиллерія. Планъ Сэнъ-Вана заключался, видимо, въ томъ, чтобы задержать сначала союзниковъ огнемъ этой артиллеріи и пѣхоты, расположенной на своемъ лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ, а затѣмъ перейти въ наступленіе правымъ флангомъ, состоявшимъ изъ монгольской конницы и прижать ею противника къ рѣкѣ. Всѣ эти разсчеты, китайскаго

полководца были разрушены быстротою аттаки и неожиданностью движенія французовъ.

Наступая вдоль позиціи съ лѣваго фланга и анфилируя всю ихъ артиллерію, французы опрокинули армію противника, овладѣли всѣми орудіями и взяли одно укрѣпленіе за другимъ. Чтобы казаться многочисленнѣе, французы развели роты на большіе интервалы и вывели всѣ свои войска на первую линію, не имѣя за собой ни второй линіи, ни резерва. Къ счастью джугара (сахаристое просо) скрыла отъ китайцевъ большіе интервалы, отдѣлявшіе небольшія кучки французской пѣхоты, и китайцы думали, что они имѣютъ дѣло съ большими силами. Множество китайцевъ погибло во время аттаки и, въ особенности, при бѣгствѣ черезъ каналъ. Англійскія войска, подоспѣвшія гораздо позже французовъ, довершили пораженіе, окончившееся общимъ бѣгствомъ китайскихъ полчищъ. Потеря союзниковъ была самая незначительная: 1 человѣкъ былъ убитъ и 18 ранено, хотя, при продолжительности сраженія, (каждое орудіе французской артиллеріи успѣло выпустить, въ среднемъ, по 38 зарядовъ), потери могли бы быть гораздо значительнѣе. Побѣдители тутъ-же расположились на ночлегъ, французы остались на полѣ сраженія у канала, англичане же частью въ окрестностяхъ, частью въ городѣ Цзанъ-Дзя-Ванъ, куда перебралась и главная квартира.

Лордъ Эльгинъ прибылъ на слѣдующій день и тотчасъ же собралъ совѣтъ для обсужденія дальнѣйшихъ дѣйствій. Послѣ краткаго совѣщанія было постановлено отправить прежде всего Уэда съ отрядомъ англійской кавалеріи въ Тунь-Чжоу, и постараться узнать что нибудь объ участи пропавшихъ безъ вѣсти

англичанъ и французовъ. Парламентерскій флагъ, которымъ снабдили отрядъ, принесъ также мало пользы какъ и первый разъ: китайцы не обратили на него никакого вниманія и, когда Уэдъ подъѣхалъ къ китайскому лагерю, расположенному выше Тунь-чжоу, по немъ открыли огонь. Съ трудомъ добившись свиданія съ градоначальникомъ, который выѣхалъ, въ концѣ концовъ, къ городскимъ воротамъ, Уэдъ передалъ ему требованіе главнокомандующихъ немедленно выдать вѣроломно захваченныхъ плѣнныхъ и при этомъ обѣщалъ, что если жители не будутъ сопротивляться, то городъ будетъ пощаженъ. Обѣщаніе это не помогло однако дѣлу: градоначальникъ отвѣтилъ, что плѣнныхъ въ городѣ нѣтъ и пояснилъ, что всѣ бывшіе въ немъ, наканунѣ, англичане и французы выѣхали по направленію къ мѣсту сраженія еще до начала битвы, послѣ которой никто изъ нихъ не вернулся. На слѣдующій день англичане повторили рекогносцировку, которая выяснила этотъ разъ, что всѣ взятые въ плѣнъ европейцы увезены въ Пекинъ. Извѣстіе это до крайности огорчило Эльгина: въ пропавшихъ соотечественникахъ онъ лишался самыхъ нужныхъ для него, въ этотъ моментъ, лицъ: въ Локкѣ онъ терялъ преданнаго секретаря, завѣдывавшаго его личными дѣлами и хозяйствомъ. Паркесъ же, будучи самымъ дѣятельнымъ, энергичнымъ помощникомъ, былъ совершенно незамѣнимымъ въ сношеніяхъ съ китайцами, которые боялись его какъ огня. Кромѣ того Эльгинъ опасался сквернаго впечатлѣнія, которое должно было произвести извѣстіе объ этомъ въ Англіи.

Сильное пораженіе, нанесенное китайцамъ 6-го числа, совсѣмъ не произвело на китайское правительство

того впечатлѣнія, которое можно было ожидать. Обычная его заносчивость обнаружилась, какъ нельзя болѣе наглядно, въ весьма характерномъ указѣ богдыхана отъ VIII луны 5-го числа (6-го сентября 1860 г.), который гласилъ слѣдующее: „Заботясь всегда, съ равнымъ человѣколюбіемъ, о всѣхъ приморскихъ мѣстахъ моего государства,—писалъ императоръ,—я никогда не запрещалъ никому изъ иностранныхъ государствъ торговать съ нами. Англичане и французы много лѣтъ были въ хорошихъ отношеніяхъ съ китайскимъ государствомъ и давно уже у насъ не было съ ними никакихъ недоразумѣній. Правленія Сянь-фынъ 7-го года, зимой, въ Кантонѣ произошло, сверхъ всякаго чаянія, военное дѣло; иностранцы вошли въ мой городъ безъ всякаго предваренія и захватили моихъ чиновниковъ. Я долго полагалъ, что это случилось по самоуправству и крутымъ мѣрамъ тамошняго генералъ-губернатора Ё-минъ-шень и не счелъ нужнымъ тотчасъ же послать войска и произвести изслѣдованіе. Но въ 8 году предводитель иностранцевъ Эльгинъ съ товарищами вдругъ явился у береговъ при Тянь-Цзинѣ, послѣ чего мы повелѣли генералъ губернатору Тань-Синъ-Сянь отправиться туда, разузнать въ чемъ дѣло и привести все въ порядокъ. Прибывшіе иностранцы, воспользовались нашей неготовностью къ бою, разрушили наши укрѣпленія и подошли прямо къ Тянь-Цзину. Щадя жизнь моимъ подданнымъ, я не рѣшился вступать съ ними въ сраженіе серьезно и потому повелѣлъ министру Гуй-Ляну съ товарищами, тотчасъ же, начать съ ними переговоры лично, дабы такимъ образомъ прекратить военныя дѣйствія. Когда, послѣ этого, мы прочли со вниманіемъ всѣ выговоренныя ими статьи мы усмот-

рѣли что, въ числѣ ихъ, есть много для насъ крайне невыгодныхъ, а потому мы вновь повелѣли Гуй-Ляну съ товарищами отправиться въ Шанхай, для пересмотра какъ статей этихъ такъ и тарифа, но предводитель иностранцевъ Брюсъ не принялъ никакихъ объясненій и съ гордостью отвергъ ихъ; мало того, англичане и послѣ того не остановились: въ 9 году они подошли на военныхъ корабляхъ къ Таку, разрушили наши укрѣпленія и отпустили только послѣ того, какъ главнокомандующій надъ войсками вельможа Сэнь-чилинь-цинь жестоко поразилъ ихъ. Всему свѣту извѣстно, что на это пораженіе иностранцы напросились сами и оно не доказываетъ вѣроломства китайскаго государства. Нынѣ предводители иностранныхъ войскъ Элгинъ и Гро съ товарищами, снова пришли къ взморью. Мы не обратили на это особеннаго вниманія, сдѣлали видъ, что забыли про прошлогоднюю размолвку и позволили имъ сойти, при Бейтанѣ, на берегъ, чтобы продолжать путь къ Пекину для размѣна ратификацій. Но иностранцы эти, скрывали въ себѣ дурныя намѣренія. Непримѣтнымъ образомъ свезли они на берегъ пушки, пѣхоту и конницу, напали на наши укрѣпленія въ Таку, съ задней ихъ стороны, и послѣ того какъ наши войска отозваны были назадъ, снова пришли въ Тянь-Цзинъ. Принявъ во вниманіе, что Гуй-Лянъ въ прошломъ году велъ съ ними переговоры, мы и теперь повелѣли ему отправиться туда, для объясненій въ твердой увѣренности, что оные иностранцы хоть сколько нибудь будутъ имѣть здраваго смысла. Гуй-Лянъ долженъ былъ сказать имъ, что если они будутъ просить то, что можно устроить, все будетъ сдѣлано съ сохраненіемъ ихъ чести. Кто

же могъ подумать что Ольгинъ настоятельно потребуетъ уплаты за военныя издержки и притомъ корыстно увеличивая ихъ размѣры? Онъ вывелъ войска на взморье, кинулся въ предѣлы столицы и произвелъ неописанныя жестокости. Тогда мы повелѣли И-цинь-вану, по имени Цзай-Юань, и президенту военной палаты Му-Нинь отправиться туда и постараться объяснить иностранцамъ дѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ предложенныя статьи, каждую порознь разсмотрѣвъ, утвердить по взаимному соглашенію. Несмотря на это, непокорные иностранцы съ войсками своими осмѣлились укрѣпиться въ Тунъ-чжоу, говоря, что они съ войскомъ идутъ видѣть меня. Могъ ли я терпѣть далѣе подобные поступки? какими бы глазами стало бы смотрѣть на меня тогда мое государство? а потому я, строжайше, повелѣлъ всѣмъ вельможамъ, предводителямъ войскъ, непремѣнно вступить съ ними въ сраженіе. Всѣ чиновники и народъ, обитающіе въ городахъ и селахъ близъ столицы, должны, или составить внѣстоличныя войска, или единодушно помогать сражающимся, или составить ополченія и препятствовать иностранцамъ въ движеніяхъ ихъ по пути. Всякій чиновникъ или простолюдинъ, убившій иностранца, получитъ за каждую черную голову 50 лянъ награды, за бѣлую 100. Тотъ кто возьметъ въ плѣнъ живого или убьетъ кого нибудь изъ знаменитыхъ вождей иностранцевъ, получитъ за это награду въ 500 лянъ. Тотъ, кто сожжетъ, или возьметъ въ плѣнъ судно непріятельское, получитъ въ награду 5000 лянъ серебра, вещи же, которыя найдутся въ томъ суднѣ, предоставляются ему въ собственность сверхъ награды. Тянь-Цзинскій народъ извѣстенъ, какъ народъ справедли-

вый и храбрый: каждый изъ тамошнихъ жителей долженъ вступать съ этими иностранцами въ непримиримую вражду, нападая на нихъ явно и тайно, захватывая въ плѣнъ кого можно, чтобы очистить такимъ образомъ страну отъ этой враждебной намъ мглы. Я не такой государь, который любитъ войну и воюетъ до послѣдняго солдата, но въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ, каковы теперешнія, всякій поступилъ бы на моемъ мѣстѣ такъ же, какъ я. Что касается жителей губерній Кантона и Фу-Цзянъ, захваченныхъ оными иностранцами, то всѣ тѣ жители мои любимыя дѣти: если кто изъ нихъ сможетъ освободиться и придти къ намъ или убить кого нибудь изъ чиновниковъ тѣхъ иностранцевъ и передать намъ объ этомъ, то всякій изъ нихъ непремѣнно получитъ за то хорошую награду. Эти иностранцы приходятъ сюда изъ-за десятковъ тысячъ верстъ, собственно для торговли, вѣрнѣе для продажи намъ своихъ товаровъ и разрывъ съ ними произошелъ вслѣдствіе происковъ и наговора негодныхъ людей. Теперь должно закрыть для нихъ всѣ торговые порта, чтобы прекратить мѣну товаровъ. Впрочемъ это распоряженіе не распространяется на другія, уважительно и скромно поступающія, государства, которыя могутъ спокойно продолжать свои торговыя занятія, безъ всякихъ опасеній. Пусть это, въ послѣдній разъ, будетъ объявлено оными иностранцамъ и если они одумаются и раскаются въ своихъ поступкахъ, то, по снисхожденію моему, я снова разрѣшу имъ торговлю во всѣхъ портахъ, какъ это было дозволено и въ прежнее время. Если же, вопреки здравому смыслу, они будутъ упорно держаться своего неправильнаго образа дѣйствій съ моими чиновниками,

народомъ и милиціей, то я буду убивать и гнать ихъ. Клянусь, непремѣнно, истребить этотъ гнусный родъ; пусть они не пеняютъ на меня.

Послѣ сраженія „быть по сему!“ главнокомандующіе рѣшили продолжать наступленіе. Получивъ извѣстіе, что большія скопища монгольской кавалеріи и войскъ, подъ командой Шэнъ-бао и Жуй-Линь, расположились въ 4 верстахъ отъ Джанъ-Дзя-Вана, передъ мостомъ пали-цяо, они рѣшили аттаковать ихъ. Намѣреніе это не удалось, однако, привести въ исполненіе въ назначенный день. Наканунѣ выступленія, китайцы, задумавъ поджечь въ Джанъ-Дзя-Ванъ домъ лорда Эльгина и англійской главной квартиры, зажгли одно изъ сосѣднихъ съ нимъ зданій. Разсерженный на это, англійскій главнокомандующій отдалъ городъ войскамъ на разграбленіе на 24 часа. Алчные англичане набросились на добычу и произвели ужасные безпорядки; разыскивая драгоцѣнности они выворотили, перекололи и переломали все, что можно было найти внутри домовъ, разогнали жителей и къ истеченію срока весь, такъ называемый, старый и новый городъ были разграблены до тла.

Сраженіе у моста Пали-цяо состоялось 9 сентября, оно началось тѣмъ, что густыя массы монгольской конницы стремительно бросились изъ за рощъ, за которыми они были скрыты, на французскую пѣхоту и артиллерію, выходившую изъ деревни верстахъ въ трехъ отъ канала. Пушечный и ружейный огонь, а главное боевыя ракеты, заставили повернуть обратно эту нестройную толпу всадниковъ которые понеслись на англичанъ и стали огибать ихъ, фланги съ явнымъ намѣреніемъ зaскакать въ тылъ; движеніе это произ-

вело настолько сильное замѣшательство, среди конnаго полка сиковъ, что королевскому драгунскому полку пришлось выручать своихъ товарищей. Послѣ первой неудачной попытки остановить наступленіе союзниковъ, китайцы возобновила аттаку у кладбища и затѣмъ далѣе у кумирни, впереди Пали-цяо, но оба раза они были прогнаны французами, несмотря на ихъ малочисленность. Послѣднее, и довольно сильное, сопротивленіе было оказано около самаго моста. По ту его сторону стояла батарея изъ 27 орудій, тутъ же были, присланные изъ Пекина, цы-жени, желтаго знамени, Маньчжурской—гвардіи и находился самъ военачальникъ Шэнь-бао, раненый въ этомъ сраженіи. Восемь французскихъ нарѣзныхъ орудій сбили китайскую артиллерію и пѣхота штыками очистила мостъ. Маньчжуры дрались мужественно и отступили не сразу, но когда французы перешли на ту сторону канала началось общее бѣгство. Часть войска обратилась къ Пекину, но большинство пустилось на сѣверъ въ родныя степи. Китайскимъ военочальникамъ стоило, впослѣдствіи, огромныхъ усилій собрать разсѣявшуюся армію для защиты Пекина и пути къ временному убѣжищу богдыхана Жэ-хэ. Вся неподвижная артиллерія, 48 орудій, послѣдняя надежда Сэнъ-Вана, досталась въ руки побѣдителей, захватившихъ весь китайскій лагерь, множество палатокъ, знамень, среди которыхъ нашелся штандартъ маньчжурской желтой гвардіи, и большіе запасы пороха, тотчасъ-же взорванные союзниками по окончаніи дѣла. Тяжелое пораженіе, которое китайская армія потерпѣла въ какихъ нибудь 18 верстахъ отъ столицы, навело ужасъ на маньчжурское правительство; оно убѣдилось, наконецъ, въ опасности,

грозившей ему при дальнѣйшемъ упорствѣ, и поняло невозможность скрывать далѣе отъ богдыхана и народа несчастное положеніе дѣлъ и приближеніе побѣдоносныхъ варваровъ. На другой-же день послѣ сраженія 10 сентября, послы получили увѣдомленіе князя I ст. Гуна, младшаго брата богдыхана, о назначеніи его уполномоченнымъ вмѣсто князя и президента Му, смѣненныхъ за неумѣніе устроить дѣла съ союзниками удовлетворительнымъ образомъ.

Князь Гунъ предложилъ тотчасъ-же заключить перемиріе и начать переговоры, но послы отвѣтили ему, что до тѣхъ поръ, пока не будутъ выданы захваченные въ плѣнъ, 6 сентября, европейцы о перемиріи рѣчи быть не можетъ. Вмѣстѣ съ этимъ отвѣтомъ Эльгинъ препроводилъ, черезъ князя Гуана, предписаніе всѣмъ англійскимъ подданнымъ, проживающимъ въ Пекинѣ, явиться немедленно въ главную квартиру англійской арміи. Черезъ 2 дня Гунъ-Цинъ-Ванъ прислалъ посламъ вторую бумагу, увѣряя что нѣтъ никакой надобности безпокоиться объ участи плѣнныхъ; онъ писалъ, что всѣ они находятся въ полной безопасности, что никому изъ нихъ не будетъ сдѣлано никакого зла, и что подымать вопросъ о ихъ возвращеніи невозможно до тѣхъ поръ, пока войска союзниковъ не очистятъ Тянь-Цзинъ и Таку отъ морскихъ и сухопутныхъ силъ. Въ той же бумагѣ новый уполномоченный старался доказать, что переговоры въ Туцзюу кончились неблагополучно, исключительно, благодаря тому, что англичане возбудили, въ послѣдній моментъ такой существенный вопросъ, какъ личное свиданіе пословъ съ богдыханомъ. Послы отвѣтили на это, что въ сраженіи. 6 сентября, никто не

виновать, кромѣ Сэнь-Вана, что-же касается плѣнныхъ, то захватъ ихъ, немѣющій никакого оправданія, совершенно незаконенъ потому, что плѣнные европейцы находились въ Тунджоу во первыхъ съ согласія китайскихъ уполномоченныхъ, а во вторыхъ были подъ прикрытіемъ парламентерскаго флага: вмѣстѣ съ этимъ князю Гуну былъ поставленъ слѣдующій ультиматумъ: если по истеченіи 3-хъ дней. плѣнные англичане и французы не будутъ выданы. и князь Гунъ не изъявитъ готовности подписать переданный Гуй-Ляну трактатъ конвенціи. то союзная армія немедленно, по истеченіи означеннаго срока. двинется къ Пекину и, съумѣетъ доказать. что международное право не можетъ быть нарушаемо безнаказанно относительно англійскихъ и французскихъ подданныхъ.

III.

Чтобы избѣгнуть волненія среди жителей Тунджоу, главнокомандующіе остановили свои войска внѣ города и разрѣшили градоначальнику, объявившему, кстати сказать, что онъ не сдастся безъ боя, запереть ворота.

Этотъ храбрый китаецъ представлялъ изъ себя рѣдкій примѣръ доблести и исполненія долга; изъ всѣхъ начальниковъ китайской арміи, онъ одинъ, да еще помощникъ Сэнь-Вана, погибшій при штурмѣ Таку, служили добросовѣстно и вѣрно своему отечеству. Ворота оставались запертыми до 12-го числа, когда союзники потребовали, чтобы они были отворены для пропуска въ лагерь съѣстныхъ припасовъ. Градоначальникъ повиновался и съ этого дня китайцы ежедневно привозили на ближайшій къ воротамъ рынокъ. необходимое для арміи количество хлѣба, мяса и про-

чихъ продуктовъ. Живя въ Хэ-си-ву, члены русскаго посольства имѣли много случаевъ убѣдиться, насколько пала дисциплина въ союзныхъ арміяхъ и какихъ ужасныхъ размѣровъ достигъ общій грабежъ. Привезенные съ юга китайскіе кули, бывшіе въ составѣ чернорабочей бригады, очень быстро переняли привычки европейцевъ и стали безнаказанно грабить хуже солдатъ. Носильщики русскаго посольства также вздумали подражать этимъ кулимъ, но ихъ попытки были сразу остановлены запрещеніемъ выходить, безъ крайней надобности, изъ занимаемой посольствомъ кумирни.

Въ день выступленія войскъ, Хэ-си-ву представлялъ изъ себя одну общую груду развалинъ; гадко было смотрѣть на эти слѣды прохожденія союзниковъ, впервые, проникшихъ въ эту страну во имя европейской цивилизаціи. Какъ для всеобщаго укора, на стѣнахъ опустошеннаго, обезображеннаго, почти мертваго города виднѣлись еще то здѣсь, то тамъ громкія прокламаціи главнокомандующихъ, увѣрявшихъ, что война ведется исключительно противъ Маньчжурскаго правительства, что народъ, котораго никто не будетъ обижать, можетъ спокойно продолжать свои мирныя занятія и торговать по прежнему. Точно такую же картину разрушенія представлялъ изъ себя и Матоу, и Джанъ-Дзя-Ванъ и весь путь, сплошь, до Тунъ-чжоу: селенія и города были пусты, одни голодныя собаки не покидали развалинъ и стаями, съ воемъ, бродили по улицамъ.

2 сентября русское посольство перебралось въ Джанъ-Дзя-Ванъ. Одинъ этотъ фактъ подѣйствовалъ благотворно на спокойствіе жителей; мародеры пере-

стали ходить въ ту часть города, гдѣ расположилось посольство и многіе мирные китайцы начали возвращаться на старое пепелище.

На слѣдующій же день Баллюзекъ былъ откомандированъ въ Тунь-чжоу, чтобы собрать свѣдѣнія о послѣднихъ событіяхъ. Онъ нашелъ союзниковъ въ недалекомъ разстояніи отъ города, гдѣ они расположились лагеремъ, въ ожиданіи транспортовъ съ боевыми и продовольственными запасами, сильно истощившимися за послѣднее время. Въ окрестностяхъ все было спокойно: союзники, ежедневно, посылали небольшіе отряды по всѣмъ направленіямъ, но они ни разу не встрѣтили ни одного китайскаго солдата. Полковникъ Крилекъ, военный секретарь лорда Эльгина, подъѣзжалъ вплотную къ стѣнамъ Пекина и, будучи въ какихъ нибудь 100 шагахъ отъ среднихъ восточныхъ воротъ, не замѣтилъ никакихъ военныхъ приготовленій; полное спокойствіе царило, видимо, въ городѣ.

Отсутствіе непріятеля и упорное пассивное отношеніе китайцевъ къ союзникамъ нарушило всѣ ихъ разсчеты. Монтобанъ былъ въ сильнѣйшемъ раздраженіи и клялся что онъ камня на камнѣ не оставитъ въ Пекинѣ, если китайцы погубятъ хоть одного изъ захваченныхъ въ плѣнъ европейцевъ. Онъ сильно боялся, повидимому, отвѣтственности за преждевременное свое нападеніе, 6 сентября, вызвавшее потерю плѣнныхъ англичанъ и французовъ. Низкій поступокъ противника возмущалъ его тѣмъ болѣе, что французы всегда отпускали на волю всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ китайцевъ и, дѣйствительно, хорошо обращались съ раненными. Съ большимъ любопытствомъ, распрашивая

Баллюзека о Пекинѣ, высотѣ стѣны, о войскахъ, находящихся обыкновенно въ городѣ, баронъ Гро заговорилъ, между прочимъ, о возможности бѣгства богдыхана изъ столицы. При всей естественности подобнаго случая, мысль объ этомъ приводила посла въ сильнѣйшее безпокойство и когда Баллюзекъ высказалъ предположеніе, что императоръ по всей вѣроятности удалится въ свое загородное владѣніе въ Жэ-Хэ, Гро съ горечью воскликнулъ: „но вѣдь въ такомъ случаѣ мы рискуемъ, ворвавшись силой въ Пекинъ, не найти никого, съ кѣмъ можно будетъ начать переговоры!“ на что Баллюзекъ, согласно полученному имъ еще заранѣе наставленію, отвѣчалъ, что, конечно, слѣдуетъ быть готовымъ къ всевозможнымъ случайностямъ, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за богдыханомъ разбѣгутся, надо полагать, всѣ власти и главные сановники. Въ случаѣ же, добавилъ Баллюзекъ, если въ столицѣ не останется ни одинъ изъ членовъ Маньчжурской династіи, который могъ бы управлять государствомъ, то тогда посланники 3 державъ, Франціи, Россіи и Англіи, будутъ вынуждены, согласившись между собою, возвести на престолъ какого нибудь знатнаго и вліятельнаго китайца, что легко можетъ удастся, благодаря непопулярности, которою пользуется Маньчжурская династія среди собственнаго народа. Баронъ Гро ничѣмъ не поддержалъ этой мысли, но видно было, что онъ согласится на все, что угодно, лишь бы только заключить, такъ нетерпѣливо ожидаемый всѣми миръ. Разставаясь съ посломъ, Баллюзекъ передалъ ему просьбу Игнатьева поставлять русское посольство въ извѣстность о всѣхъ будущихъ дѣйствіяхъ союзниковъ, на что баронъ Гро выразилъ полнѣйшую готовность,

но, впослѣдствіи, ни разу не исполнилъ даннаго обѣщанія.

Отъ барона Гро, Баллюзекъ направился къ лорду Эльгину, квартировавшему въ двухъ верстахъ отъ французскаго лагеря. Эльгинъ принялъ его очень холодно; видно было, что пріѣздъ русскаго посланника былъ для него въ высшей степени непріятенъ. Разспрашивая объ Игнатьевѣ, его будущихъ намѣреніяхъ, величинѣ его конвоя и пр. и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не переставая, видимо, думать объ участи несчастныхъ плѣнныхъ, онъ вдругъ озадачилъ Баллюзека вопросомъ: „что сдѣлала бы Россія, если бы китайцы, въ одинъ прекрасный день, перерѣзали бы нашу духовную миссію въ Пекинѣ?“ на что Баллюзекъ поспѣшилъ отвѣтить, что, по всей вѣроятности, Россія объявила бы китаю войну.

Во время завтрака, къ которому его пригласилъ Хоп Грантъ, зашелъ разговоръ о предполагавшемся походѣ на Пекинъ, причемъ главнокомандующій выразилъ надежду, что русскій посланникъ позволитъ ему познакомиться съ картой столицы и его окрестностей, которая имѣется, какъ ему извѣстно, въ русскомъ посольствѣ. На слѣдующій день полковникъ Крилокъ пріѣхалъ въ посольство, передалъ поклонъ отъ Эльгина и Хоп Гранта, сообщилъ объ ихъ общемъ желаніи видѣть и посовѣтоваться съ русскимъ посланникомъ и вновь завелъ разговоръ о планѣ Пекина. *).

Планъ этотъ былъ данъ Монтобану еще въ Тянь-Цзинѣ причемъ ему было, однако, сказано что русскій посланникъ желаетъ выказать этимъ французскому

*) Планъ этотъ былъ составленъ Шимковичемъ за 11-и мѣсячное пребываніе посольства въ Пекинѣ.

главнокомандующему особую любезность и личное одолженіе. Когда впослѣдствіи, Холъ Грантъ провѣдалъ о существованіи этого документа, онъ попросилъ Монтобана посмотрѣть его, но таково было entente cordiale между союзниками, что англійскій штабъ ничего не могъ добиться отъ французовъ. Дня черезъ 2 Эльгинъ пріѣхалъ къ русскому посланнику въ сопровожденіи Холъ Гранта, Роберта Нэпира и большой свиты. Откровенно сознавшись, что онъ пріѣхалъ, чтобы просить совѣта посланника о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, Эльгинъ сообщилъ, что взятіе Пекина уже рѣшено союзниками въ принципѣ и что операція эта поручена начальнику 2 дивизіи Нэпиру, которому также, какъ и его помощникамъ, было бы въ высшей степени полезно познакомиться съ картой столицы и ея окрестностей, имѣющейся въ русскомъ посольствѣ. Игнатьевъ съ готовностью исполнилъ желаніе генераловъ и не только далъ разрѣшеніе разсмотрѣть ее въ подробности, но даже позволилъ скопировать ее въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Разбирая планъ совмѣстно съ англичанами, Игнатьевъ далъ имъ нѣсколько совѣтовъ, соотвѣтствующихъ русскимъ интересамъ. Объяснивъ характеръ, окружающей Пекинъ мѣстности, и указавъ на слабѣйшіе пункты городской ограды, Игнатьевъ постарался доказать, что выгоднѣе атаковать первоначально южную ея часть, такъ называемый китайскій городъ. Нужно было, во чтобы то ни стало, отвлечь вниманіе союзниковъ отъ сѣверной маньчжурской части, въ которой находилось наше подворье, зимній дворецъ богдыхана и главные архивы, на которые англичане несомнѣнно набросились бы прежде всего послѣ взятія города. Къ сѣверо—западу

отъ столицы находился кромѣ того Хай-денскій лѣтній дворецъ, въ которомъ хранилась современная часть архива верховнаго совѣта и которую нужно было беречь еще больше отъ глазъ союзниковъ. Высказывая свое мнѣніе о средствахъ обороны и лучшемъ способѣ аттаки, Игнатьевъ говорилъ что нужно дѣйствовать какъ можно рѣшительнѣе лишь въ началѣ военныхъ дѣйствій, послѣ занятія же городской стѣны и воротъ онъ совѣтовалъ пріостановиться и не входить въ самый городъ, чтобы избѣжать боя на улицахъ, а главное не допустить войска до грабежа, что довело бы китайцевъ до отчаянія.

Заведя разговоръ о положеніи несчастныхъ плѣнныхъ, Эльгинъ попробовалъ прибѣгнуть къ содѣйствію посланника и спросилъ его, не можетъ ли онъ, чрезъ посредство русской духовной миссіи, узнать что либо объ ихъ участи.

Считая что моментъ для вмѣшательства въ дѣла еще не насталъ, Игнатьевъ отклонилъ просьбу посла, доказавъ ему всю несвоевременность подобнаго посредничества. „Что же подумаетъ китайское правительство“,— говорилъ онъ,—если послѣ угрозы главнокомандующихъ разрушить Пекинъ, въ случаѣ невыдачи плѣнныхъ, русскій представитель будетъ ходатайствовать объ ихъ освобожденіи. Китайцы, естественно, объяснятъ это безсиліемъ союзниковъ, вновь подымутъ голову и дѣло легко можетъ затянуться. Впечатлѣніе будетъ несравненно сильнѣе и результаты гораздо дѣйствительнѣе, если я,—заключилъ посланникъ,—исполню ваше желаніе и обращусь къ китайскому правительству въ ту минуту, когда армія ваша будетъ стоять у Пекинскихъ воротъ и все будетъ окончательно готово

для рѣшительной аттаки". Эльгинъ горячо поблагодарилъ Игнатьева за всѣ данные ему совѣты, повторивъ при этомъ высказанное имъ уже прежде мнѣніе, что англичане обязательно должны дѣйствовать въ Китаѣ всегда согласно съ русскими, которые де лучше всѣхъ понимаютъ настоящій практическій путь азіатской политики.

Входить въ сношенія съ китайцами по вопросу о плѣнныхъ ни въ какомъ случаѣ не соотвѣтствовало интересамъ Россіи: не достаточно еще униженное и не потерявшее пока своей надменности, китайское правительство могло не обратить вниманія на ходатайство русскаго посланника, чѣмъ обнаружилось-бы, въ глазахъ союзниковъ, наше безсиліе и дурныя отношенія съ Китаемъ.

Передавая карту Пекина англичанамъ, Игнатьевъ не забылъ указать имъ мѣста нашихъ подворій, выразивъ при этомъ надежду, что въ случаѣ штурма ихъ пушки не будутъ направлены на эти пункты, что, разумѣется, было обѣщано англичанами самымъ положительнымъ образомъ. Послѣ завтрака, которымъ угостили англичанъ въ русскомъ посольствѣ, Игнатьевъ повелъ ихъ по городу, чтобы наглядно показать вопіющіе слѣды грабежа, произведеннаго союзными арміями въ городѣ. Сдѣлавъ небольшую прогулку пѣшкомъ, англичане распростились, сѣли верхомъ и уѣхали. Жители Цжанъ-дзя-вана, съ любопытствомъ слѣдившіе за пріѣхавшей въ городъ блестящей кавалькадой, по своему объяснили себѣ все видѣнное. Вспомнивъ какъ русскіе еще въ Тянь-Цзинѣ запретили иностранцамъ грабить, они начали разсказывать какъ тѣ же иностранцы, выйдя изъ подъ надзора русскаго послан-

ника, онять взялись за старое: какъ русскій посланникъ пустился за ними въ догонку и какъ, пріѣхавъ въ Джань-дзя-вань, онъ тотчасъ же послалъ бородатаго чиновника Ба-лао-ѣ (китайцы называли такъ Баллюзека) за англійскимъ посломъ и когда тотъ пріѣхалъ, то П-да-жень (Игнатьевъ) сталъ выговаривать ему за дурное поведеніе войскъ, заступался за китайцевъ и потомъ повелъ его по городу, показалъ слѣды грабежа, причемъ видно было какъ П-да-жень сердился и горячо говорилъ съ Эльгиномъ.

Пользуясь ласковыми и добрыми отношеніями, установившимися, постепенно, съ жителями Джань-дзя-вана, русское посольство добывало себѣ точныя свѣдѣнія о томъ, что происходило на театрѣ военныхъ дѣйствій. Такъ, напримѣръ, оно узнало, что захватъ европейцевъ былъ исключительно дѣломъ рукъ прежнихъ уполномоченныхъ П-Цынь-Вана, Му-Ння и главнокомандующаго Сэнъ-Вана, желавшихъ выставить въ глазахъ богдыхана плѣненіе нѣсколькихъ старшихъ чиновниковъ блестящимъ подвигомъ, который долженъ былъ, по ихъ мнѣнію, оправдать ихъ дипломатическую неудачу и вмѣстѣ съ тѣмъ позволилъ бы выторговать у союзниковъ болѣе выгодныя условія.

Сэнъ-Ваню это было еще необходимѣе, чѣмъ уполномоченнымъ. Всеобщій ропотъ на бѣдствія, причиненныя войной, обрушился на него: его обвиняли въ неудачныхъ распоряженіяхъ, въ напрасномъ пролитіи крови и разореніи жителей. Постоянныя пораженія войскъ китайцевъ, переставшія удивлять кого либо, объяснялись тѣмъ, что воины прекрасно понимая, что они не въ состояніи держаться противъ союз-

никовъ. бѣгутъ послѣ первыхъ-же пушечныхъ выстрѣловъ.

6-го сентября китайское войско потеряло убитыми огромное число солдатъ благодаря тому, что среди калганской пѣхоты было много курильщиковъ опія, которые, ослабѣвъ, не могли поспѣть за прочими частями войскъ обратившихся въ бѣгство. О положеніи дѣлъ въ Пекинѣ жители разсказывали, что ворота столицы заперты, что для ея обороны сдѣланы всѣ нужныя приготовленія; что свыше 60000 цижеией, столичной пѣхоты и множество монголъ собралось въ самомъ городѣ. Самъ богдыханъ находится пока во дворцѣ, но когда онъ узналъ о выступленіи союзниковъ изъ Тянь-Цзина въ Тунъ-чжоу, онъ рѣшилъ удалиться въ Шэнъ-Цзинъ или Мукденъ (древнюю столицу Маньчжуръ), чтобы увѣрить народъ, что богдыханъ удаляется изъ столицы не изъ боязни, а для осенней охоты, на которую онъ давно уже собирался; было приказано разставить по улицамъ множество палатокъ въ доказательство того, что въ столицѣ имѣется достаточное количество войскъ, чтобы не бояться враговъ, но наканунѣ отъѣзда, 30 августа, къ богдыхану собрались всѣ министры и высшіе сановники и общимъ голосомъ убѣдили его, что династія погибнетъ, если онъ оставитъ столицу. Императоръ внялъ общимъ просьбамъ, и остался въ своемъ загородномъ дворцѣ въ Хай-денѣ.

15 сентября русское посольство выѣхало изъ Джанъ-дзя-вана и перебралось въ юго-восточное предмѣстье города Тунджоу, въ заранѣе выбранную прекрасную, богатую кумирню, расположенную близъ самой рѣки. Переѣздъ этотъ былъ сдѣланъ по многимъ при-

чинамъ: 1) облегчалось въ сильной степени непосредственное сношеніе съ находившимся въ Тянь-Цзинѣ клипером„Разбойникъ“ 2) въ Тунъ-Чжоу имѣлось большое изобиліе продовольственныхъ запасовъ, которые начали уже изсякать въ опустошенномъ Цжанъ-дзя-ванѣ 3) близость къ союзникамъ значительно облегчала возможность слѣдить за ихъ дѣйствіями и, вообще, за текущими событіями. 4) присутствіе въ Тунъ-чжоу китайскихъ чиновниковъ, совершенно отсутствовавшихъ въ Цжанъ-дзя-ванѣ, давало основаніе предполагать, что вѣсть о прибытіи русскаго посланника съ большей легкостью дойдетъ до ушей Пекинскихъ сановниковъ.

На слѣдующій же день Игнатьевъ отправился, въ сопровожденіи 4-хъ казаковъ, съ визитами къ посламъ и главнокомандующимъ. Барона Гро онъ нашелъ въ полуразвалившейся кумирнѣ въ $^1/_2$ верстѣ отъ моста Па-ли-цяо, непосредственно, за французскимъ лагеремъ. Посолъ былъ сильно удрученъ событіями послѣднихъ дней и, видимо, не зналъ, что ему предпринять. Послѣ первыхъ привѣтствій онъ сразу началъ жаловаться на князя Гуна, позволившаго прислать въ отвѣтъ на ультиматумъ союзниковъ бумагу, тонъ которой могъ удивить даже вполнѣ виккшаго въ духъ китайской дипломатіи человѣка. Обвиняя огуломъ своихъ предшественниковъ, уполномоченныхъ во всѣхъ случившихся бѣдахъ, князь Гунъ старался внушить къ себѣ довѣріе союзниковъ увѣреніями, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ призванъ вести переговоры, плѣнным живется въ Пекинѣ несравненно лучше чѣмъ прежде. Зная, что личностью Парка англичане интересуются больше, чѣмъ всѣми остальными плѣнными

Гунъ приложилъ къ бумагѣ его визитную карточку, какъ доказательство того, что онъ еще живъ.

Прося назначить время для съѣзда довѣренныхъ лицъ, чтобы продолжать переговоры о мирѣ, онъ предлагалъ свои услуги для передачи письма королевы англійской богдыхану и обѣщалъ оставить эту церемонію должными почестями.

Возставая противъ употребленнаго союзниками въ послѣдней оффиціальной бумагѣ выраженія, что Пекину грозитъ разореніе, а царствующей династіи лишеніе трона, китайскій уполномоченный напоминалъ, что, въ случаѣ нападенія союзниковъ на столицу, плѣнные легко могутъ погибнуть въ общей суматохѣ, что маньчжурскія войска будутъ защищаться отчаянно до послѣдняго человѣка, что монголы, собранные въ неимовѣрномъ количествѣ, нападутъ на тылъ союзниковъ и доберутся даже до флота, стоящаго въ Таку.

Трудно было повѣрить, чтобы уполномоченный Китая могъ написать представителямъ Англіи и Франціи подобную бумагу, послѣ столькихъ пораженій и при такомъ, дѣйствительно, отчаянномъ, для Китая, положеніи дѣлъ.

Въ отвѣтъ на эту дерзкую ноту послы препроводили князю Гуну, въ тотъ же день, совершенно одинаковыя письма, съ вторичнымъ подтвержденіемъ, что если въ теченіи слѣдующихъ сутокъ плѣнные не будутъ возвращены въ лагерь союзниковъ, то войска выступятъ немедленно подъ стѣны Пекина.

Грозный ультиматумъ этотъ не былъ однако приведенъ въ исполненіе, чѣмъ совершена крупная ошибка. Въ дѣлахъ съ азіятцами неисполненіе угрозы всегда ведетъ къ дурнымъ послѣдствіямъ, въ дѣлахъ

же съ китайцами оно особенно опасно.

Разбирая текущія событія вообще, Гро коснулся антипатіи, которая существуетъ, по его мнѣнію, между англичанами и французами и мѣшаетъ имъ сойтись между собою, несмотря ни на какія политическія соображенія.

C'est un fait avéré, говорилъ онъ, que nous sommes plutôt faits pour nous mettre l'un, en face de l'autre que de nous tenir l'un á côté de l'autre, comme nous le faisons depuis plusieurs années.

Гро выразилъ, между прочимъ, удивленіе, что китайцы по сіе время не обратились еще къ русскому посланнику съ просьбой о посредничествѣ подобно тому, какъ они это сдѣлали въ 1858 г. относительно графа Путятина. По тону рѣчи посла можно было заключить, что онъ свыкся уже съ мыслью объ этомъ посредничествѣ и ему, видимо, хотѣлось вмѣшательства Игнатьева, черезъ котораго онъ надѣялся распутать, такъ или иначе, вопросъ о плѣнныхъ.

Лорда Эльгина посланникъ засталъ еще въ большемъ смущеніи, чѣмъ барона Гро. До крайности раздраженный противъ китайцевъ, онъ долженъ былъ сдерживать свою пылкость изъ опасенія, чтобы доведенные до отчаянія враги не вздумали бы выместить своей злобы на плѣнныхъ... Изъ-за тѣней этихъ несчастныхъ въ его воображеніи рисовался ужасный призракъ въ лицѣ парламента, прессы и общественнаго мнѣнія Англіи. Лордъ Эльгинъ,—это воплощеніе англійскаго аристократическаго высокомѣрія, гордости и учтивой жестокости, преисполненныя холоднаго презрѣнія ко всему человѣчеству,—со слезами на глазахъ и съ совершенно-разстроенной физіономіей говорилъ о

потерѣ незамѣнимаго Паркса, преданнаго Лока и мощнаго корреспондента Times'a, „впрочемъ“ прибавилъ онъ съ гордой Брюсовской осанкой: „la première chose qu'un Anglais apprend en naissant, c'est qu ie'doit mourir un jour pour sa patrie et que le bien public doit toujours prévaloir sur l'intêret particulier.“

Эльгинъ не могъ удержаться, чтобы не замѣтить, съ нѣкоторымъ злорадствомъ, о той разницѣ, съ коей китайскій уполномоченный писалъ ему и барону Гро. Считая вѣроятно, очень для себя лестнымъ вести переписку съ принцемъ крови на правахъ равнаго баронъ Гро былъ очень любезенъ и предупредителенъ въ своихъ отвѣтахъ Гунъ-цинъ-вану; англичане же, наоборотъ писали рѣзко и даже грубо. Эта разница въ пріемахъ приводила однако къ совершенно неожиданнымъ результатамъ и въ проигрышѣ оказывались не англичане, а французы. Таковы китайцы всегда: кого они боятся, и въ комъ видятъ силу, съ тѣми они вѣжливы, и любезны и уступчивы, въ тѣхъ же случаяхъ, когда они этой силы не чувствуютъ, а на оборотъ замѣчаютъ скромность и желаніе быть пріятнымъ, тамъ они тотчасъ же дѣлаются нахальными и упорными.

Прибывъ въ Тунъ-чжоу, посланникъ вновь сдѣлалъ попытку войти въ сношеніе съ верховнымъ совѣтомъ. Сообщая о своемъ прибытіи и напоминая маньчжурскому правительству о своемъ нейтральномъ положеніи, онъ подтвердилъ свое прежнее намѣреніе отправиться въ скоромъ времени въ Пекинъ.

Бумага посланника была отправлена Поповымъ градоначальнику Тунъ-чжоу, который препроводилъ ее по назначенію съ необычайной скоростью 600 ли въ

день (около 300 верстъ), ввиду того же, что скорость отправленія бумагъ соразмѣряется въ Китаѣ со степенью ихъ важности, и быстрота, съ которой везутъ наиболѣе важныя бумаги, какъ напримѣръ извѣстія о крупныхъ побѣдахъ, лишь немного превышаетъ эту скорость. Можно было предполагать, что градоначальникъ придавалъ большое значеніе документу полученному имъ отъ русскаго чиновника.

Въ первые же дни пріѣзда посольства въ Тунъ-чжоу лордъ Эльгинъ пріѣхалъ къ Игнатьеву съ намѣреніемъ, какъ онъ сказалъ, имѣть самый откровенный разговоръ о текущихъ дѣлахъ. Прекрасно сознавая всю трудность, какую представлялъ изъ себя вопросъ объ аудіенціи у богдыхана, Эльгинъ говорилъ, что онъ никогда не былъ намѣренъ дѣлать изъ того casus belli и что поэтому онъ еще въ Тянь-Цзинѣ и въ Тунъ-Чжоу всегда поручалъ своимъ переводчикамъ кончать съ начала все, что относится до подписанія договора, а затѣмъ уже подымать, если возможно, вопросъ объ аудіенціи, Точно также посолъ рѣшилъ дѣйствовать и въ Пекинѣ; въ крайнемъ случаѣ, онъ считалъ даже возможнымъ вовсе отказаться отъ личной передачи письма, тѣмъ болѣе, что свиданіе съ такимъ безхарактернымъ и слабымъ богдыханомъ не могло принести англійскому дѣлу пользы, которая, конечно, была бы очень велика, если бы на престолѣ былъ умный и самостоятельный государь.

Послѣднія событія, и въ особенности плѣненіе Паркса, оффиціальнаго уполкомоченнаго, бывшаго подъ охраной парламентерскаго флага и слѣдовательно лица неприкосновеннаго, произвели, видимо, на Эльгина столь сильное впечатлѣніе, что онъ началъ колебаться

въ рѣшеніи вопроса о постоянномъ пребываніи англійскаго министра въ китайской столицѣ. Съ другой стороны онъ считалъ пребываніе посланниковъ въ Пекинѣ надежнѣйшимъ средствомъ для укрѣпленія нормальныхъ международныхъ сношеній и для избѣжанія будущихъ войнъ: въ этомъ вопросѣ его настойчиво поддерживалъ и Брюсъ. „Братъ мой“, говорилъ Эльгинъ, „врядъ ли согласится остаться въ Китаѣ представителемъ Англіи безъ этого условія, такъ какъ онъ глубоко убѣжденъ, что пребываніе министра въ столицѣ есть единственное средство, чтобы вести дѣла надлежащимъ образомъ.“ Эльгинъ очень цѣнилъ мнѣніе Брюса, который нѣсколько лѣтъ подрядъ занимался китайскими дѣлами и пріобрѣлъ въ нихъ большую опытность, кромѣ того, послѣ неудачи 59 г. и обвиненій, большею частью основательныхъ, посыпавшихся на Брюса, лорду Эльгину было необходимо поддержать его и выставить передъ парламентомъ, въ наиболѣе благопріятномъ свѣтѣ.

Съ мнѣніемъ общества также приходилось считаться. Посолъ боялся, что если учрежденіе постояннаго резиденства въ Пекинѣ не явится результатомъ послѣдней экспедиціи въ Китай, то въ Англіи потребуютъ ея повторенія, въ парламентѣ же и публикѣ подымается такой шумъ, что о генералъ губернаторствѣ Индіи, (составлявшемъ столько времени завѣтную мечту Эльгина), нечего будетъ и думать.

Размышляя о будущихъ сношеніяхъ европейскихъ представителей съ китайскимъ правительствомъ, Игнатьевъ пришелъ къ убѣжденію, что учрежденіе въ Китайской столицѣ постоянныхъ иностранныхъ миссій, отнюдь, не принесетъ пользы интересамъ Россіи,

средства которой ничтожны, сравнительно, съ средствами иностранцевъ. Англійскій представитель, поселившись въ Пекинѣ, пріобрѣталъ несомнѣнно преобладающее вліяніе на дѣла, благодаря деньгамъ, связямъ, сильной эскадрѣ и десанту который всегда будетъ въ его распоряженіи.

Французскій министръ долженъ будетъ пользоваться большимъ вѣсомъ, благодаря многочисленности и преданности католиковъ, американскій посланникъ могъ опираться на обширныя торговыя связи Соединенныхъ Штатовъ съ Китаемъ, представитель-же Россіи, не имѣя въ своемъ распоряженіи ровно ничего, могъ лишь ссылаться на интересы незначительныхъ Санъ-Синскихъ купцовъ, захватившихъ чайную монополію въ свои руки.

Соображенія эти побудили Игнатьева приложить всѣ усилія къ тому, чтобы помѣшать учрежденію постояннаго представительства посланниковъ въ Пекинѣ. Зная какъ трудно иностранцамъ добиться аудіенціи у богдыхана, онъ постарался доказать Эльгину, что если онъ не будетъ торжественно принятъ императоромъ, то постоянное представительство въ Пекинѣ потеряетъ свой смыслъ, положеніе же министра будетъ унизительно. „Отчужденные отъ общества, непринимаемые ко двору европейскіе представители" говорилъ онъ „не будутъ видѣть ни богдыхана, ни его совѣтниковъ, ни министровъ и должны будутъ ограничиться сношеніями съ особо назначенными сановниками, которые до сихъ поръ никогда не принимали европейцевъ иначе, какъ въ казенныхъ домахъ и кумирняхъ, чтобы имѣть случай выставлять ихъ передъ народомъ просителями. Зная эту уловку, я никогда не ѣздилъ, жи-

вя въ Пекинѣ, ни въ одно присутственное мѣсто и, имѣя въ своемъ распоряженіи всего 15 казаковъ, всегда заставлялъ уполномоченныхъ пріѣзжать ко мнѣ въ подворье". „Вѣдь если вы", продолжалъ посланникъ, „не добьетесь личнаго свиданія съ богдыханомъ, то вопросъ объ отношеніяхъ между Англіей и Китаемъ, вѣрнѣе между Европой и Среднимъ государствомъ, останется по прежнему нерѣшеннымъ, китайцы-же, которые не забыли еще какъ мало почетно были приняты здѣсь посольства лорда Макартнея и лорда Амгереста, а также и то, что вы сами въ 58 г. не доѣхали даже до Пекина, припишутъ вашу новую неудачу безсилію союзниковъ. Не забудьте, что ни одинъ изъ пріѣзжавшихъ сюда ранѣе пословъ не имѣлъ и тѣни тѣхъ обширныхъ средствъ, которыми обладаете вы теперь и которыя даютъ намъ право ожидать отъ васъ болѣе того, чѣмъ отъ прочихъ. Ваше представленіе богдыхану имѣетъ важное историческое значеніе: отъ васъ будетъ зависѣть чтобы богдыханъ пересталъ считать себя, въ отношеніи другихъ государей и правительствъ, какимъ-то высшимъ существомъ, сыномъ неба: чтобы онъ призналъ, наконецъ, другихъ государей себѣ равными и согласился, чтобы иностранные министры занимали въ Пекинѣ такое положеніе какъ и вездѣ".

Вернувшись затѣмъ къ вопросу о своемъ прежнемъ житьѣ въ Пекинѣ, Игнатьевъ обратилъ вниманіе Эльгина на тотъ фактъ, что въ своихъ сношеніяхъ съ китайскимъ правительствомъ онъ ни разу не допустилъ иныхъ отношеній кромѣ тѣхъ, которыя основаны на совершенномъ равенствѣ, какъ мы то понимаемъ въ Европѣ.

„Въ томъ положеніи въ какомъ я находился“, закончилъ онъ „я могъ отказаться и отказался отъ представленія богдыхану, но вы посолъ королевы, не можете не представляться, разъ вы уже потребовали себѣ этой аудіенціи.“

Эльгинъ не оспаривалъ всѣхъ этихъ несомнѣнно логичныхъ доводовъ, но, выслушавъ ихъ, сознался, что онъ боится какъ бы китайцы его не одурачили, не объявили бы, напримѣръ, въ послѣдній моментъ, когда посольство уже будетъ въ дворцѣ, что богдыханъ боленъ или же, что еще хуже, не представили бы ему какого нибудь очень важнаго сановника, выдавъ его за богдыхана, чтобы затѣмъ поднять на смѣхъ все посольство. Игнатьевъ старался разсѣять эти опасенія и замѣтилъ что вполнѣ достаточно рѣшить вопросъ въ принципѣ, что личное свиданіе не имѣетъ большаго значенія и нужно только, чтобы китайцы признали за европейскими представителями право быть представляемыми богдыхану по извѣстному, письменно опредѣленному, церемоніалу. Въ заключеніе бесѣды Игнатьевъ упомянулъ, что онъ по опыту знаетъ насколько выгоднѣе для иностранныхъ представителей пріѣзжать въ Пекинъ лишь на короткое время. Россія могла бы давно уже держать въ Пекинѣ министра резидента, но до сихъ поръ она всегда предпочитала присылать своего уполномоченнаго въ Китайскую столицу только тогда, когда являлась къ тому крайная необходимость. Разумѣется, добавилъ онъ, если другія государства будутъ добиваться учрежденія постоянной резиденціи въ Пекинѣ, то тогда и мы должны будемъ оставить здѣсь дипломатическаго агента, и въ такомъ случаѣ необходимо сразу позаботиться о дружномъ

согласномъ дѣйствіи всѣхъ миссій, безъ чего не можетъ считаться обезпеченнымъ ни исполненіе договоровъ, ни положеніе иностранныхъ представителей на сѣверѣ Китая. Между европейскими миссіями всѣхъ азіатскихъ государствъ существуетъ извѣстнаго рода солидарность: въ Китаѣ же, гдѣ надо еще пріучить правительство въ правильныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ, потребность въ этой общности еще болѣе ощутительна. Эльгинъ не могъ не согласиться и съ этимъ.

Воспользовавшись распросами посла о томъ, какъ лучше всего обставить въѣздъ въ столицу, Игнатьевъ, въ виду принятаго у китайцевъ обычая затворять на ночь городскія ворота, посовѣтовалъ приставить къ нему караулъ, что Эльгинъ обѣщалъ исполнить. Занятіе воротъ европейскимъ карауломъ было необходимо для самого посланника, какъ обезпеченіе доступа въ городъ. Безъ подобной мѣры китайцы могли по просту не пропустить его, даже послѣ въѣзда союзниковъ въ столицу.

Поблагодаривъ еще разъ за всѣ данные ему совѣты и обѣщаясь исполнить ихъ непремѣнно, Эльгинъ попросилъ Игнатьева при прощаніи, не передавать барону Гро о послѣднемъ ихъ разговорѣ, въ виду того, что ни одинъ изъ поднятыхъ вопросовъ не возбуждался еще во время совѣщаній съ французскимъ посломъ.

IV.

22 сентября Эльгинъ прислалъ къ Игнатьеву состоявшаго въ его свитѣ капитана I ранга лорда Джона Нау съ извѣстіемъ, что главныя силы союзниковъ движутся къ Пекину на слѣдующій день. Хопъ-Грантъ

съ своей стороны также увѣдомилъ посланника о своемъ выступленіи, любезно предложивъ ему притомъ, для большой безопасности, также оставить Тунъ-чжоу и выѣхать или вмѣстѣ съ нимъ, или-же отправиться прямо подъ стѣны Пекина, въ лагерь Эльгина. Игнатьевъ не счелъ возможнымъ принять ни одного изъ этихъ предложеній и, поблагодаривъ главнокомандующаго, отвѣтилъ, что онъ предполагаетъ остаться до заключенія мира въ Тунъ-чжоу.

Суля по текущему ходу дѣлъ, нельзя было расчитывать на скорое вступленіе въ Пекинъ. Ввиду того-же, что „Свѣтланѣ“ необходимо было идти въ Шанхай, Игнатьевъ отпустилъ Лихачева и отправилъ почетный караулъ, который былъ замѣненъ матросами съ „Разбойника“, обратно въ Таку. Французскій посолъ поступилъ точно также, еще раньше откомандировавъ отъ посольства адмирала Шарнеръ съ матросами его эскадры.

Съ нетерпѣніемъ ожидая отвѣта на посланное въ государственный совѣтъ сообщеніе о своемъ намѣреніи въѣхать въ Пекинъ, посланникъ поручилъ Попову разузнать причину происшедшей задержки. Областной начальникъ, къ которому Поповъ обратился, не замедлилъ выдать ему письменное увѣдомленіе военной палаты (Бинъ-бу), присланное на имя Чжи-шая. Палата сообщала, что бумага посланника получена въ Пекинѣ 17 сентября (отвѣтъ слѣдовательно долженъ былъ придти не позже 19), что верховный совѣтъ выѣхалъ изъ Пекина вслѣдъ за богдыханомъ и его дворомъ, и что бумага тотчасъ же послана въ догонку за совѣтомъ съ надлежащей скоростью.

Узнавъ объ этомъ, Игнатьевъ немедленно вернулъ Попова къ областному начальнику, чтобы сдѣлать ему

строгое внушеніе за то, что онъ посмѣлъ скрыть у себя такое важное извѣстіе, какъ сообщеніе Бинъ-бу о выѣздѣ богдыхана изъ столицы. Чжи-тай отвѣтилъ на это, какъ истый китаецъ: „мои шубаны (писцы) виноваты въ томъ, они сочли дѣло маловажнымъ и по неопытности отложили бумагу Бинъ-бу; впередъ обѣщаемъ быть умнѣе и, тотчасъ же по полученіи всѣхъ касающихся посольства бумагъ, будемъ пересылать вамъ". Отъ того-же Чжи-тая Поповъ узналъ, что въ Пекинѣ не осталось ни одного сановника, кромѣ Гунъ-цинъ-вана, который и завѣдуетъ всѣми правительственными дѣлами. Получивъ эти важныя извѣстія, Игнатьевъ немедленно сообщилъ ихъ барону Гро и Эльгину. Выражая свое сожалѣніе по поводу того, что ему не удалось узнать что либо объ участи плѣнныхъ, онъ спѣшилъ довести до ихъ свѣдѣнія, что богдыханъ, дворъ, верховный совѣтъ и всѣ министры покинули Пекинъ на другой же день послѣ сраженія при Пали-цяо.

Баллюзеку было поручено лично свезти обоимъ посламъ записки Игнатьева и, вмѣстѣ съ тѣмъ, постараться разузнать, что думаютъ они предпринять при такихъ обстоятельствахъ.

Гро и Эльгинъ отвѣтили на это, что имъ извѣстно уже о бѣгствѣ богдыхана изъ столицы, но что присутствіе въ ней его брата Гунъ-цинъ-вана, съ которымъ договоръ можетъ быть заключенъ на тѣхъ же основаніяхъ, дѣла, по ихъ мнѣнію, не мѣняетъ.

Принявъ окончательное рѣшеніе бомбардировать Пекинъ, главнокомандующіе нашли нужнымъ отыскать сначала армію Сэнъ-вана, чтобы разбить ее предварительно въ полѣ. Выступивъ изъ лагеря 29 числа,

союзники исходили всѣ окрестности, но нигдѣ не нашли даже признаковъ ея. На слѣдующій день выступили, съ той-же цѣлью, двумя отдѣльными колоннами. Достигнувъ послѣ полудня западныхъ воротъ сѣверной стѣны города, союзники раздѣлились: англичане остановились противъ городской стѣны, французы же, отдѣлившіеся во время наступательнаго движенія вправо, прошли дальше, взявъ направленіе къ Хай-дену, не предупредивъ о томъ ни пословъ, ни англійскаго главнокомандующаго. Въ скоромъ времени они достигли, такимъ образомъ, лѣтняго дворца богдыхана. Не ожидая какихъ-либо распоряженій и приказаній начальниковъ, французы, сразу сообразившіе какое богатство дается имъ въ руки, бросились въ безпорядкѣ къ главному его входу, защищавшемуся нѣсколькими дворцовыми евнухами, мигомъ перебили эту ничтожную стражу и ворвались въ внутреннія покои дворца. Необычайное великолѣпіе и сказочное богатство, открывшееся ихъ глазамъ, поразило всѣхъ чрезвычайно. Трудно представить себѣ, что могло быть здѣсь до начала войны, если главныя сокровища дѣйствительно были вывезены изъ дворца заранѣе, на нѣсколькихъ стахъ повозокъ, какъ то утверждали китайцы. Англичане, привыкшіе къ индійской роскоши и къ грабежу богатыхъ городовъ, во время послѣднихъ возстаній, всѣ отзывались съ одинаковымъ восторгомъ о сокровищахъ, найденныхъ ими въ Хай-денѣ: множество драгоцѣнныхъ каменьевъ, нефритовыхъ, фарфоровыхъ, филигранныхъ вещей, о которыхъ европейцы не имѣли до того времени никакого понятія, масса дорогихъ часовъ, жемчуга, шелковыхъ матерій и т. п. Всѣ единогласно признавали,

что Юань-минъ-юанскій дворецъ достойное жилище сына неба—повелителя 300 милліоновъ.

Въ какихъ нибудь 2 дня дворецъ былъ разграбленъ до чиста.

Простоявъ передъ городомъ весь день и потерявъ постепенно союзниковъ изъ виду, англичане, желая узнать мѣсто ихъ нахожденія и вмѣстѣ съ тѣмъ дать имъ знать о себѣ, произвели салютъ въ 21 выстрѣлъ; отвѣтъ послышался черезъ небольшой промежутокъ времени со стороны Юань-минъ-юаня. Эльгинъ тотчасъ же поскакалъ туда со своей свитой, но было уже поздно, грабежъ дворца былъ въ полномъ разгарѣ. Первымъ дѣломъ, англичане захватили архивъ и опечатали дипломатическую переписку китайскаго правительства. Это послѣднее извѣстіе, достигшее вскорѣ ушей Игнатьева, смутило его въ высшей степени. Всѣ плоды долгихъ, упорныхъ усилій стать въ выгодное положеніе, относительно союзниковъ, могло быть уничтожено въ одно мгновеніе. Открытіе союзниками переписки, относящейся до нашихъ сношеній съ китаемъ, начиная съ 58 г. давало въ руки англичанъ настолько сильное оружіе противъ насъ, что заключеніе нашего договора съ Китаемъ могло сдѣлаться окончательно невозможнымъ. То было дѣйствительно большое счастье, что неизбѣжный при грабежѣ безпорядокъ лишилъ англичанъ возможности захватить весь архивъ въ цѣлости. Несомнѣнно, что въ общей путаницѣ, много важныхъ бумагъ попало въ частныя руки, доказательствомъ чего можетъ служить хотя бы тотъ фактъ, что нашему посланнику въ Парижѣ графу Киселеву удалось, впослѣдствіи, пріобрѣсти у одного солдата, вернувшагося изъ экспедиціи, подлинный эк-

земпляръ нашего Тянь-Цзинскаго трактата, заплативъ за него какихъ то 200 франковъ.

Спасало также обычное правило Игнатьева подписывать только русскій текстъ бумагъ, оставляя китайскій безъ подписи. Въ данномъ случаѣ китайскіе цзиры были доступнѣе союзникамъ, чѣмъ русскія буквы; документъ же безъ подписи посланника, очевидно, не имѣлъ никакого значенія.

На слѣдующій день Игнатьевъ отправилъ подъ благовиднымъ предлогомъ въ лагерь союзниковъ секретаря Вольфа. Вольфъ засталъ пословъ въ еще болѣе натянутыхъ между собою отношеніяхъ, чѣмъ прежде. Баронъ Гро жаловался что Эльгинъ дѣйствуетъ слишкомъ самостоятельно и не считаетъ нужнымъ сговариваться о дѣлахъ предварительно съ нимъ—французскимъ посломъ, Эльгинъ, съ другой стороны, бранилъ французовъ за ихъ самовольное движеніе на Хайдянь, занятіе и грабежъ дворца богдыхана, говоря, что китайцамъ дано теперь полное право называть европейцевъ варварами. Между главнокомандующими также поднялась рознь; Монтобанъ настойчиво требовалъ аттаки Пекина, Хопъ Грантъ же, къ которому присоединился и Эльгинъ, не желалъ вводить войска въ столицу, чтобы избавить ее отъ разграбленія.

Послѣ самыхъ настойчивыхъ требованій пословъ, китайцы выдали наконецъ часть своихъ плѣнныхъ. Въ назначенное союзниками время, въ 4 ч. пополудни, въ главную квартиру англійской арміи явились Паркесъ, Локъ, Escayrac de Lauture, одинъ сикъ и 4 французскихъ солдата. Хэнь-Ци вывезъ ихъ на китайскихъ телѣжкахъ изъ сѣверо западныхъ воротъ къ англій-

скимъ аванпостамъ, откуда плѣнники пришли пѣшкомъ. Измученные и исхудалые, они были въ ужасно плачевномъ видѣ; англичане были, по крайней мѣрѣ, чисто одѣты, французы же были грязны и оборваны. Эльгинъ, не переставая думать о несчастныхъ соотечественникахъ, позаботился доставить имъ черезъ князя Гуна платье, бѣлье и все необходимое, французы же, пальцемъ не пошевелили для своихъ товарищей. Въ очень бѣдственномъ состояніи былъ de Lauture; оковы были сняты съ него всего 5 дней тому назадъ и руки и ноги его, которыя сводило отъ боли судорогами, были покрыты язвами.

Разсказы возвратившихся англичанъ были любопытны, но довольно скудны, сравнительно съ тѣмъ, что передавали французы, увлекшіеся свойственной имъ впечатлительностью и склонностью къ преувеличиванію. Очень интересна была встрѣча Эльгина съ Парксомъ: то было чистое англійское свиданіе, холодное, безъ всякаго душевнаго оттѣнка. Всѣ знали, какъ сильно любилъ Эльгинъ Паркса и какъ долженъ былъ онъ обрадоваться его освобожденію но, несмотря на это, онъ только сказалъ, пожимая его руку: „oh! how are you my dear Parks?“ „Alle right!“ отвѣтилъ тотъ, и они тотчасъ же удалились, чтобы начать дѣловый разговоръ. Грабежъ Хай-денскаго дворца принялъ между тѣмъ безобразные размѣры. Чтобы установить нѣкоторый порядокъ въ распредѣленіи добычи, союзники составили, на 2-й же день послѣ занятія дворца, особую коммиссію изъ офицеровъ, которая отдѣлила лучшія вещи для подношенія, отъ имени арміи, королевѣ англійской, императору французовъ, наслѣднику престола принцу Альберту. Монтобанъ послалъ прек-

расные подарки барону Гро, значительнымъ лицамъ Франціи, причемъ, конечно, не забылъ себя и своихъ подчиненныхъ.

Удовлетворить всѣхъ было трудно; не участвовавшія въ грабежѣ войска начали было роптать на своихъ начальниковъ и тогда Эльгинъ, чтобы положить предѣлъ ихъ неудовольствію, придумалъ вмѣстѣ съ Хопъ-Грантомъ слѣдующую комбинацію: всякій причастный къ занятію Хай-денскаго дворца получилъ разрѣшеніе оставить себѣ какую нибудь одну вещь по своему выбору, все же остальное награбленное добро долженъ былъ представить въ главную квартиру, для аукціонной продажи, по окончаніи которой, было предложено, раздѣлить общую выручку между тѣми солдатами, которые не принимали личнаго участія въ опустошеніи богдыханскаго жилища.

Всѣ штабныя квартиры, помѣщенія офицеровъ и оба лагеря были завалены награбленными вещами.

Хопъ-Грантъ былъ единственный человѣкъ, который выдѣлялся изъ общей массы и не позволилъ себѣ присвоить ни одной вещи изъ всей этой чужой собственности; онъ громко выражалъ полное негодованіе на безсовѣстный грабежъ и, ничуть не стѣсняясь присутствіемъ нашего секретаря Вольфа, требовалъ отъ начальника I дивизіи генерала Мичеля, чтобы по крайней мѣрѣ изъ штабъ-квартиры главнокомандующаго не смѣли дѣлать склада награбленныхъ вещей.

Стараясь слѣдить какъ можно внимательнѣе за всѣми происходящими событіями, посланникъ отправилъ вскорѣ въ Пекинъ одного извѣстнаго посольству Хэ-Шэна (китайскаго монаха), чтобы узнать, что тамъ

дѣлается. Вернувшись изъ столицы 27 числа Хэ-Шэнъ сообщилъ, что Сэнъ-Ванъ съ большой частью своей арміи отступилъ по Калганской дорогѣ, къ Нанькоускому дефиле и что въ Пекинѣ осталась лишь небольшая часть войскъ, что оборопой сѣверной стѣны завѣдуетъ Шэнъ-бао, успѣвшій излечиться отъ ранъ, полученныхъ имъ въ сраженіи при На-ли-цяо, что гаремъ богдыхана отправленъ еще 6 сентября въ Жэ-хэ, куда отправились и ближайшіе его совѣтники: Су-Шунь, Чженъ-Ванъ и дядя богдыхана Хай-цинь-ванъ. Не имѣвъ возможности увидѣть невыданныхъ еще плѣнныхъ, Хэ-Шэнъ разсказывалъ, что китайцы относились съ большимъ удивленіемъ къ поведенію Паркса, который, несмотря на свое тяжелое положеніе пальцемъ, не пошевельнулъ, чтобы ускорить свое освобожденіе изъ плѣна и по прежнему держалъ себя гордо и неприступно. Передъ самымъ своимъ избавленіемъ, онъ былъ, какъ оказалось, у Дунъ-Цинъ-Вана стараго брата богдыхана и предсѣдателя верховнаго совѣта и старался его убѣдить возсѣсть на императорскій тронъ, но Дунъ-цинъ-вань наотрѣзъ отказался отъ этой чести. Это предложеніе Паркса укрѣпило въ китайцахъ ихъ прежнее убѣжденіе, что союзники шли къ Пекину главнымъ образомъ для того, чтобы свергнуть съ престола царствующаго монарха и посадить на его мѣсто или своего посла, или кого нибудь изъ важныхъ китайскихъ сановниковъ. По понятіямъ китайцевъ ничего нѣтъ легче какъ возвести кого нибудь на престолъ; стоитъ только придти для этого во дворецъ, посадить кандидата на пустующій тронъ и заставить окружающихъ сановниковъ кланяться ему установленнымъ образомъ.

Легкость, съ какой это можно было совершить,

была главной причиной, пугавшей маньчжуръ, что англичане ворвутся въ столицу. Простонародье, съ другой стороны, относилось къ этому совершенно иначе. Посольству, неоднократно, приходилось слышать при своемъ слѣдованіи черезъ страну, что народу совершенно безразлично, кто будетъ возсѣдать на престолѣ, лишь бы его собственное положеніе не ухудшалось, лишь бы его не обижали больше прежняго.

Чтобы слѣдить ближе за дѣйствіями союзниковъ, Игнатьевъ откомандировалъ съ этой цѣлью Баллюзека.

Поселившись на нашемъ кладбищѣ, онъ долженъ былъ, при первой возможности, войти въ сношенія съ нашей миссіей и въ случаѣ бомбардированія города напомнить союзникамъ ихъ обѣщаніе принять подъ свое покровительство подворье нашей миссіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Баллюзекъ долженъ былъ выѣдать, какая часть нашей дипломатической переписки съ Китаемъ попала въ руки союзниковъ и попытаться выручить эту переписку изъ ихъ рукъ. Въ случаѣ занятія союзниками городскихъ воротъ, посланникъ предписалъ Баллюзеку, смотря по обстоятельствамъ, или выѣхать въ Пекинъ самому, чтобы удостовѣриться лично въ положеніи нашей миссіи, или же отправить для этого Попова.

Прибывъ съ переводчикомъ и двумя конными казаками на кладбище миссіи, Баллюзекъ тотчасъ отправился въ союзный лагерь. Лорда Эльгина онъ засталъ, къ своему большому удивленію, за весьма страннымъ занятіемъ: аукціонной продажей награбленныхъ въ Хай-денѣ вещей. Англичане не находили, видимо, ничего страннаго, что ихъ посолъ принимаетъ въ этомъ дѣлѣ столь живое участіе и упрекали только фран-

цузовъ за то, что каждый изъ нихъ бралъ себѣ все, что только успѣвалъ захватить.

Баронъ Гро принялъ Баллюзека очень любезно. Съ первыхъ же его словъ о китайскомъ архивѣ, онъ передалъ ему найденные пока 7 документовъ, относящихся до нашей переписки съ Китаемъ. 3 изъ нихъ были подписаны прежнимъ уполномоченнымъ Перовскимъ, два исходили отъ самого Игнатьева и были адресованы въ верховный совѣтъ. Прочіе же были за подписью Путятина и графа Муравьева-Амурскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ баронъ Гро обѣщалъ, что всѣ бумаги, относящіяся до Россіи, которыя найдутся при дальнѣйшемъ разборѣ, будутъ пересланы въ русское посольство. Пока всѣ найденные въ Хай-денѣ документы были уложены въ 4 сундука, которые хранились у англичанъ за печатями обоихъ главнокомандующихъ; когда же, впослѣдствіи, ихъ разсортировали, то между ними не нашлось, на наше счастье, ни одной, исходившей отъ русскаго посольства. Извѣстіе это было большой радостью для Игнатьева, избавившагося, такимъ образомъ, отъ новой и очень тягостной заботы.

Какъ только Баллюзекъ прибылъ со своими спутниками на кладбище и извѣстіе объ его прибытіи разнеслось между жителями сѣвернаго предмѣстья, такъ изъ ближайшихъ окрестностей сбѣжалось много китайцевъ, которые, кланяясь въ ноги и предлагая съѣстные припасы, начали слезно просить защиты отъ вратовъ и грабителей. Первоначально приходили къ Баллюзеку одни христіане, но когда онъ началъ выдавать имъ клочки бумаги съ подписью chretien, christian съ тѣмъ, чтобы они наклеивали ихъ на своихъ домахъ для охраны отъ грабежа и насилія, то тогда китайцы

повалили на кладбище цѣлыми толпами, увѣряя, что всѣ они христіане; разумѣется никому отказа не было, Между пришедшими китайцами нашелся одинъ старый знакомый, по имени Линъ, бывшій въ услуженіи у миссіонеровъ; Линъ сообщилъ, что наша духовная миссія заперта по распоряженію полиціи, что всѣхъ входящихъ изъ южнаго подворья учителей и прислужниковъ тщательно осматриваютъ. Ввиду того же, что разнесся слухъ будто русскіе сговорились съ союзниками и подкапываются тайно подъ городскую стѣну, чтобы облегчить непріятелю входъ въ городъ, Чжень-Ванъ, министръ полиціи, приказалъ вырыть между городскою стѣною и подворьемъ глубокій ровъ. По словамъ того же китайца, въ Пекинѣ не осталось ни одного крупнаго чиновника и даже самъ генералъ-губернаторъ и двое другихъ сановниковъ, которымъ ввѣрено управленіе городомъ, находятся въ окрестностяхъ, пріѣзжая въ столицу лишь на время.

Линъ съ готовностью согласился доставить въ нашу миссію записку Баллюзека, которому онъ исправно доставилъ на слѣдующій же день отвѣтъ отъ отца Гурія. Архимандритъ увѣдомлялъ, что всѣ миссіонеры, слава Богу, живы и здоровы. „Народъ“, писалъ отецъ Гурій, „чрезвычайно раздраженъ на богдыхана и сановниковъ за постигшее столицу бѣдствіе и открыто ругаетъ на улицахъ Маньчжурскую династію, за малодушное и преждевременное бѣгство“.

Прося принять какія либо мѣры противъ опасности, угрожающей сѣверному подворью, въ случаѣ нападенія на городъ, отецъ Гурій сообщалъ также, что несчастные албазинцы (православные китайцы) поставлены въ числѣ прочихъ гвардейцевъ на сѣверной

стѣнѣ, какъ разъ противъ французскихъ батарей. Динъ былъ немедленно возвращенъ обратно въ городъ. Баллюзекъ сообщилъ черезъ него архимандриту, что мѣры къ огражденію подворій отъ опасности уже приняты и просилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы всѣ женщины—христіанки въ самомъ началѣ штурма бѣжали бы въ сѣверное подворье, куда должны собраться въ то же время и албазинцы, находящіеся на городской стѣнѣ.

2-го октября въ полдень, когда все уже было готово, чтобы начать бомбардированіе, къ французскому главнокомандующему прискакалъ неожиданно офицеръ съ донесеніемъ, что ворота Ань-динь-мынь будутъ сейчасъ отворены и Монтобанъ немедленно же приказалъ дежурному батальону занять ихъ карауломъ. Узнавъ объ этомъ распоряженіи, Баллюзекъ попросилъ разрѣшеніе присоединиться къ баталіону и, получивъ на это согласіе, тотчасъ же поскакалъ съ переводчикомъ Поповымъ и прихвативъ съ собою 2 казаковъ, а затѣмъ слѣдуя за французами, въѣхалъ вмѣстѣ съ ними въ городъ. Проѣхавъ внутреннія ворота и обогнавъ солдатъ, Баллюзекъ повернулъ у городской стѣны налѣво и во всю прыть поскакалъ вдоль нее къ нашему сѣверному подворью.

Одного приближенія французскаго баталіона къ городскимъ воротамъ было достаточно, чтобы обратить въ бѣгство стоявшія на стѣнахъ города маньчжурскія войска. Когда же надъ городскими воротами взвились англійскій и французскій флаги, храбрые защитники Пекина спокойно разбрелись по домамъ.

Заѣхавъ въ сѣверное подворье и оставивъ тамъ для охраны одного изъ своихъ спутниковъ, Баллюзекъ

отправился напрямикъ черезъ весь маньчжурскій городъ въ южное подворье.

Проѣздъ русскихъ по переполненнымъ народомъ улицамъ казался рискованнымъ, но миролюбивая китайская толпа выразила лишь удивленіе и тупое любопытство: многіе изъ народа вѣжливо кланялись и никто не выказалъ враждебнаго отношенія. Благополучно доѣхавъ до помѣщенія нашей духовной миссіи, всадники, не обращая вниманія на стражу, слѣзли съ коней и вошли къ архимандриту. Радость была большая. Всѣ миссіонеры, бывшіе за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ въ страшно тревожномъ состояніи, ожидая самыхъ ужасныхъ ковэрствъ со стороны китайцевъ, встрѣтили своихъ соотечественниковъ, какъ самыхъ близкихъ для нихъ людей.

Оставшись ночевать въ подворьѣ, Баллюзекъ на слѣдующее же утро увѣдомилъ Игнатьева о всемъ случившемся, препроводивъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ еще два документа, добытыхъ Поповымъ у англійскаго переводчика Уэда, изъ которыхъ одинъ заключалъ въ себѣ требованіе посланника утвердить дополнительныя къ Айгунскому и Тянь-Цзинскому трактатамъ статьи.

Въ тотъ же день Баллюзекъ отправился къ барону Гро. Полное отсутствіе властей Пекина, о которомъ посолъ только что узналъ, причиняло ему, видимо, большое безпокойство. Положеніе союзниковъ было дѣйствительно незавидно. Достигнувъ цѣною столькихъ трудовъ и лишеній своей конечной цѣли китайской столицы, они совершенно не знали что дѣлать имъ дальше, положительно никто не могъ сказать имъ, даже приблизительно, гдѣ обрѣтаются китайскіе уполномоченные, и даже Гунъ-цинъ-ванъ, на котораго всѣ воз-

лагали столько надежд поминутно переѣзжать съ мѣста на мѣсто, чтобы не подвергнуться внезапному нападенію. Отовсюду присылая союзникамъ написанныя бумаги, всегда въ одномъ и томъ же смыслѣ, почти одинаковаго содержанія, онъ ни разу не обозначилъ города, въ которомъ она была написана.

Въ задушевномъ разговорѣ, завязавшемся съ Баллюзекомъ, баронъ Гро высказалъ свое намѣреніе переѣхать, какъ можно скорѣе, въ Пекинъ, чтобы положить этимъ конецъ военнымъ предпріятіямъ, увлекающимъ союзныя войска все далѣе и далѣе отъ первоначальной цѣли экспедиціи въ неизвѣстное и опасное будущее. Выражая свое удивленіе искусству русскаго посланника, такъ ловко сумѣвшаго хранить между союзниками столь выгодное нейтральное положеніе, Гро замѣтилъ, что дѣло значительно подвинулось-бы впередъ, если бы онъ согласился стать, въ настоящее время, посредникомъ между китайцами и союзниками, которымъ врядъ ли обойтись безъ его умѣлаго содѣйствія! Пользуясь этимъ невольнымъ сознаніемъ, Баллюзекъ отвѣтилъ, что подобнаго рода предложеніе не можетъ исходить ни отъ кого другого, какъ отъ него, французскаго посла, и добавилъ, что русскій посланникъ врядъ ли откажется его принять, если оно будетъ сдѣлано оффиціально, на что Гро возразилъ, что для посла неприлично обращаться съ подобнаго рода просьбами къ иностранному дипломату оффиціально, но, прибавилъ онъ, если вы передадите генералу Игнатьеву, что мы всѣ убѣдительно его просимъ выѣхать изъ Тунъ-чжоу и прибыть сюда, чтобы помочь намъ заключить миръ, то мы будемъ вамъ очень признательны. Возвращаясь къ своему желанію пе-

рѣхать, какъ можно скорѣе въ Пекинъ, Гро просилъ Баллюзека указать подходящее для французскаго посольства помѣщеніе, которое было бы расположено по возможности ближе къ тому изъ подворій, въ которомъ полагаетъ остановиться русскій посланникъ.

V.

Совокупность послѣднихъ событій убѣдили Игнатьева, что настала наконецъ давно жданная минута, когда слѣдовало выйти изъ того пассивнаго, наблюдательнаго и въ общемъ столь тягостнаго положенія, въ которомъ онъ находился столько уже мѣсяцевъ. Насталъ моментъ, когда нужно было вмѣшаться въ развязку китайскаго вопроса и взять на себя роль, достойную представителя Россіи. Необходимо было воспользоваться этими днями замѣшательства, чтобы стать между воюющими сторонами прежде, нежели они успѣютъ примириться, и поспѣшить своимъ въѣздомъ въ Пекинъ. Хорошія отношенія, установившіяся между русскимъ посланникомъ и обоими союзниками, значительно облегчали выполненіе этой задачи.

Наибольшое сочувствіе къ своему посредничеству, Игнатьевъ ждалъ отъ французовъ, которымъ скорое примиреніе съ Китаемъ позволено заключить экспедицію блестящимъ образомъ. Со стороны англичанъ слѣдовало ожидать иное; пренебрегая услугами русскихъ, они, изъ зависти къ ихъ успѣхамъ, конечно, не пропустили-бы случая отстранить русскаго посланника отъ переговоровъ съ Китаемъ и отодвинуть его на задній планъ, какъ только минетъ въ немъ надобность. Со стороны-же китайцевъ, положеніе которыхъ сдѣлалось окончательно безвыходнымъ, трудно было ожидать какого нибудь противодѣйствія

На основаніи этихъ соображеній посланникъ выѣхалъ 3-го октября изъ Тунъ-чжоу, чтобы повидаться предварительно съ послами, успокоить ихъ на счетъ видовъ Россіи и расположить ихъ въ пользу своего вмѣшательства въ общее дѣло.

Драгоманъ Татариновъ былъ отправленъ прямо въ Пекинъ, чтобы собрать тамъ вѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ, узнать кто изъ сановниковъ находится еще въ столицѣ, къ кому можно обратиться, чтобы начать переговоры и т. п.

Обозъ, состоявшій изъ 5 большихъ повозокъ, былъ посланъ подъ конвоемъ 3-хъ казаковъ и 3-хъ матросовъ черезъ Андинминскія ворота въ наше южное подворье, отстоящее отъ нихъ въ 7-ми верстахъ. Проѣздомъ обоза черезъ весь городъ не только правительство, но и народонаселеніе столицы предувѣдомлялось о пріѣздѣ русскаго посланника, служа въ мѣстѣ съ тѣмъ пробнымъ камнемъ относительно настроенія жителей.

Прибывъ около часу дня на наше кладбище, находящееся близъ воротъ Ань-динъ-мынь, посланникъ сѣлъ верхомъ и поѣхалъ въ сопровожденіи секретаря и 2-хъ казаковъ съ визитами къ обоимъ посламъ.

Лорда Эльгина онъ засталъ очень удрученнымъ извѣстіемъ объ ужасной участи постигшей пропавшихъ безъ вѣсти плѣнныхъ, захваченныхъ китайцами 6-го сентября. „Послѣ многократныхъ и настойчивыхъ требованій, говорилъ онъ, намъ выдали вчера вечеромъ Бульби, Нормана и Андерсона, но неживыми, а мертвыми, въ гробахъ: тѣла ихъ настолько въ ужасномъ видѣ, что самые близкіе люди съ трудомъ признаютъ ихъ: по разсказамъ тѣхъ немногихъ списковъ, которые

какимъ то чудомъ избѣгли смерти, всѣхъ заключенныхъ морили голодомъ, бросали въ холодныя и сырыя подземелья, выставляли днемъ на жгучее солнце давали на съѣденіе червямъ, крысамъ, а одного изъ нихъ, Бульби, свиньямъ.“ „Страшно подумать“, говорилъ Эльгинъ, „что мы хотимъ учредить правильныя дипломатическія сношенія съ правительствомъ, которое допустило подобные ужасы. Мы трактуемъ съ нимъ на правахъ равенства съ прочими европейскими государями, а вмѣстѣ съ тѣмъ все это произошло въ нѣсколькихъ шагахъ отъ богдыхана, въ его собственномъ дворцѣ, подъ наблюденіемъ его ближайшихъ совѣтниковъ.“

Подробно объяснивъ Игнатьеву переписку, которую онъ велъ за послѣдніе дни съ Гунъ-цинъ-ваномъ, Эльгинъ прочелъ ему проэктъ новаго ультиматума, который онъ намѣревался поставить китайцамъ. „Союзники обѣщались“, писалъ посолъ князю Гуну, „поцадить китайскую столицу при томъ условіи, что плѣнные, захваченные Сэнъ-Ваномъ, 6-го сентября, будутъ выданы и одни изъ городскихъ воротъ отворены къ назначенному сроку. Князь Гунъ писалъ намъ неоднократно, что плѣнные живы, хорошо устроены, что съ ними обходятся надлежащимъ образомъ и все это оказалось ложью.

Изъ 26 англійскихъ подданныхъ, захваченныхъ безчестно и вопреки международному праву, выдано только 13, изъ которыхъ нѣтъ ни одного, который не носилъ бы на себѣ слѣдовъ ужасныхъ мученій, остальные тринадцать варварски умерщвлены.

Какимъ же образомъ можетъ Маньчжурское правительство исполнить теперь взятое на себя обяза-

тельство? Развѣ Англія обязана теперь исполнить, послѣ случившагося, тѣ условія, при которыхъ были переданы городскія ворота? Заслуженную вами тяжкую кару вы можете избѣгнуть лишь въ томъ случаѣ, если всѣ нижепоименованныя статьи будутъ немедленно и безпрекословно приняты вашимъ правительствомъ.

1) Остатки дворца Юань-минъ-вань, гдѣ мучили англійскихъ подданныхъ, должны быть срыты до основанія.

2) 9 октября, не позже семи часовъ утра, въ англійскій лагерь должна быть представлена сумма въ 300000 ланъ серебра (600 тысячъ рублей) для выдачи ея, по усмотрѣнію Британскаго правительства, пострадавшимъ англійскимъ подданнымъ и ихъ семействамъ.

3) Въ составленной въ Тянь-Цзинѣ конвенціи, подписаніе которой должно произойти немедленно, будетъ сдѣлано добавленіе, что союзной арміи предоставляется право остаться въ Тянь-Цзинѣ, если правительство Англіи и Франціи признаютъ это полезнымъ.

4) Въ самомъ Тянь-Цзинѣ должно возвести безотлагательно, подъ охраной англійскаго и французскаго консульствъ, монументъ съ унизительной для Маньчжурскаго правительства надписью на Маньчжурскомъ и 2-хъ европейскихъ языкахъ—въ честь погибшихъ въ плѣну европейцевъ.

5) При торжественномъ перенесеніи тѣлъ, погибшихъ въ Тянь-Цзинѣ, а также при открытіи тамъ памятника, должны присутствовать самые высшіе китайскіе сановники.

6) Лица, виновные въ безчестномъ захватѣ англичанъ и французовъ, бывшихъ подъ охраной парла-

ментерскаго флага, должны подвергнуться самому примѣрному наказанію.

„Въ томъ случаѣ“,—писалъ далѣе посолъ,—если 7 октября въ 10 часовъ дня князь Гунъ не увѣдомитъ лорда Эльгина, что требуемая сумма будетъ передана 9 числа и что на другой день можетъ состояться подписаніе конвенціи и размѣнъ ратификацій Тянь Цзинскаго трактата, главнокомандующіе получатъ приказъ возобновить военныя дѣйствія. Пекинскій дворецъ будетъ, въ такомъ случаѣ, срытъ до основанія, война будетъ вестись энергически не только на сухомъ пути, но и на морѣ; таможенные доходы, получавшіеся пока китайскимъ правительствомъ въ южныхъ портахъ, перейдутъ въ руки союзниковъ, Кантонъ будетъ занятъ англійскими войсками, джонки съ рисомъ и прочими припасами, которые пока провозились до Пекина безпрепятственно, будутъ задерживаться и пускаться ко дну, и, въ концѣ концовъ, Маньчжурское правительство будетъ свергнуто съ престола“.

Закончивъ чтеніе своего проекта и прибавивъ, что его содержаніе неизвѣстно пока французскому послу, который, можетъ быть, пожелаетъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ его окончательной редакціи, Эльгинъ попросилъ посланника высказать о немъ свое мнѣніе. Игнатьевъ отвѣтилъ на это совершенно откровенно, что, отдавая полную справедливость логичности и основательности самаго проекта, онъ не можетъ однако одобрить его содержаніе. Прежде всего, замѣтилъ посланникъ, для Маньчжуръ будетъ почти невозможно выплатить въ скоромъ времени такое значительное количество серебра какое вы желаете отъ нихъ потребовать, въ виду того, что правительство,

покидая Пекинъ, захватило съ собой всѣ сокровища, бывшія у него подъ рукой. Кромѣ того, зная Маньчжурское правительство, можно съ увѣренностью сказать, что оно никогда не унизитъ себя добровольно въ глазахъ своего народа и не дастъ согласія на срытіе лѣтняго богдыханскаго дворца, на возведеніе позорнаго монумента и на присутствіе своихъ сановниковъ при погребальной церемоніи.

Миръ, основанный на униженіи народа, на увѣковѣченіи памятника этого униженія, на разрушеніи дворцовъ и расхищеніи народныхъ сокровищъ, не можетъ быть проченъ. Маньчжуры, жители Пекина и Тянь-Цзинской области, всегда будутъ помнить, что проявленіе цивилизаціи, силы и могущества европейцевъ выразилось въ разореніи, срытіи ихъ вѣковыхъ зданій, грабежѣ и насиліи.

Переведя затѣмъ разговоръ на свои личные планы, Игнатьевъ выразилъ опасеніе, что намѣреніе союзниковъ бомбардировать городъ или уничтожить Пекинскій дворецъ можетъ нарушить принятое имъ было рѣшеніе ѣхать въ столицу. „Я прибылъ сюда изъ Тунь-чжоу“ говорилъ онъ „въ полной увѣренности, что найду васъ и барона Гро уже въ Пекинѣ; возвращаться теперь обратно я не намѣренъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ я нахожу что мнѣ, какъ нейтральному дипломату, неприлично оставаться на бивуакѣ подъ городскими стѣнами, выжидая окончанія войны“.

Лордъ Эльгинъ былъ сильно озадаченъ такимъ неожиданнымъ заявленіемъ и явно недовольный что русскій посланникъ въѣдетъ въ Пекинъ раньше чѣмъ онъ, попробовалъ его уговаривать, подъ личиной дру-

жескаго участія не подвергать себя такому сильному и излишнему, по его мнѣнію, риску.

Вернувшись на кладбище, посланникъ немедленно откомандировалъ капитана Баллюзека въ столицу, чтобы извѣстить архимандрита Гурія о своемъ намѣреніи вступить въ столицу на слѣдующій день. Ночь рѣшено было провести на кладбищѣ. Полное отсутствіе какихъ либо съѣстныхъ припасовъ заставило послать людей искать ихъ въ окрестностяхъ. Ливній съ вечера дождь не переставалъ и на кладбищѣ дѣлалось жутко. Долгіе поиски не привели ни къ чему; всѣ ближайшія селенія были пусты; жители, боясь нападенія грабителей, разбѣжались. Въ концѣ концовъ пришлось послать, несмотря на поздную ночь, въ сѣверное подворье, чтобы добыть хотя хлѣба для утоленія мучившаго всѣхъ голода.

Сѣрое и холодное утро, смѣнившее непріятную ночь, прошло томительно. Съ минуты на минуту ожидалъ посланникъ возвращенія Татаринова и Баллюзека, которые должны были привести извѣстія о положеніи дѣлъ въ столицѣ, о настроеніи оставшихся въ ней войскъ и народонаселенія. Все это были существенные вопросы, имѣвшіе огромное значеніе затѣяннаго дѣла. Въ полдень вернулись, наконецъ, оба посланные и объявили печальную вѣсть что, они никого не видали и ничего не узнали. Обстоятельство это не заставило, однако, Игнатьева отложить свой въѣздъ въ столицу но, предварительно, онъ рѣшилъ повидать барона Гро, чтобы выѣдать отъ него результаты бывшей наканунѣ конференціи пословъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщить ему о принятомъ рѣшеніи.

Баронъ Гро принялъ это извѣстіе совершенно

иначе, чѣмъ его коллега; въ противность Эльгину, онъ съ жаромъ началъ просить Игнатьева въѣхать въ городъ какъ можно скорѣе, чтобы отыскать скрывающихся сановниковъ, уговорить ихъ возобновить переговоры и спасти этимъ династію и столицу. Подтвердивъ еще разъ неизмѣнность своего рѣшенія, Игнатьевъ разъяснилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, барону Гро тѣ трудности, съ которыми было сопряжено задуманное дѣло. „Благодаря хаотическому положенію“ говорилъ онъ, „въ которомъ находится столица, со времени бѣгства богдыхана и удаленія Гунъ-цинъ-вана, потребуется очень много усилій, а главное времени, чтобы привести дѣла въ ясность, добиться довѣрія китайцевъ, убѣдить ихъ отказаться отъ военныхъ дѣйствій, какъ разъ въ самое выгодное для нихъ время, когда приближаются ихъ естественные союзники морозы и сильные сѣверо-западныя вѣтра, свирѣпствующіе здѣсь въ это время“. Срокъ-же, опредѣленный лордомъ Эльгиномъ, для отвѣта на поставленный китайцамъ ультиматумъ, слишкомъ для того коротокъ; въ отвѣтъ на это, баронъ Гро началъ съ жаромъ увѣрять Игнатьева, что срокъ будетъ продленъ и пока просилъ расчитывать, что бомбардировка города ни въ какомъ случаѣ не начнется ранѣе 8-и дней. Впослѣдствіе оказалось, что Эльгинъ пересилилъ барона Гро и штурмъ Пекина долженъ былъ состояться не на 8-й день, а уже на 5-й послѣ въѣзда посланника въ столицу.

Оставалось рѣшить вопросъ съ какой стороны въѣзжать въ городъ. Изъ всѣхъ Пекинскихъ воротъ, были отворены только Анъ-динь-мынь-скія, ближайшія къ сѣверному подворью, занятыя англійскимъ и французскимъ карауломъ, расположеннымъ въ видѣ передово-

го поста, и юго западныя, черезъ которыя выпускалось и впускалось все народонаселеніе столицы; ворота эти охранялись Маньчжурскимъ воинствомъ и служили сообщеніемъ съ лагеремъ Шэнъ-бао и Сэнъ-Вана, расположеннымъ въ окрестностяхъ города и служившимъ временнымъ мѣстопребываніемъ для Гунъ-цинъ-вана. Всѣ остальные выходы были заперты, частью задѣланы и завалены землей, частью забаррикадированы. Выбирая одинъ изъ открытыхъ воротъ, посланникъ, конечно, предпочелъ бы проѣхать самостоятельно черезъ югозападныя, чтобы не пользоваться услугами союзныхъ карауловъ, охранявшихъ Анъ-динь-минъ, но для этого нужно было идти нѣсколько вереть внѣ городской стѣны, что было небезопасно въ виду непрекратившихся еще военныхъ дѣйствій. Анъ-динь-минъ-же представлялъ изъ себя другого рода опасность. Очень недовольный намѣреніемъ русскаго посланника въѣхать въ Пекинъ раньше его, лордъ Эльгинъ, являвшійся теперь однимъ изъ хозяевъ этихъ воротъ, могъ легко отдать приказаніе стѣнному карауду не пропускать никого въ городъ, что было бы вполнѣ оправдано и объяснено военной предосторожностью; въ крайнемъ случаѣ, если бы изъ-за подобнаго приказанія русскій посланникъ былъ-бы задержанъ въ воротахъ англійскимъ карауломъ, Эльгинъ могъ всегда взвалить всю вину на баталіоннаго командира, который завѣдывалъ воротами. Для посланника-же вопросъ этотъ имѣлъ большое значеніе: для него было въ высшей степени важно, чтобы его вступленіе въ Пекинъ, которое должно было произойти на глазахъ огромной китайской толпы, совершилось бы самымъ торжественнымъ образомъ и съ полнымъ почетомъ, всякое замѣша-

тельство, всякая задержка, происшедшая отъ союзниковъ, малѣйшее столкновеніе съ передовымъ ихъ карауломъ и цѣпью, могло скомпрометировать его въ глазахъ китайцевъ и даже испортить все дѣло, и по этому-то посланникъ и желалъ обезпечить за собой, по крайней мѣрѣ, косвенное содѣйствіе французовъ.

Чтобы пріучить европейскіе и китайскіе посты къ мысли, что русскіе имѣютъ право проѣзжать безпрепятственно чрезъ Ань-динь-мынскія ворота, нѣкоторые члены посольства, также простые казаки, посылались нѣсколько разъ наканунѣ и въ утро 4 октября въ городъ и обратно.

Какъ и слѣдовало ожидать, Монтобанъ принялъ въ намѣреніи Игнатьева такое-же участіе, какъ и баронъ Гро, посовѣтовавъ ему однако не ѣздить въ южное подворье, а становиться въ сѣверномъ, прибавивъ, что французскій баталіонъ, дежурящій у воротъ, будетъ всегда въ его полномъ распоряженіи и по малѣйшему его требованію моментально явится ему, въ случаѣ нужды, на выручку.

Обезпечивъ такимъ образомъ свое безпрепятственное вступленіе въ Пекинъ, Игнатьевъ заѣхалъ на кладбище, чтобы написать нѣсколько словъ Хопъ Гранту и лорду Эльгину. Англійскому главнокомандующему Игнатьевъ писалъ, что онъ согласенъ принять на русское кладбище тѣла погибшихъ англичанъ, о чемъ было говорено наканунѣ, сообщалъ, что могилы ихъ будутъ охраняться нашей духовной миссіей и просилъ прислать офицера, чтобы переговорить окончательно о мѣстѣ и времени погребенія. Лорду Эльгину Игнатьевъ сообщалъ что желаніе удостовѣриться существуетъ ли въ Пекинѣ кто либо изъ представителей

маньчжурской династіи и правительственныя учрежденія побуждаетъ его безотлагательно въѣхать въ городъ.

Въ 2½ часа посольство двинулось въ путь. Впереди парадныхъ носилокъ, въ которыхъ несли посланника, ѣхалъ офицеръ корпуса топографовъ Шимковичъ съ двумя казаками, возлѣ носилокъ секретарь Вольфъ и переводчикъ Батуманкуевъ, сзади 2 миссіонера и 6 казаковъ, а за ними, въ китайскихъ повозкахъ, Татариновъ и отецъ Архимандритъ. (Начальникъ штаба Монтобана полковникъ Шлицъ верхомъ проводилъ посланника до городскихъ стѣнъ, убѣждая его не рисковать вступленіемъ въ городъ). Наконецъ наступила торжественная минута вступленія въ Пекинскія ворота; хмурившееся все время небо, какъ нарочно, прояснилось и солнце выглянуло на минуту изъ облаковъ. Около самой стѣны на площадкѣ, между внутренними и внѣшними воротами, стояли англійскій и французскій баталіоны: когда носилки посланника приблизились къ нимъ то солдаты французскаго, а затѣмъ и англійскаго поста выстроились и взяли на карауль. Европейскія войска отдали честь въ присутствіи изумленныхъ китайцевъ. Начало было хоронее; быстро пройдя ворота, шествіе очутилось передъ протянутыми поперекъ улицы веревками, за которыми стояли орудія и китайское воинство, окруженное цѣлыми массами любопытныхъ. По заранѣе условленному сигналу Шимковичъ съ двумя казаками, бросились къ этимъ веревкамъ и опустили ихъ передъ паланкиномъ; китайская преграда была пройдена, толпа разступилась и посольство торжественно прослѣдовало, по главной улицѣ, къ южному подворью.

Весь переходъ отъ кладбища до подворья былъ сдѣланъ въ какихъ нибудь $1^1/_2$ часа. Нѣтъ надобности описывать радость, съ которой посольство было встрѣчено членами миссіи. Подворье имѣло блестящій и праздничный видъ, видимо здѣсь подготовились къ пріему дорогихъ гостей.

Едва успѣли отслужить молебенъ и сѣсть обѣдать, какъ отца Гурія вызвали изъ за стола: къ нему пришли китайцы Гао, одинъ изъ учителей русскихъ миссіонеровъ и чиновникъ Гуанъ, присланные отъ имени временной военной коммиссіи (Сюнь-фанъ-чу) управлявшей, со времени выѣзда богдыхана, Пекиномъ. Коммиссіи этой были поручены дѣла военныя, дипломатическія и административныя; она состояла изъ Жуйчана, стараго знакомаго, и бывшаго министра юстиціи, уполномоченнаго, который былъ теперь Тиду—генералъ-полицеймейстеръ столицы и въ то-же время предсѣдатель уголовной палаты Вэнъ-Сянъ; Бао,—президента палаты финансовъ, Линъ-Куя, Чэна, Ча—президента палаты церемоній и нѣкоторыхъ другихъ; всего 8 старшихъ и нѣсколько младшихъ сановниковъ; между ними отличались Хэнъ-Ци и Чунь Лунь. Гао и Гуань стали выѣдывать у отца Гурія дѣйствительную причину пріѣзда русскаго посланника и старались узнать, согласится ли онъ быть посредникомъ – примирителемъ между китайскимъ правительствомъ и союзниками, можетъ ли онъ спасти городъ отъ разворенія и грабежа? Отецъ Гурій, которому заранѣе было внушено, что говорить китайцамъ, отвѣчалъ, что русскій посланникъ давно уже предлагалъ свои услуги Маньчжурскому правительству, совѣтовалъ ему мириться, но правительство не послушалось его совѣтовъ, бла-

годаря чему страна и подверглась теперешнимъ бѣдствіямъ.

Выслушавъ внимательно отца Гурія, Гуанъ передалъ ему просьбу членовъ Сюнъ-фанъ-чу пожаловать къ нимъ въ тотъ же день вечеромъ на совѣщаніе.

Всѣ сановники были уже въ сборѣ, когда отецъ архимандритъ прибылъ на засѣданіе совѣта. На сдѣланное ему вторичное предложеніе объяснить настоящую причину пріѣзда Игнатьева въ Пекинъ, о. Гурій отвѣтилъ. Вамъ хорошо извѣстно, какое участіе принимала всегда Россія, въ судьбѣ Вашей имперіи. Теперь, когда она находится на краю гибели, когда самой столицѣ вашей грозитъ такая страшная опасность и можетъ быть полное разореніе, русскій посланникъ, забывъ всѣ вины Вашего правительства противъ него, поспѣшилъ въ Пекинъ, чтобы попытаться, еще одинъ послѣдній разъ спасти Вашу династію и столицу. Тогда сановники стали униженно просить отца Гурія уговорить Игнатьева принять на себя посредничество въ ихъ распрѣ съ англо-французами. Совѣтуя имъ обратиться непосредственно къ посланнику, съ оффиціальной просьбой о посредничествѣ, отецъ Гурій замѣтилъ, что они навѣрное не встрѣтятъ отказа, если ихъ просьба будетъ передана одновременно съ обѣщаніемъ исполнить, всѣ извѣстныя совѣту, законныя требованія Россіи. Намекъ этотъ вызвалъ оживленные споры между членами совѣта. Разобравъ всѣ предложенія, сдѣланныя Игнатьевымъ за время его перваго пребыванія въ Пекинѣ; они пришли въ концѣ концовъ къ заключенію, что въ крайнемъ случаѣ можно будетъ согласиться на утвержденіе русско-китайской границы по Амуру; объ уступкѣ же новыхъ обширныхъ земель

въ Маньчжуріи, родовой замлѣ ихъ царствующей династіи, не можетъ быть даже и рѣчи.

Послѣ отъѣзда архимандрита, китайскіе сановники совѣщались между собою цѣлую ночь и утромъ вся коммиссія, въ полномъ составѣ, явилась въ южное подворье.

Поздравляя посланника съ благополучнымъ пріѣздомъ и разсыпаясь въ любезностяхъ, китайцы выразили свою радость видѣть въ Пекинѣ, въ столь тревожную для себя минуту, посланника дружественной сосѣдней страны и просили дать имъ совѣтъ, какъ выйти изъ того затруднительнаго положенія, въ которое они поставлены. Ссылаясь на двухсотлѣтнюю дружбу Дайцинской имперіи съ Россіей, сановники высказали надежду, что посланникъ не откажется распутать ихъ дѣла съ союзниками. „Все толкуютъ они о мирѣ“, говорили китайцы, о торговлѣ, о дружбѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ подвигаютъ свои войска все ближе и ближе къ Пекину, разворяютъ насъ, грабятъ, выжигаютъ страну. Нѣсколько разъ доходили мы до мирныхъ переговоровъ; на волоскѣ были отъ подписанія трактата и каждый разъ дѣло разстраивалось вновь; мы готовы принять хоть сейчасъ всѣ предложенія союзниковъ, но, право, не знаемъ какъ взяться за дѣло, чтобы привести его къ положительному концу, какъ прекратить войну? Поглажите, что вы дѣйствительно добрые наши сосѣди, что вы желаете пользы Китаю и помогите намъ заключить миръ“.

Тогда Игнатьевъ представилъ коммиссіи, въ краткихъ и яркихъ выраженіяхъ, картину общаго хода событій. Доказавъ имъ справедливость требованій Россіи, описавъ могущество Русскаго Царя, значеніе, кото-

рымъ онъ пользуется въ глазахъ европейцевъ, онъ пояснилъ имъ непростительное ослѣпленіе Маньчжурскаго правительства. „Россія“, — говорилъ Игнатьевъ, — всегда принимавшая въ васъ живѣйшее участіе, не разъ давала вамъ благія совѣты, указывала какъ избѣжать бѣдственнаго положенія, въ которомъ вы находитесь за послѣдніе годы, но ваше правительство, вмѣсто того, чтобы слѣдовать этимъ совѣтамъ, слушало совѣты всякихъ негодныхъ людей, вродѣ Су-Шуня. 11 мѣсяцевъ прожилъ я напрасно въ Пекинѣ, дѣлалъ многократныя предложенія, явно клонившіяся къ вашей же пользѣ, но вы не обратили на нихъ вниманія и, вѣроятно, скрывали ихъ даже отъ богдыхана. Что нужно думать послѣ вашего отказа принять предложенное Россіей, усовершенствованное оружіе и инструкторовъ? Россія жестоко можетъ наказать васъ за неисполненіе ея законныхъ требованій, и отомститъ за то невниманіе, съ которымъ вы отнеслись къ ея представителю. Ей ничего не стоитъ нанести вамъ неотразимый ударъ, въ любое мѣсто вашего государства, соприкасающагося съ нашимъ на протяженіи 10000 верстъ. Вамъ извѣстно какъ много сухопутнаго войска имѣетъ Россія, извѣстно, что наша эскадра стоитъ въ Печилійскомъ заливѣ и все таки Россія не только не желаетъ воспользоваться настоящимъ вашимъ безвыходнымъ положеніемъ, но она готова даже доказать свое доброе къ вамъ расположеніе.

Вамъ прекрасно извѣстны требованія моего правительства, о которомъ написано уже столько бумагъ въ верховный совѣтъ. Назначьте уполномоченныхъ для рѣшенія вашихъ дѣлъ, обѣщайтесь слѣдовать нашимъ совѣтамъ въ вашихъ дѣйствіяхъ относительно союзни-

ковъ, и я ручаюсь, что Пекинъ будетъ спасенъ, что маньчжурская династія останется на престолѣ и что всѣ ваши дѣла устроятся наилучшимъ образомъ". Указавъ на огромныя средства европейцевъ, на слабость китайскихъ войскъ, на печальную участь, грозящую Пекину и престолу императора, Игнатьевъ заключилъ свою рѣчь словами: „Пора вамъ понять, что одна Россія искренно благопріятствуетъ маньчжурской династіи и что она одна можетъ спасти васъ".

Униженные пристыженные и оробѣлые, нѣкогда гордые и заносчивые сановники, стали усиленно просить Игнатьева о забвеніи всего прошлаго, сваливая всѣ вины на самодурнаго Су-Шуня, который своимъ упорствомъ, грубостью и ложнымъ взглядомъ на дѣло, погубилъ китайское государство: они обѣщались соблюсти свято всѣ трактаты, заключенные съ Россіей, и вновь повторили свою просьбу о посредничествѣ.

Тогда Игнатьевъ объяснилъ имъ, что лучшее время пропущено, что расчитывать на тѣ результаты, которыхъ можно было-бы добиться вначалѣ кампаніи, нельзя и что теперь остается лишь позаботиться о томъ, чтобы спасти Пекинъ отъ разворенія и удержать маньчжурскую династію на престолѣ. Обѣщаясь исполнить то и другое, Игнатьевъ не скрывалъ отъ сановниковъ всѣ трудности съ которыми ему придется столкнуться. „Вы такъ часто нарушали данныя Вами обѣщанія", говорилъ онъ, „что союзники съ трудомъ повѣрятъ искренности вашего желанія, заключить миръ, что-же касается вашего поступка съ плѣнными, то я не берусь его оправдать. Варварство, проявленное вами относительно ихъ, вызоветъ сильнѣйшее негодованіе не только въ Англіи и Франціи, но и въ Россіи и во

всѣхъ образованныхъ государствахъ и я, какъ русскій посланникъ, обязанный быть солидарнымъ со всѣми европейцами, буду наравнѣ съ прочими требовать удовлетворенія пострадавшимъ.

Во всякомъ случаѣ,—„закончилъ Игнатьевъ“,—я соглашусь выполнить вашу просьбу и выступлю посредникомъ между вами и союзниками только тогда, если вы обязуетесь исполнить слѣдующія мои требованія:

1) Чтобы Гунъ-цинь-ванъ обратился ко мнѣ немедленно съ письменной просьбой о посредничествѣ, дабы я могъ войти съ нимъ въ оффиціальныя сношенія.

2) Чтобы китайское правительство ведя переговоры съ европейцами, обо всемъ совѣтовалось-бы предварительно со мною, ничего отъ меня не скрывая.

3) Чтобы китайское правительство удовлетворило всѣмъ требованіямъ, предъявленнымъ мною, за время перваго моего пребыванія въ Пекинѣ именно: а) признало и утвердило бы договоръ Айгунскій, в) согласилось бы на проведеніе восточной границы по р. Уссури и до предѣловъ Кореи, а на западѣ по линіи постоянныхъ китайскихъ пикетовъ и с) разрѣшило бы учредить русскія консульства въ Кашгарѣ, Ургѣ и Цицикарѣ.

Я подвергнусь большой отвѣтственности передъ своимъ правительствомъ, закончилъ Игнатьевъ, если я займусь примиреніемъ союзниковъ съ Китаемъ и устройствомъ вашихъ дѣлъ, неимѣющихъ никакого значенія для Россіи, не позаботившись сначала объ огражденіи нашихъ собственныхъ интересовъ, коихъ я не смѣю забыть ни на одну минуту. Поэтому я не могу заняться Вашими дѣлами до тѣхъ поръ, пока не

получу отъ Гунъ-цинъ-вана удовлетворительнаго отвѣта о томъ, какъ будутъ приняты этотъ разъ мои требованія".

Китайскіе сановники не стали противорѣчить посланнику и обѣщались немедля довести обо всемъ до свѣдѣнія Гунъ-цинъ-вана, находившагося, по ихъ словамъ, за городомъ не въ дальнемъ разстояніи.

5-го октября происходили на нашемъ кладбищѣ торжественныя похороны англичанъ, замученныхъ въ плѣну у китайцевъ. Сочтя для себя неудобнымъ присутствовать лично при этой церемоніи, Игнатьевъ не воспользовался любезнымъ приглашеніемъ Хопъ Гранта и отправилъ, вмѣсто себя, Баллюзека, Вольфа и двухъ членовъ миссіи. Французы, получившіе такое-же приглашеніе, не приняли почему-то въ торжествѣ никакого участія. Погребальная процессія была обставлена очень торжественно: впереди шелъ отрядъ солдатъ съ опущенными ружьями, за ними слѣдовали музыканты, игравшіе похоронный маршъ, а сзади солдаты везли пушечные лафеты съ гробами, покрытыми національнымъ флагомъ. Начавшись около кумирни Хуанъ-Сы, близъ англійской главной квартиры, процессія прослѣдовала въ такомъ порядкѣ до нашего кладбища, гдѣ она была встрѣчена іеромонахомъ Александромъ съ крестомъ въ рукахъ.

6-го октября утромъ, члены временнаго совѣта прибыли въ подворье съ письменнымъ отвѣтомъ отъ Гунъ-цинъ-вана. Выражая русскому посланнику радость, съ которой онъ узналъ о его готовности принять участіе въ дѣлахъ Китая съ союзниками, уполномоченный писалъ, что онъ принимаетъ согласіе посланника за лучшее доказательство дружбы существую-

щей между Россіей и Китаемъ, свыше 200 лѣтъ, и вполнѣ увѣренъ, что дѣла съ Англо—Французами б,-дутъ улажены, на основаніи полной справедливости для обѣихъ сторонъ. Вручивъ бумагу уполномоченнаго, сановники прибавили на словахъ, что князь Гунъ, изъ боязни передъ союзниками, не рѣшается въѣхать въ городъ, но что если русскій посланникъ согласится принять его у себя въ подворьѣ, то онъ переѣдетъ къ нему немедленно. Конечно этого никакъ нельзя было допустить и потому Игнатьевъ, выразивъ посланнымъ свое полное удовольствіе имѣть князя у себя гостемъ объяснилъ имъ, что подобный шагъ сильно раздражилъ бы гордость англичанъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не принесъ бы дѣлу никакой пользы. Жалуясь на тревожность времени, Гунъ-цинъ-ванъ убѣждалъ посланника отложить рѣшеніе русскихъ дѣлъ до окончанія переговоровъ съ союзниками и убѣдительно просилъ его вѣрить на слово, что все будетъ исполнено своевременно, согласно его желанію.

Игнатьевъ возразилъ на это, что, въ сущности, проектъ трактата готовъ уже давно, что остается только назначить уполномоченныхъ для его разсмотрѣнія; но затѣмъ отвѣтилъ, что онъ принимаетъ въ соображеніе опасность, угрожающую Маньчжурскому правительству и, не желая увеличивать и безъ того большихъ затрудненій Гунъ-цинъ-вана, онъ готовъ повременить, чтобы заняться предварительно освобожденіемъ столицы отъ опасности и, оставаясь въ полной увѣренности, что уполномоченный сдержитъ свое слово исполнитъ обѣщанное.

Вопросъ о вознагражденіи пострадавшимъ плѣннымъ, встрѣтилъ со стороны членовъ коммиссіи нан-

большее противодѣйствіе. Завѣдывавшій палатою финансовъ Бао заявилъ, что вся казна увезена Су-Шунемъ и его братомъ, Д-жень-ваномъ, въ Жэ-хэ. Будучи вмѣстѣ съ тѣмъ управляющимъ загороднаго дворца Юань-минь-юань, за сожженіе котораго онъ былъ пониженъ въ чинѣ, Бао просилъ уговорить союзниковъ пощадить хотя остатки этого дворца, но Игнатьевъ нашелъ однако излишнимъ подымать подобные вопросы, отъ которыхъ, все равно, нельзя было ожидать удовлетворительнаго результата и замѣтилъ, что гораздо важнѣе приложить усилія къ тому, чтобы спасти, по крайней мѣрѣ, Пекинскій дворецъ, которому грозитъ такая же участь, какая постигла Юань-минь-юань, если Маньчжуры будутъ продолжать упорствовать по прежнему.

Отношенія сановниковъ къ рускому посланнику совершенно измѣнились противъ прежняго; они оказывали ему полное довѣріе и безпрекословно исполняли всѣ его совѣты. Одинъ только Хэнъ-Ци держалъ себя подозрительно; пользуясь своей репутаціей знатока иностранцевъ и будучи явнымъ сторонникомъ англичанъ, очень ловко выставлялъ онъ ихъ передъ глазами сановниковъ въ значительно лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ французовъ.

Вкусы Хэнъ-Ци отнюдь не соотвѣтствовали интересамъ Россіи и потому Игнатьевъ, боясь какъ бы англичане не воспользовались дружбой этого сановника, чтобы учредить надзоръ за его дѣйствіями, рѣшилъ принять соотвѣтствующія мѣры. Членамъ совѣта было сдѣлано должное внушеніе и Хэнъ-Ци былъ исключенъ изъ числа членовъ, назначенныхъ для переговоровъ. Кромѣ того сановники обѣщались никогда не

оставлять его наединѣ съ европейцами.

Въ тотъ же день князь Гунъ прислалъ Игнатьеву на разсмотрѣніе подлинные ультиматумы лорда Эльгина и барона Гро. Сравнивая ихъ съ проектомъ, прочитаннымъ Эльгинымъ наканунѣ его въѣзда въ Пекинъ, нельзя было не замѣтить нѣкотораго вліянія критики, съ которой отнесся къ нему Игнатьевъ.

Статья о сооруженіи унизительнаго памятника въ честь замученныхъ плѣнныхъ, противъ чего такъ сильно возсталъ Игнатьевъ, была исключена, всѣ остальныя требованія были оставлены почти безъ измѣненія. Цифра въ 300 тысячъ ланъ, потребованныхъ Эльгинымъ въ вознагражденіе за пострадавшихъ плѣнныхъ, была дополнена 200-ми тысячами ланъ въ пользу французовъ, что составило въ общемъ сумму около милліона рублей.

Давъ Игнатьеву прочесть эти документы, сановники начали съ заявленія, что требованія пословъ слишкомъ тяжелы и что правительство никакъ не можетъ на нихъ согласиться, но Игнатьевъ доказалъ имъ, что противиться въ данномъ случаѣ совершенно невозможно, убѣдилъ, что правительству волей не волей придется уступить большей части предъявленныхъ требованій англичанъ и французовъ и обѣщалъ выхлопотать лишь нижеслѣдующія уступки: 1) уговорить союзниковъ отсрочить уплату серебра, предложивъ воспользоваться для того таможенными доходами; 2) не требовать немедленнаго возвращенія земель, принадлежавшихъ нѣкогда католическимъ миссіонерамъ, а представить самому китайскому правительству передать ихъ постепенно и по мѣрѣ возможности; 3) не оставлять союзныхъ войскъ подъ Пекиномъ на всю зиму и отослать

ихъ по возможности скорѣе въ Шанхай; 4) не требовать наказанія чиновникамъ, виновнымъ въ плѣненіи англичанъ и французовъ тѣмъ болѣе, что Гуи-цинъ-ванъ уже предупредилъ это желаніе пословъ и лишилъ чина князя Сэнъ и Жуй-Ляна, главныхъ виновниковъ этого происшествія; 5) отговорить союзниковъ отъ разрушенія Пекинскаго дворца; 6) не занимать дворца князя I ст. Су, который баронъ Гро намѣтилъ, какъ будущее помѣщеніе для французскаго посольства; 7) просить лорда Эльгина и барона Гро вступить какъ можно скорѣе въ столицу, что будетъ принято, какъ доказательство искренняго желанія союзниковъ окончить военныя дѣйствія и 8) уговорить пословъ не брать при вступленіи въ Пекинъ болѣе 200 -300 человѣкъ конвоя.

Въ ожиданіи отвѣта на свои ультиматумы, союзники не оставались праздными и 7-го октября начали приводить въ исполненіе свою угрозу—снести до основанія остатки Хайденскаго дворца.

Испуганные сановники прибѣжали къ русскому посланнику и съ тревогой сообщили ему, что въ сторонѣ Юань-минь-юань видны огромные клубы дыма и что на городскихъ стѣнахъ, занятыхъ союзными войсками, замѣтна большая дѣятельность. Посланникъ успокоилъ ихъ насколько могъ и обѣщалъ съѣздить лично въ лагерь союзниковъ, переговорить обо всемъ съ послами и убѣдить ихъ не принимать никакихъ рѣшительныхъ мѣръ.

Заѣхавъ сначала въ сѣверное подворье, которое Игнатьевъ не успѣлъ еще посѣтить, онъ отправился, согласно обѣщанію повидать союзниковъ. Съ радостью встрѣченный обоими послами, онъ разсказалъ имъ въ

какомъ положеніи находятся дѣла въ Пекинѣ, выразилъ надежду на скорое водвореніе порядка въ столицѣ и, съ должной увѣренностью, обѣщалъ убѣдить китайскихъ сановниковъ согласиться на требованія союзниковъ, если только лордъ Эльгинъ и баронъ Гро, въ свою очередь, не будутъ слишкомъ настойчивы и, въ доказательство искренняго желанія мира, откажутся отъ штурма столицы. Послы согласились на это съ готовностью, обѣщавъ отсрочить назначенный на слѣдующій день штурмъ городскихъ стѣнъ, если Игнатьевъ увѣдомитъ ихъ, что китайцы пришлютъ своевременно удовлетворительный отвѣтъ на посланный имъ ультиматумъ. Въ особенности горячо поддерживалъ Игнатьева баронъ Гро, увѣрявшій, что онъ съумѣетъ удержать Эльгина отъ слишкомъ воинственныхъ стремленій. Стараясь убѣдить союзниковъ въ весьма неудовлетворительномъ состояніи финансовъ страны, посланникъ посовѣтовалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, распредѣлить контрибуцію такимъ образомъ, чтобы тяжесть ея уплаты легла не на простой народъ, который она приведетъ въ еще большее раздраженіе противъ европейцевъ, а на самихъ виновниковъ варварскаго обращенія съ плѣнными, какъ напримѣръ на Джень-вана, Су-Шуня и другихъ сановниковъ.

Пользуясь тѣмъ же свиданіемъ съ послами, Игнатіевъ вновь возбудилъ вопросъ о безполезности водворенія постоянныхъ резидентовъ въ Пекинѣ. Эльгинъ началъ уже соглашаться, что англійскіе интересы ничего не выиграютъ, если Брюсъ будетъ водворенъ въ столицѣ уже теперь и склоняясь къ тому, чтобы оставить его пока въ Тянь-Цзинѣ, предоставивъ ему право пріѣзжать въ Пекинъ въ случаѣ надобности.

Но Гро оказался менѣе сговорчивымъ, слѣдуя внушенію католическихъ миссіонеровъ и, желая ознаменовать свое посольство крупнымъ покровительствомъ католической пропагандѣ, онъ упорно настаивалъ, чтобы Брюсъ и Бурбулонъ были водворены въ китайской столицѣ тотчасъ же по заключеніи мира Онъ дѣйствовалъ въ томъ же духѣ и на лорда Элгина, убѣждая его въ невозможности оставить русскую духовную миссію одну въ китайской столицѣ. Немалыхъ трудовъ стоило Игнатьеву убѣдить Гро, что для Бурбулона будетъ гораздо лучше, если онъ останется еще нѣсколько мѣсяцевъ въ Тянь-Цзинѣ.

VI.

Какъ только посланникъ вернулся къ себѣ въ подворье, къ нему тотчасъ же явились китайскіе сановники, съ величайшимъ нетерпѣніемъ и тревогой распрашивая его о поѣздкѣ въ лагерь союзниковъ, о вынесенныхъ имъ оттуда впечатлѣніяхъ; они убѣдительно просили дать имъ окончательный совѣтъ, какъ поступить чтобы избѣгнуть штурма столицы, назначеннаго на слѣдующій день.

Разрушеніе загороднаго дворца Юань-минъ-вань, надъ которымъ видѣлись еще облака пыли и дыма, свидѣтельствующаго о взрывахъ и его стѣнъ, произвело сильнѣйшее впечатлѣніе на китайскихъ сановниковъ, замѣтно упавшихъ духомъ. Видно было, что они готовы идти на какія угодно уступки, лишь бы спасти Пекинскій дворецъ отъ подобной же участи.

Порадовавъ ихъ извѣстіемъ, что послы согласны удовлетворить большой части непрошенныхъ имъ уступокъ, Игнатьевъ упомянулъ вмѣстѣ съ тѣмъ о твердомъ

намѣреніи англичанъ зимовать съ войскомъ въ Пекинѣ, гдѣ они и рѣшили оставить постояннаго резидента, чтобы вполнѣ торжествовать свою побѣду и довершить униженіе Маньчжурскаго правительства.

Пользуясь впечатлѣніемъ, которое произвело на китайцевъ это послѣднее извѣстіе, посланникъ обнадежилъ ихъ, что онъ постарается отговорить англичанъ отъ принятаго рѣшенія, хотя сдѣлаетъ это только въ томъ случаѣ, если сановники, гарантируютъ ему, что всѣ дѣла Россіи будутъ устроены вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ. „Если союзники,—добавилъ Игнатьевъ,—отложатъ свое намѣреніе и пришлютъ своихъ министровъ резидентовъ не раньше весны, то въ такомъ дѣйствіи не будетъ ничего унизительнаго для богдыхана. Если же иностранные послы водворятся въ Пекинѣ теперь, какъ побѣдители, то богдыханъ не можетъ вернуться въ свою столицу, не роняя своего достоинства“.

Выслушавъ почтительно это разъясненіе посланника, сановники попросили его прочесть проектъ бумаги, составленной въ отвѣтъ на послѣдній ультиматумъ союзниковъ. Ни въ чемъ не отступая отъ своей обычной фразеологіи, они не высказали въ ней ничего положительнаго, что отнюдь не соотвѣтствовало обстоятельствамъ. Разъяснивъ сановникамъ, что подобный отвѣтъ неминуемо приведетъ союзниковъ въ сильнѣйшее раздраженіе и немедленно же вызоветъ бомбардировку столицы, Игнатьевъ далъ имъ должныя указанія для новой его редакціи, послѣ чего сановники, взявъ свой проектъ сбратно, уѣхали къ Гунъ-цинъ-вану, обѣщаясь уговорить его исправить бумагу въ указанномъ смыслѣ. Въ 9-мъ часу они вновь уже были въ подворьѣ; передавая посланнику глубокую бла-

годарность Гунъ-цинъ-вана, они вручили ему отвѣтъ, написанный этотъ разъ совершенно удовлетворительнымъ образомъ и словесно добавили еще слѣдующія новыя просьбы:

1) Передать англичанамъ, что ввиду полнаго отсутствія въ казнѣ серебра, оно будетъ набрано у разныхъ сановниковъ по частямъ и потому не можетъ быть совершенно одинаковаго достоинства.

2) Послать нѣсколько казаковъ въ распоряженіе палаты финансовъ, для конвоированія серебряныхъ слитковъ, которые нужно перевезти въ лагерь союзниковъ.

3) Не надѣясь доставить отвѣтъ на ультиматумъ союзниковъ къ назначенному ими часу, предупредить ихъ, чтобы, по истеченіи срока, они не открыли бы огонь по городскимъ стѣнамъ.

4) Просить союзниковъ не ввозить въ столицу тѣла своихъ умершихъ (въ плѣну у китайцевъ,) т. к. этимъ будутъ осквернены религіозные обычаи, за нарушеніе которыхъ всѣ сановники, несъумѣвшіе предотвратить подобнаго позора, неминуемо подвергнутся казни.

Игнатьевъ конечно обѣщалъ исполнить всѣ эти, такъ легко исполнимыя для него просьбы, относительно же умершихъ сказалъ, что онъ заранѣе предвидѣлъ всѣ эти затрудненія и еще раньше предложилъ союзникамъ похоронить тѣла своихъ умершихъ на русскомъ кладбищѣ. Въ заключеніе совѣщанія, китайскіе сановники еще разъ просили посланника отвѣтить имъ самымъ положительнымъ образомъ: можетъ ли онъ поручиться, что, если они изъявятъ готовность принять ультиматумъ, съ союзниками, не произойдетъ

новаго разрыва, какъ то уже было въ Тянь-Цзинѣ и въ Тунъ-чжоу, что союзники поступятъ честно и не воспользуются мирнымъ вступленіемъ войскъ въ городъ, чтобы захватить вѣроломно дворцы и присутственныя мѣста.

Игнатьевъ, конечно, отвѣтилъ имъ утвердительно, добавивъ, что до тѣхъ поръ пока онъ, русскій посланникъ, находится въ городѣ и пока сановники будутъ слушаться всѣхъ его совѣтовъ, до тѣхъ поръ онъ ручается, что столица и дворецъ останутся не тронутыми, что миръ будутъ соблюденъ, что войска будутъ удалены въ Тянь-Цзинъ, какъ только послы вступятъ въ городъ со своимъ конвоемъ. Китайскіе сановники вполнѣ удовлетворились этимъ отвѣтомъ и тотчасъ же поспѣшили къ Гунъ-цинъ-ванъ, чтобы дать ему на подпись окончательно составленный и вполнѣ одобренный Игнатьевымъ отвѣтъ. Было уже за полночь. Отпустивъ отъ себя сановниковъ, посланникъ извѣстилъ Гро и Эльгина о достигнутыхъ имъ результатахъ и просилъ принять мѣры, чтобы съ утра не началась по какому нибудь недоразумѣнію, стрѣльба по городу. Отвѣтъ китайскихъ уполномоченныхъ также пришелъ во время и былъ доставленъ въ главную квартиру, согласно требованію Игнатьева, еще до 7 часовъ утра. Все обошлось прекрасно; въ лагерѣ союзниковъ не произошло никакихъ замѣшательствъ и вопросъ о бомбардировкѣ Пекина былъ окончательно отложенъ.

Въ тотъ же день около полудня китайскіе сановники собрались въ южномъ подворьѣ, чтобы принести русскому посланнику коллективную благодарность за содѣйствіе къ примиренію съ союзниками и за спасеніе города и жителей отъ раззоренія.

Съ этого момента вновь возобновились переговоры о мирѣ. Со стороны англичанъ были назначены тѣ-же: Уэдъ и Паркесъ, со стороны французовъ патеръ Деламарръ, католическій миссіонеръ изъ Сы-чу-а-на, состоящій при баронѣ Гро и драгоманъ посольства, баронъ Мерритенсъ. Китайцы назначили Хэшъ-Ци и двухъ другихъ, менѣе важныхъ, чиновниковъ. Переговоры приняли постепенно вполнѣ спокойный и нормальный характеръ. Если между договаривающимися возникали какія нибудь недоразумѣнія или споры, то всякій разъ обѣ стороны обращались къ русскому посланнику за совѣтами. Китайцы же вообще ничего не предпринимали, не посовѣтовавшись предварительно съ Игнатьевымъ, давъ ему такимъ образомъ полную возможность руководить всѣмъ ходомъ переговоровъ. Относительно союзниковъ Игнатьевъ строго придерживался правила дѣлать имъ внушенія только частнымъ, совершенно неоффиціальнымъ, путемъ. Такой образъ дѣйствій имѣлъ значительныя преимущества: во первыхъ онъ не затрогивалъ ихъ самолюбія и не возбуждалъ зависти къ слишкомъ выгодному положенію русскихъ, а во вторыхъ, лишалъ китайцевъ возможности обвинить впослѣдствіи русскихъ въ томъ, что они потворствовали домогательству западныхъ державъ, чѣмъ принесли большой вредъ Китаю. Кромѣ того можно было съ увѣренностью сказать, что англійскій посолъ только въ крайности и съ большимъ неудовольствіемъ согласился бы на оффиціальное посредничество Россіи въ дѣлахъ Англіи съ Китаемъ; навязывать же на себя подобную роль безъ желанія всѣхъ безъ исключенія заинтересованныхъ сторонъ, было бы несообразно съ достоинствомъ Россіи.

Оффиціальное посредничество, удовлетворяя исключительно пустое тщеславіе, отнюдь не могло принести русскому дѣлу большую пользу. Имѣя въ своихъ рукахъ нити переговоровъ, посланникъ могъ и безъ того слѣдить совершенно свободно за всѣми намѣреніями европейцевъ, ограждая съ успѣхомъ русскіе интересы и не нарушая при этомъ добрыхъ отношеній ни съ англичанами, ни съ французами, ни съ китайцами.

Въ числѣ спорныхъ пунктовъ, возникшихъ между договаривавшимися сторонами, выдѣлился вопросъ о цереманіалѣ. Эльгинъ требовалъ, чтобы подписаніе трактата происходило бы въ Цзинъ-Шанѣ, священномъ мѣстѣ, гдѣ временно сохранились гроба умершихъ императоровъ и императрицъ, и чтобы при въѣздѣ и выѣздѣ посольствъ въ Пекинъ, въ лагерѣ союзниковъ производился-бы орудійный салютъ.

Китайцы не соглашались ни на одно изъ этихъ требованій. Тщетно стараясь убѣдить англичанъ отказаться отъ этихъ условій, китайцы обратились, наконецъ, за содѣйствіемъ къ русскому посланнику, который и объяснилъ Эльгину, что фактъ подписанія трактата въ Цзинъ-Шанѣ будетъ объясненъ китайцами какъ большое униженіе для народа и очень важное отступленіе отъ принятыхъ при дворѣ обычаевъ. Въ концѣ концовъ посолъ согласился подписать трактатъ въ палатѣ церемоній. (Ли-бу), на которую китайцы указывали ему и раньше. Отъ салютовъ, при въѣздѣ и выѣздѣ изъ Пекина, онъ также отказался, какъ только ему было объяснено, что выстрѣлы сильно напугаютъ и встревожатъ народонаселеніе столицы.

Проектъ трактата, предложенный лордомъ Эльгинымъ еще въ Тянь-Цзинѣ, былъ нѣсколько измѣненъ

къ ст. 5 было прибавлено, что китайское правительство не будетъ препятствовать своимъ подданнымъ отправляться на работы въ англійскія владѣнія или другія мѣста, лежащія внѣ Китая, и заключать съ англійскими подданными контракты; къ ст. 6 дополнено: „Дайцинскій императоръ даритъ королевѣ Англіи въ потомственное владѣніе мѣстечко Цзю-лунъ-сы, которое должно войти въ границу Гонгъ-Конга.“ Такимъ образомъ новымъ трактатомъ укрѣпились территоріальныя права англичанъ на Гонгъ-Конгѣ; китайцамъ же предоставлялось право на переселеніе.

12-го октября должно было произойти въ палатѣ церемоній торжественное подписаніе англо-китайскаго трактата. Наканунѣ этого дня китайскіе сановники пріѣхали еще разъ въ южное подворье, чтобы выразить посланнику, насколько Гунъ-цинъ-вачъ, продолжающій по прежнему относиться къ союзникамъ съ большимъ недовѣріемъ, боится вернуться въ столицу. Больше всего опасенія внушало ему появленіе въ Пекинѣ множества солдатъ, которые должны были сопровождать англійскаго посла. Въ послѣдній моментъ лордъ Эльгинъ измѣнилъ свое прежнее намѣреніе ограничить конвой посольства 500-ми человѣкъ и рѣшилъ взять съ собою цѣлыхъ 3000 солдатъ, чтобы разставить ихъ по улицамъ шпалерами.

Аккуратно, въ условленный часъ, Гунъ-цинъ-ванъ прибылъ со своими сановниками въ палату церемоній, но англійскій посолъ былъ менѣе точенъ. Прошло цѣлыхъ 4 часа, а посольство все еще не показывалось; китайцы начали терять терпѣніе и наконецъ Гунъ-цинъ-ванъ послалъ въ русское подворье Ціана, управляющаго палатой церемоній, спросить русскаго посланника

ника: не лучше ли сановникамъ вернуться домой, ввиду столь явнаго нежеланія англійскаго посла приступить къ подписанію трактата.

Ціяна успокоили насколько могли и тотчасъ же отправили Пещурова въ лагерь англичанъ, чтобы узнать причину происшедшей задержки и поторопить, если можно, лорда Эльгина. Пещуровъ встрѣтился съ процессіею уже на улицахъ Пекина. Прошелъ еще часъ, пока англійское посольство не вступило наконецъ въ палату церемоній.

Шествіе было весьма торжественно: лорда Эльгина несли въ очень богатыхъ парадныхъ носилкахъ, которымъ предшествовала (почему то) музыка, за посломъ слѣдовала свита и конвой изъ 500 человѣкъ. Самый актъ подписанія прошелъ быстро, безъ всякихъ затрудненій. Лордъ Эльгинъ держалъ себя крайне гордо и надменно, Гунъ-цинь-ванъ же, выказавшій большое смущеніе и страхъ передъ началомъ аудіенціи, вполнѣ сохранилъ свое достоинство.

На слѣдующій день, въ 2 часа дня, состоялся совершенно въ томъ же порядкѣ актъ подписанія франко-китайскаго трактата. По окончаніи церемоніи, начальникъ штаба французскихъ войскъ полковникъ Шмитцъ прибылъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми офицерами, къ русскому посланнику. Передавая сердечный привѣтъ отъ барона Гро, Шмитцъ прибавилъ отъ себя, что весь французскій экспедиціонный корпусъ прекрасно знаетъ въ какой степени они всѣ обязаны ему, русскому посланнику, скорымъ и благополучнымъ окончаніемъ блестящаго, по ихъ мнѣнію, похода. На слѣдующій же день Гро прислалъ посланнику копію съ ратификаціи трактата.

Окончаніемъ дѣлъ союзниковъ съ Китаемъ и завершилась лишь подготовительная работа Игнатьева. Пора было приниматься за главную свою задачу, ратификацію русско-китайскаго договора. Прежде всего нужно было добиться удаленія изъ столицы союзныхъ войскъ и самихъ пословъ, присутствіе которыхъ въ Пекинѣ могло помѣшать успѣшному ходу переговоровъ. Поселившись въ столицѣ, англійскій посолъ, пользуясь отсутствіемъ твердаго и правящаго правительства и близостью союзныхъ войскъ, могъ легко сдѣлаться полновластнымъ распорядителемъ судебъ Китайской Имперіи. Если же пребываніе посольства въ столицѣ затянулось бы на долго, то въ такомъ случаѣ отъ вниманія посла, конечно, не скрылось бы ничтожное положеніе нашей миссіи, что могло отозваться очень невыгодно на нашихъ интересахъ.

Чтобы ускорить выступленіе войскъ изъ Пекина, Игнатьевъ воспользовался вліяніемъ, которое онъ успѣлъ пріобрѣсти постепенно надъ англійскимъ главнокомандующимъ Хопъ-Грантомъ и постарался его напугать скорымъ наступленіемъ морозовъ и періодомъ сѣверозападныхъ холодныхъ вѣтровъ, которые кстати уже начали задувать.

Хопъ-Грантъ отнесся очень внимательно къ совѣтамъ русскаго посланника и, ссылаясь на суровый климатъ Пекина, неблагопріятно отзывающійся на здоровьи солдатъ и въ особенности сиковъ, привыкшихъ къ жаркому климату Индіи, настойчиво потребовалъ отъ Эльгина, чтобы эвакуація войскъ началась-бы какъ можно скорѣе. Въ концѣ концовъ Эльгинъ долженъ былъ уступить и выступленіе союзныхъ войскъ было назначено на 18 октября.

VII.

Какъ только мирные трактаты союзниковъ были подписаны и китайское правительство вздохнуло на конецъ свободно, Игнатьевъ немедленно-же поднялъ вопросъ о возобновленіи переговоровъ о дѣлахъ Россіи. Поздравляя Гунъ-цинъ-вана съ благополучнымъ окончаніемъ дѣлъ, и обращая его вниманіе на свое участіе въ нихъ, посланникъ выразилъ надежду, что теперь, когда для Маньчжурскаго правительства кончилось столь трудное время, сановникъ найдетъ возможнымъ назначить, согласно данному обѣщанію, уполномоченныхъ для совѣщанія о дѣлахъ, касающихся Россіи.

Гунъ цинъ-ванъ тотчасъ же отвѣтилъ, что желаніе посланника уже предупреждено и что президенту уголовной палаты Жуй и совѣтникамъ Линъ, Бао и Чэнъ, назначеннымъ для этой цѣли, предложено явиться, какъ можно скорѣе въ русское подворье.

Желая сохранить, по возможности, вѣрнѣе предстоящіе переговоры въ секретѣ, Игнатьевъ позаботился чтобы Хэнъ-Ц[illegible], въ неблагонадежности котораго онъ имѣлъ основаніе сомнѣваться, не былъ бы назначенъ въ число членовъ совѣщательной коммиссіи. Остальнымъ уполномоченнымъ онъ пояснилъ какой вредъ можетъ произойти для нихъ самихъ, если иностранные представители узнаютъ о чемъ переговариваются они съ русскими. „Союзники“,—говорилъ посланникъ,—не имѣютъ никакого представленія о нашихъ дѣлахъ съ вами и совершенно увѣрены, что весь Приморскій край давно уже принадлежитъ Россіи, если же теперь они узнаютъ, что дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе, то изъ

зависти и желанія не отстать отъ насъ, они способны пренебречь тѣмъ, что трактаты уже подписаны и предъявятъ вамъ новыя требованія.“

15-го октября китайскіе уполномоченные впервые явились въ наше подворье. Передавая посланнику отъ имени Гунъ-цинъ-вана глубочайшую благодарность за содѣйствіе, оказанное ему въ дѣлахъ съ союзниками, сановники выразили готовность приступить немедленно къ разсмотрѣнію всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые русскому посланнику будетъ угодно предложить. Въ отвѣтъ на это Игнатьевъ вручилъ имъ для свѣдѣнія слѣдующіе 3 документа: 1) краткую записку съ изложеніемъ сущности требованій Россіи, 2) карту съ точнымъ обозначеніемъ восточной пограничной черты, проведенной на мѣстѣ полковникомъ генеральчаго штаба Будогосскимъ и 3) проектъ трактата, въ который вошло вмѣсто 6 статей, предъявленныхъ Су-Шуню въ 59 году, XV новыхъ.

Документы были переведены для ясности на китайскій и маньчжурскій языки, на картѣ же названія мѣстъ были написаны по маньчжурски.

Главныя требованія Игнатьева заключались по прежнему въ томъ, чтобы сухопутная граница Россіи съ Китаемъ была точно опредѣлена какъ на востокѣ такъ и на западѣ, чтобы торговлѣ обѣихъ государствъ были даны новыя права и чтобы всѣ статьи прежнихъ трактатовъ, не удовлетворяющія настоящему времени, были бы замѣнены новыми.

Первая конференція съ китайскими уполномоченными прошла въ жаркихъ спорахъ; китайцы горячо отстаивали свои интересы и ни за что не соглашались на проведеніе восточной границы, согласно картѣ

Будогосскаго, хотя видно было, что многія возраженія дѣлались ими единственно съ цѣлью поддержать, свойственное имъ горделивое достоинство. Конференціи происходили ежедневно; являясь въ подворье часовъ въ 9—10, уполномоченные оставались тамъ до 5—7 часовъ по полудни. Чтобы избѣгнуть случайной встрѣчи сановниковъ съ европейцами, которые часто стали появляться въ южномъ подворьѣ, уполномоченныхъ никогда не приглашали въ помѣщеніе посланника, а вели съ ними переговоры въ комнатахъ начальника духовной миссіи; ввидѣ предосторожности-же предложили имъ, разъ на всегда, отсылать свои носилки на время совѣщанія домой и не оставлять ихъ во дворѣ посольства. Большая часть переговоровъ велась Татариновымъ и Архимандритомъ Гуріемъ, которые по очереди сообщали посланнику о томъ какъ идутъ дѣла, передавали отвѣты и возраженія китайцевъ и затѣмъ, получивъ соотвѣтствующія инструкціи и указанія посланника, продолжали, прерванное на время, совѣщаніе.

Руководя переговорами съ китайцами, Игнатьевъ не переставалъ слѣдить съ напряженнымъ вниманіемъ за дѣйствіями союзниковъ. Вопросъ объ учрежденіи постояннаго резиденства въ китайской столицѣ, принявшій было столь благопріятный для русскихъ интересовъ оборотъ, принялъ совершенно неожиданно какъ разъ противоположный характеръ. Догадавшись, повидимому, изъ тона писемъ Эльгина, что русскій посланникъ имѣетъ слишкомъ большое вліяніе на брата и опасаясь невыгоднаго для англійскихъ интересовъ поворота дѣлъ, Брюсъ рѣшилъ убѣдиться въ этомъ лично и отправился въ Тянь-Цзинъ, куда и прибылъ совершенно для всѣхъ неожиданно 14-го октября (новаго стиля).

Пораженный полученнымъ здѣсь извѣстіемъ что союзная армія уже выступаетъ, вопреки его самымъ настойчивымъ требованіямъ, изъ Пекина, Брюсъ пробылъ въ Тянь-Цзинѣ всего нѣсколько часовъ, сѣлъ верхомъ, захватилъ съ собой конвой изъ 200 всадниковъ и небольшой обозъ и пошелъ далѣе. 17 октября онъ былъ уже въ Пекинѣ.

Въ тотъ же день Эльгинъ свелъ брата къ русскому посланнику. Встрѣча съ Брюсомъ была столь же неожиданна, сколько и непріятна. Игнатьевъ сразу понялъ, что все то полезное для русскихъ интересовъ вліяніе надъ англійскимъ посломъ, которое онъ пріобрѣлъ такими долгими усиліями, могло исчезнуть въ самое короткое время.

Объяснивъ довольно неопредѣленно причины, побудившія Брюса, прибыть такъ неожиданно въ столицу Эльгинъ сразу началъ съ того, что братъ его слышать ничего не хочетъ о возвращеніи въ Тянь-Цзинъ и что онъ желаетъ быть водвореннымъ въ Пекинѣ, во что бы то ни стало, теперь-же. Прося Игнатьева убѣдить Брюса въ невыполнимости подобнаго требованія, Эльгинъ сознался, что доводы брата кажутся ему настолько вѣскими и положительными, что онъ самъ начинаетъ колебаться несмотря на твердо принятое было рѣшеніе отложить вопросъ до весны.

Игнатьевъ былъ поставленъ подобной просьбой въ довольно затруднительное и щекотливое положеніе: поспѣшивъ заявить что онъ не считаетъ себя вправѣ давать англійскому посланнику что либо похожее на совѣтъ, онъ изъявилъ однако готовность высказать свое совершенно откровенное мнѣніе по вопросу, ко-

торый столько же интересуетъ Англію сколько и всю Европу.

„Вполнѣ раздѣляя вашъ взглядъ на значеніе, которое имѣетъ для страны водвореніе постоянныхъ представителей иностранныхъ державъ въ Пекинѣ, я глубоко убѣжденъ,“- говорилъ Игнатьевъ, что дружескія сношенія съ страной возможны только тогда, если эти представители водворятся въ столицѣ не иначе какъ по приглашенію и съ согласія китайскаго правительства. Условіе это будетъ явно нарушено если Брюсъ останется въ Пекинѣ уже теперь и впослѣдствіи китайцы никогда не пропустятъ случая упомянуть, что англійскій посланникъ въѣхалъ въ столицу пользуясь насильственнымъ занятіемъ воротъ и присутствіемъ союзныхъ войскъ.

Положеніе вещей можетъ ухудшиться еще болѣе если Богдыханъ послушаетъ своихъ сановниковъ и откажется, разъ навсегда, вернуться въ оскверненную варварами столицу, избравъ себѣ какую нибудь другую резиденцію, гдѣ нибудь въ Монголіи или Маньчжуріи поближе къ Русскимъ владѣніямъ.

Наша общая задача заключается въ томъ, чтобы успокоить прежде всего народонаселеніе оживить торговлю, а главное содѣйствовать скорѣйшему возвращенію въ столицу Богдыхана, верховнаго совѣта и министровъ.

Есть еще и другія причины, мѣшающія привести въ исполненіе желаніе Брюса именно теперь: китайцы. которые не могутъ себѣ представить, чтобы иностранный посолъ могъ въѣхать въ столицу иначе какъ съ должнымъ почетомъ, по строго-соблюденному этикету, въ назначенное заранѣе время, съ большимъ трудомъ

повѣрятъ, что Брюсъ, въѣхавшій въ столицу такъ вне запно съ 200 дьяволовъ, какъ китайцы называютъ сипаевъ, есть дѣйствительно уполномоченный англійской королевы, а не простой военачальникъ.

Брюсу нужно быть особенно осторожнымъ съ китайцами послѣ событій 58 г. и той роли, которую онъ игралъ тогда въ Тянь-Цзинѣ и Таку, чего не могутъ забыть въ Китаѣ. „Что касается меня"—закончилъ Игнатьевъ,—то хотя я и поставленъ, благодаря давнему пребыванію русской миссіи въ Пекинѣ въ иное положеніе нежели представители Англіи и Франціи, я всетаки не буду зимовать въ Пекинѣ. Будучи убѣжденъ, что интересы моего государства скорѣе выиграютъ отъ моего временнаго удаленія, я рѣшилъ выѣхать въ Россію и во всякомъ случаѣ оставлю столицу черезъ нѣсколько дней какое бы рѣшеніе ни приняли англійскій и французскій послы.

Въ концѣ концовъ все осталось по старому. Брюсу было предложено зимовать въ Тянь-Цзинѣ, откуда онъ долженъ былъ переѣхать въ Пекинъ весною будущаго года когда будетъ изготовлено удобное и приличное помѣщеніе для англійской миссіи.

Чтобы разсѣять окончательно сомнѣнія, зародившіеся въ Эльгинѣ, благодаря словамъ брата, Игнатьевъ отправился, на слѣдующій день, послѣ описаннаго разговора къ барону Гро которому онъ ясно далъ понять насколько фальшивымъ окажется положеніе оставшагося въ Тянъ-Цзинѣ Бурбулона, если прибывшій въ Пекинъ Брюсъ останется въ немъ зимовать. Гро согласился съ мнѣніемъ Игнатьева и въ свою очередь заговорилъ про необходимость отложить вопросъ о водвореніи постоянныхъ резидентовъ до весны.

Выступленіе союзныхъ войскъ затянулось. Относясь къ китайцамъ съ прежнимъ недовѣріемъ, Эльгинъ объявилъ имъ что союзная армія останется въ Пекинѣ до тѣхъ поръ, пока заключенный съ Богды-ханомъ трактатъ не будетъ обнародованъ, послѣ чего китайское правительство, желавшее избавиться какъ можно скорѣе отъ докучливыхъ гостей, поторопилось отпечатать тексты трактатовъ, которые были расклеены на огромныхъ листахъ по стѣнамъ домовъ и на видныхъ мѣстахъ города. Войска выступили 24 октября. На слѣдующій же день китайское правительство, желая отпраздновать свое избавленіе отъ европейскихъ варваровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы показать народу, что оно само прогнало враговъ, распорядилось чтобы въ лагерѣ, расположенномъ въ окрестностяхъ города, была произведена стрѣльба изъ пушекъ.

Переговоры посланника съ уполномоченнымъ подвигались между тѣмъ съ обычной въ Китаѣ медленностью. Весьма недовольный подобнымъ положеніемъ вещей, Игнатьевъ обратился наконецъ къ сановникамъ со слѣдующимъ заявленіемъ: „Имѣя намѣреніе извѣстить моего Государя объ окончаніи, заботившей Его Величество, войны Китая съ Англо-Французами, я долженъ буду въ мѣстѣ съ тѣмъ донести моему правительству о томъ участіи, которое я принималъ въ примиреніи враждующихъ сторонъ, а также и о ходѣ нашихъ собственныхъ дѣлъ съ Китаемъ; но что же я могу донести когда Вы, почтенные сановники, до сихъ поръ ни на что еще не рѣшились? Моему Императору будетъ весьма прискорбно узнать что Вы, прибѣгнувъ къ помощи и покровительству его посланника, не умѣете быть благодарными и не исполняете его

законныя требованія. Вашими колебаніями я поставленъ въ очень неловкое положеніе; приближающаяся зима легко можетъ помѣшать мнѣ вернуться въ Россію сухимъ путемъ чрезъ Монголію и я буду вынужденъ зимовать въ Пекинѣ: несомнѣнно что какъ только союзники, рѣшившіе было вернуться въ Тянь-Цзинъ, узнаютъ объ этомъ, они изъ зависти послѣдуютъ моему примѣру и тотчасъ же переѣдутъ обратно въ Пекинъ, а тогда богдыхану нельзя будетъ вернуться въ свою столицу не унижая своего достоинства.

Въ заключеніе Игнатьевъ напомнилъ сановникамъ, что никто другой, какъ онъ уговорилъ союзниковъ отвести свои войска въ Тянь-Цзинъ и что теперь для него ничего нѣтъ легче, какъ вернуть ихъ обратно въ Пекинъ; стоитъ только написать посламъ, что заключенные ими съ Китаемъ трактаты не прочны и требуютъ измѣненія.

Доводы эти повліяли на сановниковъ самымъ благопріятнымъ образомъ и дѣло значительно подвинулось впередъ. Чтобы ускорить конецъ переговоровъ, Игнатьевъ самъ пошелъ на уступки и отказался: 1) отъ своего прежняго требованія учредить консульство въ Цицикарѣ. 2) согласился на ограниченіе числа русскихъ подданныхъ, одновременно проживающихъ въ Пекинѣ до 200 человѣкъ и 3) согласился чтобы китайскіе подданные, проживающіе нынѣ по рѣкѣ Уссури, оставались на своихъ мѣстахъ, считать по прежнему подданными Китая.

Уступки эти, которыми мы въ сущности ровно ничего не теряли, имѣли для переговоровъ рѣшающее значеніе. Какъ только уполномоченные узнали объ нихъ, они тотчасъ же изъявили готовность утвердить

всѣ остальные пункты и доложили Гунъ-цинъ-вану, что трактатъ окончательно разработанъ и можетъ быть подписанъ обѣими сторонами.

На слѣдующій же день проектъ трактата былъ представленъ на разсмотрѣніе и утвержденіе богдыхана.

28-го октября послы выѣхали наконецъ изъ Пекина. За нѣсколько дней до ихъ отъѣзда Игнатьевъ далъ прощальные обѣды сначала лорду Эльгину, а затѣмъ барону Гро; южное подворье, въ которомъ посланникъ собирался принимать иностранцевъ еще за время перваго своего пребыванія въ Пекинѣ, было обставлено достаточно прилично, чтобы принять гостей подобающимъ образомъ. Эльгинъ далъ Игнатьеву, въ свою очередь, отвѣтный обѣдъ, но Гро отговорился неимѣніемъ соотвѣтствующей обстановки и шутя пригласилъ Игнатьева къ себѣ въ Парижъ, въ Сэнъ-Жерменское предмѣстье. Дѣлая прощальный визитъ Гунъ-цинъ-вану, Эльгинъ представилъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ Брюса, который не желалъ уѣзжать изъ Пекина не будучи представленъ хотя бы брату богдыхана. Наканунѣ отъѣзда оба посла были у Игнатьева, съ которымъ они разстались самымъ дружественнымъ и задушевнымъ способомъ.

На слѣдующій же день, по отъѣздѣ пословъ, Гунъ-цинъ-ванъ сдѣлалъ визитъ Игнатьеву. Молодой 26-и лѣтній князь держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и произвелъ на всѣхъ прекрасное впечатлѣніе. Войдя въ залъ и стоя передъ посланникомъ онъ передалъ ему признательность богдыхана за оказанное содѣйствіе въ дѣлѣ примиренія съ союзниками и извинился, что множество дѣлъ помѣшало ему быть у посланника раньше; послѣ этого онъ сѣлъ на пред-

ложенное ему кресло и началъ говорить о посторонних̈ъ предметахъ, упоминая лишь вскользь о политическихъ событіяхъ. Не привыкшій къ европейской обстановкѣ, князь Гунъ видимо конфузился и съ большимъ любопытствомъ разглядывалъ окружающіе его предметы и костюмы русскихъ.

На слѣдующій же день Игнатьевъ возвратилъ ему визитъ, а черезъ 2 дня прибыли въ подворье всѣ уполномоченные съ которыми велись переговоры. Этотъ разъ ихъ появленіе отличалось особой торжественностью. Главный сановникъ Жуй-Чанъ, вышелъ изъ носилокъ держа надъ головой небольшой ящикъ, завернутый въ шелковую ткань желтаго цвѣта. Дойдя, такимъ образомъ, до внутреннихъ комнатъ миссіи, онъ торжественно вручилъ Игнатьеву ящичекъ, въ которомъ заключался новый договоръ и указъ богдыхана гласившій слѣдующее: князь I степени Гунъ, по имени И-синь, съ товарищами представилъ на наше Высочайшее воззрѣніе составленный русскимъ правительствомъ трактатъ изъ XV статей. Жуй-Чанъ съ товарищами входилъ, по порученію Гунъ-цинъ-вана, въ совѣщаніе съ посланникомъ русскаго государства генераломъ Игнатьевымъ, вмѣстѣ съ которымъ они разобрали каждую статью въ отдѣльности съ должнымъ вниманіемъ и удовлетворительностью. Повелѣваемъ исполнить то, что въ семъ договорѣ постановлено и пр. Быть по сему Сянь-Фынь.

X года 9-й луны (27-го октября 1860 года) тотчасъ по прочтеніи указа, занялись окончательнымъ исправленіемъ текста трактата и его переводомъ на китайскій языкъ. Когда оба текста русскій и китайскій были окончательно изготовлены, приступили къ

составленію протокола засѣданія, которое должно было произойти по общему соглашенію въ русскомъ подворьѣ 2-го ноября въ 2 часа по полудни.

Оставалось только произвести ратификацію договора и рѣшивъ предварительно вопросъ руководствоваться ли общими основаніями, на которыхъ договоры ратификуются въ Европѣ, или же, послѣдовать примѣру англичанъ и французовъ удовольствовавшихся упрощеннымъ способомъ, чтобы избѣгнуть излишней формальности. Второй способъ былъ конечно предпочтительнѣе, при полной его законности, что подтверждалось тѣмъ, что имъ довольствовались побѣдители китайцевъ англичане и французы; подобная ратификація не подвергалась тѣмъ случайностямъ, которыя такъ отразились да договорахъ Тянь-Цзинскомъ и Айгунскомъ, а потому Игнатьевъ конечно остановился на немъ, потребовавъ лишь чтобы русскій трактатъ по примѣру англійскаго и французскаго, былъ напечатанъ и немедленно разосланъ, по его подписаніи богдыханомъ, во всѣ присутственныя мѣста, что и было исполнено въ точности. Трактатъ былъ напечатанъ, въ форматѣ издающейся при верховномъ совѣтѣ такъ называемой Пекинской газетѣ Цзинъ Бао, и разосланъ куда слѣдуетъ.

Въ день подписанія трактата не малю хлопотъ доставилъ посольству англійскій переводчикъ Эдкинсъ, котораго Эльгинъ оставилъ въ Пекинѣ съ цѣлью имѣть якобы ближайшій надзоръ за устройствомъ помѣщенія для англійской миссіи, но въ сущности для того, чтобы слѣдить за дѣйствіями русскаго посланника. Чтобы усыпить бдительность этого англичанина, Игнатьевъ предложилъ ему, разъ на всегда, обѣдать у

него въ подворьѣ, что тотъ и исполнялъ ежедневно съ большой охотой. 2-го ноября, когда долженъ былъ совершаться актъ подписанія трактата, необходимо было удалить его на весь день изъ подворья, что и было съ успѣхомъ исполнено іеромонахомъ Исаемъ и студентомъ миссіи Пещуровымъ. Пригласивъ Эдкинса осмотрѣть Ламскую кумирню Юнъ-Хэ-чунъ, они повезли его оттуда обѣдать въ сѣверное подворье, гдѣ его порядочно подпоили; когда онъ вернулся въ южное подворье, то все уже было окончено и китайцы разъѣхались.

Вмѣсто назначенныхъ 2 часовъ по полудни, Гунъ-цинъ-ванъ, слѣдуя китайскому этикету прибылъ на $1^1/_2$ часа позже. Послѣ обычныхъ привѣтствій, тотчасъ приступили къ повѣркѣ текстовъ трактата и прочтенію протокола. Когда внесли на особой подушкѣ грамоты русскаго посланника и ящикъ съ указомъ богдыхана, уполномоченные встали съ своихъ мѣстъ. Гунъ-цинъ-ванъ предложилъ Игнатьеву первымъ подписать трактатъ и приложить печать, послѣ чего онъ исполнилъ это самъ.

Пограничная карта, какъ было условлено наканунѣ не была подписана и передана, въ спеціально приготовленной еще въ Иркутскѣ серебряной трубкѣ съ чеканными гербами русскихъ губерній, Гунъ-цинъ-ванъ который долженъ былъ представить ее самому богдыхану. Этимъ кончилась вся церемонія; за симъ подали шампанское и князь Гунъ очень ловко отвѣтилъ на поздравленіе Игнатьева съ благополучнымъ окончаніемъ всѣхъ дѣлъ. Прощаясь съ посланникомъ, онъ обѣщалъ посѣтить его разъ наканунѣ отъѣзда посольства изъ Пекина.

Наконецъ то Игнатьевъ могъ вздохнуть свободно; миссія его была закончена и притомъ самымъ блестящимъ образомъ. Суть заключеннаго трактата состояла въ томъ, что китайское правительство подтвердило и дополнило Айгунскій договоръ и самымъ положительнымъ образомъ признало за Россіей весь Амурскій и Уссурійскій край, какъ и пространство земли ограниченное р. Уссури, озеромъ Ханкай, моремъ и рѣками Суй-Фынь и Тумень, на которое мы въ сущности не имѣли никакого права, если бы мы основывались только на одномъ указѣ богдыхана, сообщенномъ въ 58 г. графу Путятину китайскимъ министромъ Гуй-Ляномъ.

Второю статьей мы получили произвольно подвинуть граничную линію на западъ китая и овладѣть входами въ дефиле, ведущія въ города малой Бухаріи. 5-й статьей подтвердились права нашихъ купцовъ на караванную торговлю и свободное посѣщеніе Пекина, что было оговорено еще Нерчинскимъ и Кяхтинскимъ трактатами и о чемъ забыли съ теченіемъ времени.

6 статьей разрѣшалось открыть консульство въ Кашгарѣ, что имѣло для насъ значеніе ввиду близости этого пункта къ Индіи.

Статьи 9, 10, 11 и 12 дополнили недосказанное въ Тянь-Цзинскомъ трактатѣ и устранили недоразумѣнія, возникавшія доселѣ на границѣ.

Согласно этимъ статьямъ, китайское правительство признало за нашими военными губернаторами тѣ же права, какъ и за своими Цзянь-Цзюнями, (главнокомандующими) на Амурѣ и въ Гиринѣ, благодаря чему наши пограничные начальники получили возможность сноситься съ китайскими пограничными властями,

надъ которыми они могли распространять въ будующемъ наше вліяніе.

12 статья давала нашимъ купцамъ право учредить на свой собственный счетъ, если они признаютъ для себя полезнымъ, почтовое сообщеніе по Монголіи, независимо отъ установленнаго правительствомъ. Немаловажное преимущество давала статья XIV, предоставляющая генералъ губернатому Восточной-Сибири право заключить по соглашенію съ китайскими пограничными властями новыя дополнительныя правила для сухопутной и караванной торговли.

Статьей X уничтожилось прежнее правило, по которому за всякую украденную и неотысканную вещь полагался штрафъ, равный удесятиренной ея стоимости; статьей этой устранились многія затрудненія и несправедливости, которыя постоянно возникали на границѣ благодаря этому постановленію.

По окончаніи дѣлъ съ Китаемъ, Игнатьевъ не упустилъ изъ виду соблюдавшійся до сихъ поръ всѣми посланниками въ Китаѣ, восточный обычай дѣлать подарки уполномоченнымъ. Этотъ разъ онъ имѣлъ особенную цѣну ввиду того, что ни англійскій ни французскій посолъ этого правила не соблюли. На слѣдующій день, послѣ подписанія трактата, всѣ имѣвшіеся въ миссіи подарочныя вещи были разосланы Гунъ-цинъ-вану, четыремъ уполномоченнымъ, Жуй-чану, Линь-куй-бао, Чану и нѣкоторымъ другимъ китайскимъ сановникамъ, принимавшимъ участіе въ заключеніи трактата. Почти всѣ подарки были русскаго издѣлія и состояли изъ суконъ, драдедамовъ, хрусталя, фарфора, часовъ, картинъ и пр. Гунъ-цинъ-вану былъ отосланъ соболій мѣхъ, ружье-револьверъ, 2 винтовки и нѣсколь-

ко бутылокъ шампанскаго и пр. На слѣдующій же день, всѣ получившіе подарки не замедлили отвѣтить тѣмъ же, прислав Игнатьеву разные шелковыя матеріи, фарфоръ, вѣера и пр.

5-го января Баллюзекъ повезъ въ Петербургъ заключенный въ Пекинѣ дополнительный договоръ; самъ посланникъ намѣревался выѣхать 10-го. Наканунѣ его отъѣзда Гунъ-цинъ-ванъ прибылъ еще разъ въ наше подворье, благодаря Игнатьева за присланные подарки, изъ которыхъ ему особенно понравился ружье,—-револьверъ; онъ началъ хвалить вооруженіе русскихъ солдатъ и выразилъ свое глубокое сожалѣніе что въ 58 г. его правительство отказалось отъ оружія и инструкторовъ, которыхъ предлагалъ ему Путятинъ.

Обстоятельство того времени, „говорилъ Гунъ-цинъ-ванъ,“ не позволили намъ принять предложеніе русскаго правительства и теперь, когда Китай наученъ горькимъ опытомъ войны съ европейскими войсками, мы иначе отнеслись бы къ подобному предложенію и приняли бы оружіе съ большой благодарностью. Намекъ Гуна былъ достаточно ясенъ и Игнатьевъ поспѣшилъ выразить сожалѣніе, что оружіе и инструктора возвращены уже въ Россію, но, добавилъ при этомъ, что если Маньчжурское правительство обратится къ Россіи съ оффиціальной просьбой по этому вопросу, то онъ обѣщаетъ доложить о ней Государю Императору, въ надеждѣ что его Величество, относясь къ китайской имперіи особенно благосклонно, не оставитъ этой просьбы безъ вниманія.

Въ назначенный день, около 10 часовъ утра, миссія выѣхала изъ Пекина; любопытный народъ тол-

пился на улицахъ, дружелюбно провожая носилки посланника.

VIII.

Путешествіе обѣщало быть не изъ легкихъ: сильные морозы давали себя чувствовать. Черезъ три дня пути прибыли въ Калганъ, гдѣ, по заранѣе сдѣланному распоряженію Гунъ-цинъ-вана, была приготовлена торжественная встрѣча. Не доѣзжая 14 верстъ до города, посланнику представился выѣхавшій впередъ помощникъ градоначальника. Улицы, по которымъ слѣдовало посольство, были полны народу, у воротъ же дома, предназначеннаго для посольства была возведена тріумфальная арка. Мѣстные начальники позаботились о томъ, чтобы сдѣлать гостямъ пребываніе въ ихъ городѣ наиболѣе пріятнымъ и доставить всѣ возможныя удобства для дальнѣйшаго слѣдованія по Монгольской степи. Утомительный путь этотъ представляло сдѣлать, какъ и первый разъ, въ неудобныхъ двуколесныхъ китайскихъ телѣжкахъ, которыя везлись верховыми монголами: всѣхъ повозокъ было 14; ѣхали довольно быстро, проѣзжая ежедневно отъ 4 до 6 станцій, отстоящихъ другъ отъ друга на 20—30 верстъ.

Въ Ургѣ посланникъ рѣшилъ остаться одинъ сутки, которыми онъ желалъ воспользоваться, чтобы примѣнить статью только что заключеннаго договора, разрѣшавшую намъ учредить консульство въ этомъ городѣ.

Посольство остановилось въ такъ называемомъ русскомъ подворьѣ отдававшемся обыкновенно въ распоряженіе русскихъ проѣзжавшихъ черезъ Ургу.

Правителемъ города былъ въ это время сановникъ Сэнъ-Тунге (монголъ по происхожденію), занимавшій въ 30-хъ годахъ должность Заргучея въ Кяхтѣ. Онъ

тотчасъ же явился вмѣстѣ со своимъ помощникомъ къ Игнатьеву, чтобы поздравить съ пріѣздомъ и выразить ему свое почтеніе, фактъ, заслуживающій вниманія. До этого случая Ургинскіе правители не только не дѣлали визитовъ первымъ проѣзжавшимъ Ургу русскимъ, но даже не отвѣчали на посѣщеніе пріѣзжавшихъ къ нимъ начальниковъ духовной миссіи и даже посланниковъ, теперь же времена видимо измѣнились.

На предложеніе посланника отвести подходящій участокъ земли для будущаго русскаго консульства, ургинскіе правители изъявили свое согласіе и тутъ же командировали одного изъ бывшихъ при нихъ монгольскихъ чиновниковъ, чтобы осмотрѣть совмѣстно съ Татариновымъ соотвѣтствующее мѣсто. Выборъ Татаринова палъ на небольшую возвышенность, лежащую близъ русскаго подворья, на полъ пути отъ Ургинскаго Май-ма-чена, въ недалекомъ разстояніи отъ праваго берега рѣки Толы.

25-го ноября, рано утромъ, миссія тронулась въ дальнѣйшій путь и 27 числа, около 10 часовъ утра, благополучно прибыла въ Кяхту.

Такъ кончилось посольство Игнатьева къ правительству Китая.

[illegible] областная
[illegible] Библіотека
г. Благовѣщенск

104524